

В.Т. СВИСТОВ

ГУРЗУФ

Краеведческие очерки

ГУРЗУФ
2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение
2. Из далёкого прошлого
3. Генуэзская крепость Горзувиты
4. Под сенью Аю-Дага
5. «Там колыбель моего Онегина»
6. «Не себе, а Родине»
7. У истоков курорта
8. «Российское Монте-Карло»
9. От прошлого к настоящему
10. «Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...»
11. Возрождение
12. Краснокаменка (Кизилташ)
13. Ай-Даниль
14. Слово об Артеке
15. Война
16. «И снова счастливых ребят голоса»...
17. Парки Гурзуфа и Артека
18. Медведь-Серая гора (легенда)
19. Братья-близнецы Адалары (легенда)
20. «Чёртов домик»
21. Потемкины в Артеке
22. Артековский посёлок Первушино
23. Пушкинские гроты
24. Шаляпинский мыс
25. Заключение

ВВЕДЕНИЕ

«...Мой дух к Юрзуфу прилетит...»

А.С. Пушкин

Направляясь по горной троллейбусной трассе из Симферополя на южный берег Крыма, гости курорта не перестают восхищаться красотой этой транспортной магистрали, практически заново проложенной в начале 60-х годов. За окнами троллейбуса пред изумленными взорами пассажиров проплывают, утопающие в зелени садов, деревни, живописные отроги Чатыр-Дага, грандиозные осыпи знаменитого обвала и каменные истуканы долины приведений горы Демерджи, Кутузовский фонтан и древняя Алушта, куполообразная гора Кастель и безбрежная синева моря, вдоль которого, начиная от Алушты, пролегает трасса. Здесь живописные деревни, древний поселок Партенит, а за ними, видный издалека, легендарный Аю-Даг, Медведь-гора.

В салоне троллейбуса заметное оживление, пассажиры буквально липнут к окнам, некоторые вскакивают с мест, обмениваются впечатлениями. Еще бы! Перед их восхищенными взорами открывается поистине изумительная по красоте картина: слева - громада Аю-Дага, дальше, в западном направлении далеко в море вдается лесистый мыс Мартьян. Между Аю-Дагом и Мартьяном - морские заливы - Артековский и Гурзуфский. В центре морской акватории возвышаются два скалистых островка - Адалары (острова, тюркск.) К ним от берега, от Пушкинской скалы, протянулся каменный мыс - Шаляпинский, а немного подальше, к западу от них возвышается Дженеvezкая (Генуэзская скала). И всё это великолепие на изумрудном фоне Черного моря. На горных склонах, справа и слева от трассы, сплошные виноградные плантации, а за ними, у самого моря, среди зелени роскошных парков Международный детский центр «Артек». На территории площадью около трёхсот гектаров на протяжении семи километров на берегу моря расположились десять его лагерей. А дальше, за Генуэзской скалой, видны строения курортного поселка городского типа древнего Гурзуфа.

Слева, у трассы - большой эллипсовидный экран с накладными на нем буквами: «Артек. Международный детский центр». Отсюда, вниз, к морю, до центральной части детской здравницы всего два километра шоссейной дороги. Чуть подальше от главного въезда в Артек, справа - троллейбусная остановка поселка Краснокаменка, расположенного под сенью огромного кубообразного, розоватого цвета известкового массива с руинами средневековой сторожевой башни на его вершине.

Следующая остановка называется Тропка. Отсюда в Гурзуф ведет кратчайший

пешеходный путь. Через пять минут езды от Тропки - главная гурзуфская остановка, называется она «Приятное свидание». Отсюда пешим ходом вниз, по шоссейной дороге, ведущей в Гурзуф, пятнадцать-двадцать минут - и центр курортного поселка. Туда же идут рейсовые автобусы маршрут №31 Ялта - Гурзуф. Внизу, на так называемой Развилке - конечная остановка автобуса. Отсюда, по набережной горной речке Авунда, дорога приведет в центр поселка и к морю. Здесь много чистого, целебного воздуха обилие солнца, много зелени и популярные здравницы.

«Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При блеске утренней Киприды
Как вас впервой увидел я...»

А.С.Пушкин

Такими восторженными словами выразил свое восхищение, любуясь с борта корабля панорамой Гурзуфа, великий Пушкин.

Среди крымских курортов Гурзуфский пользуется большой и неизменной популярностью. Людей влекут сюда ласковое море, удивительно красивые пейзажи живописный, целебный климат и много солнца. Природные условия гурзуфского района отличаются от курортов южного побережья своим микроклиматом. Это обусловлено географическими особенностями гурзуфского горного амфитеатра. От холодных северных ветров Гурзуф, Краснокаменку, Ай-Даниль и Артек прикрывает самая высокая в этом районе Главная гряда Крымских гор - Бабуган с вершинами Роман-Кош (1545 м.), Демир-капу (1540 м.), Зейтин-кош (1533 м.) и Авинда (1473 м.). С восточной стороны район прикрывает сутулая гора Аю-Дага (570 м.), а с запада - Никитская яйла с мысом Мартыан.

Склоны горной гряды покрыты лиственными и хвойными лесами, а ближе к побережью - сплошные виноградные плантации. В предгорье расположены плантации эфиромасличных растений - розы и лаванды.

Климат здесь замечательный, Средиземноморского типа. Солнце сияет 2173 - 2200 часов в год, около 6 часов в сутки. В летние месяцы суточная продолжительность солнечного сияния составляет в среднем 11 часов. Среднегодовая температура воздуха в Гурзуфе - 13,4 градуса, выше, чем в Ялте, Алушке, Алуште и других местах Крыма.

Зимой, в январе, среднемесячная температура тоже на 8 градусов выше, чем в остальных

пунктах.

В отличие от Черноморского побережья Кавказа, славящегося своими курортами, воздух Южного Берега Крыма значительно суше, что обуславливает его значение как здравницы для успешного лечения легочных больных, да и не только легочных.

Зима в Гурзуфе напоминает северную осень. Количество туманных дней в среднем - «чертова дюжина» - всего 10-13 и в основном весной, когда солнце начинает нагревать морскую воду, а прохладный воздух способствует конденсации водяных паров.

Температура воздуха ниже нуля бывает в зимние месяцы очень редко, да и держится она считанные дни. Среднемесячная температура января и февраля - около 4-6 градусов тепла. Снег в Гурзуфе выпадает очень редко и сразу же тает, долго не задерживается. Изредка здесь наблюдается интересное явление: снегопад сопровождается яркими вспышками молний и гулками раскатами грома. Зимняя гроза!

Большое влияние на здешний климат оказывает море. Зимой температура морской воды остается выше средней температуры воздуха и, отдавая тепло суше, море существенно смягчает зимний климат.

В летние месяцы море оказывает охлаждающее влияние на побережье, изнывающее от жары, и поэтому жара здесь переносится легче, нежели в местах, отдаленных от моря.

Осень здесь похожа на северное лето, средняя температура воздуха в сентябре - октябре составляет обычно 14-20 градусов тепла.

Хороша в Гурзуфе и во всем районе весна, когда появляются первые цветы, расцветают фруктовые и декоративные деревья и кустарники, воздух наполняется щебетанием птиц, зеленеет изумрудная трава, летают шмели и порхают бабочки. Но летом трава быстро выгорает и только в бесснежные зимние месяцы склоны гор и холмов, лесные и парковые поляны снова покрываются зеленым травяным ковром.

Гурзуф хорош в любое время года и это влечет к нему людей. Чудесное море, живописные ландшафты, обилие свежего, чистого, целебного воздуха и солнечного света, ритмичные звуки морского прибоя, буйная вечнозеленая растительность - всё это благотворно воздействует на человека, помогает ему бороться с недугами.

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Молчат гробницы, мумии и кости, -

Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь письма.

И. Бунин

Известный русский археолог, член Императорской Археологической Комиссии Н. И. Репников писал в начале XX века об Аю-Даге и Гурзуфской округе : «Масса урочищ с загадочными наименованиями в ближайших окрестностях, сам величественный Аю-Даг с остатками древних укреплений на нём и целым рядом разновременных могильников и церквей у его подошвы - всё это вместе взятое придаёт особый научный интерес данной местности и указывает, наряду с часто находимыми в почве древними украшениями и монетами, что она имеет свою многовековую историю, почти теряющуюся в тумане прошлого».

Посёлок городского типа Гурзуф, входящий в административную структуру так называемой Большой Ялты, расположен в 16-ти километрах к северо-востоку от главного города южного берега - Ялты. В свою очередь Гурзуф является административным центром округа, в которую входят небольшие населённые пункты Краснокаменка, Ай-Даниль, Линейное и Партизанское.

Происхождение названия посёлка точно не установлено. Версия о том, что произошло оно от латинского «урзус» - медведь, предположительна, навеяна близостью к Медведь-горе. Историки и археологи установили, что местность эта, названная в далеком прошлом округой Горзувитской, была заселена первобытными племенами более 30 тысяч лет тому назад. В различных пунктах округа были обнаружены следы стоянок древнего человека, кремневые орудия различного назначения эпохи раннего палеолита (свыше 2 млн. лет назад - 10-е тысячелетие до н. э.).

Позднее, в III - I тысячелетиях до н.э., здесь находились поселения эпохи неолита (новокаменного века) и эпохи бронзы.

С середины первого тысячелетия до новой эры из степей Северного Причерноморья в крымские степи стали переселяться кочевые племена скифов. В это же время на крымское южное побережье, в восточные и западные прибрежные районы полуострова устремились греки - выходцы из Гераклеи Понтийской и Милета. В прибрежных районах возникали греческие города-колонии, которые вскоре стали насаждать среди аборигенного населения свой образ жизни, эллинскую цивилизацию и культуру, базировавшиеся на эксплуатации рабов.

В IV веке новой эры Крым переживал болезненный длительный период перехода от

античной эпохи к средневековью. На смену рабовладельческому строю шел новый - феодальный. Великое переселение народов - вестготов, франков, вандалов - на юг Европейского континента привело, в конце концов, Великую Римскую империю к гибели, к распаду её на мелкие государства. В то же время укреплялась и становилась могущественной и стабильной Восточная империя - Византия. Империя расширяет и укрепляет своё влияние на Крымском полуострове, а наследник античного Херсонеса - теперь уже город Херсон - становится политическим, административным, культурным и военно-стратегическим центром на крымской земле.

В эпоху раннего средневековья «округа Горзувитская» занимала достойное место среди многочисленных населённых пунктов Южного берега Крыма.

Византийский император Юстиниан I (527-565 годы) последовательно и настойчиво укреплял границы своей империи путем строительства систем мощных крепостей.

Имперский придворный строитель военных укреплений Прокопий Кессарийский в трактате «О постройках» писал: «Если бы мы показали список крепостей, воздвигнутых при Юстиниане, людям, живущим в какой-нибудь отдалённой стране и потому не могущих собственными глазами убедиться в этом, то, конечно, такое число этих сооружений показалось бы им сказочным и невероятным». «... Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами,.. Юстиниан воздвиг и там два укрепления, так называемые Алуста и в Горзувитах.».

Во времена Прокопия Кессарийского территорию округа Горзувитской, как и всё пространство юго-западной части полуострова, населяли готские племена. Страна эта называлась Дори. В истории Византии Крым играл очень важную роль и за господство на полуострове и на Черноморье она вела длительную и упорную борьбу. Оживленная торговля с многочисленными приморскими городами сулила немалые барыши, поступиться которыми византийские правители просто не могли и не хотели.

В VI - VII столетиях по соседству с византийскими крепостями возникли населённые пункты Горзувиты, Артек, Партенит, Биюк-Ламбат, Алустон и другие. Однако это совсем не означает, что в довизантийский период здесь не существовали поселения. Прокопий Кессарийский подчёркивал, что император Юстиниан I приказал восстановить разрушенные кем-то и когда-то горзувитскую и алустонскую крепости. Кому они принадлежали? Кем были воздвигнуты? Возможно, они были построены в I веке до н.э. - I веке н.э. римлянами и были разгромлены варварскими племенами - готами и гуннами, которые в III - VI веках н.э. хлынули в Крым и прошли огнём и мечом по крымским поселениям. Археологические раскопки 1963,

1965-1967 годов в значительной степени подтвердили гипотезу о том, что на протяжении трёх исторических периодов на месте современного Гурзуфа существовали в древности и в средние века крупные населенные пункты, оберегавшиеся от вражеских нашествий мощной по тем временам крепостью.

В VIII - IX веках в округе Горзувитской крепости возникли несколько укрепленных деревень, усадьбы местных феодалов и монастыри. Их обитатели жили напряжённой жизнью, готовились противостоять кочевникам-хазарам, которые в конце VII века - в VIII веке вторглись в пределы полуострова, осадили Херсон и другие города. Урочище «Хазар» на южном склоне Лысого бугра (территория нынешнего артековского лагеря «Лазурный») свидетельствует о том, что хазары не обошли своим вниманием и округу Горзувитскую.

До настоящего времени нет ещё единой точки зрения учёных на этнический состав населения средневековой округи Горзувитской. Письменные источники того времени, дошедшие до наших дней, ответа на этот вопрос не дают.

Некоторые суждения о населении этих мест позволяют сделать вещи, обнаруженные археологами в средневековых могильниках урочищ Гугуш, Болгота, Хазар (Суук-Су), Артек и горного перевала Гурбет -дере (Гурзуфское седло).

«Кошунственные» действия учёных-археологов, вскрывающих древние захоронения, вызваны насущной потребностью использовать их содержимое в научных целях. Письменные источники не всегда и не полно, а подчас и искаженно рисуют картины жизни и деятельности людей, отдалённых от нас эпох. Погребальные обряды, наиболее стойкие и неизменные в веках, позволяют раскрыть более или менее полно важные стороны человеческого бытия. Вот почему изучение древних захоронений занимает в работе археологов одно из ведущих мест. Добытые путём изучения древних захоронений сведения позволяют учёным определять этническое происхождение погребённого, его возраст, физические данные, пол, обычаи и верования, иногда прижизненную его профессию или род деятельности, образ жизни, примерные годы его жизни и смерти, и многое другое. Всё это делает возможным раскрыть важнейшие черты минувших эпох.

К востоку от Гурзуфа, по дороге, ведущей в Суук-Су и дальше в Артек, на южном склоне скалистого холма, известного у местных жителей под названием «Лысого бугра», находится урочище «Хазары». Границы его составляют: на западе седловина «Темир-хану» («железные ворота», тат.), круто поднимающаяся из глубокой балки, носящей название «Мёртвой долины», «Долины крови» или ещё «Черкес-дере» («Овраг черкесов», тат.); на востоке - балка «Суук-Су» («холодная вода», тат.); на севере - склоны «Лысого бугра» и соседних холмов; на юге урочище

полого спускается к морю. В первоначальном виде оно представляло пустырь, заросший колючим кустарником и загроможденный массивными обломками скал. В начале XX столетия урочище принадлежало В.И.Березину и О.М.Соловьевой, которые построили здесь и открыли первоклассный российский курорт «Суук-Су». Местному населению еще с конца восьмидесятых годов прошлого столетия было известно, что в урочище «Хазары» находится очень старый могильник. Археолог А.Н.Харузин, производивший летом 1889 года раскопки в окрестностях Гурзуфа, узнал от местных жителей об этом, наряду с другими могильникам, на склонах «Лысого бугра». Тогда же А.Н.Харузин произвел небольшие пробные раскопки, в ходе которых обнаружил две плиточные могилы верхнего слоя. В 1899 - 1900 годах в имении «Суук-Су» начались земляные работы по прокладке новой дороги в сторону Артека по южному склону «Лысого бугра». В ходе работ были обнаружены в большом количестве средневековые плиточные и земляные могилы с останками умерших и с разнообразным погребальным инвентарём, в большинстве своём пропавшим для науки бесследно. Часть находок владелец имения «Суук-Су» В.И.Березин передал в частное собрание археологических раритетов А.Л.Бертье-Делагарда - известного русского учёного, специалиста по истории и археологии Крыма, который считал необходимым немедленно приступить к археологическим раскопкам могильника. Смерть владельца имения «Суук-Су» В.И.Березина (1900 год) и заботы, связанные с переходом имения в собственность О.М.Соловьёвой, воспрепятствовали на некоторое время осуществлению этих раскопок. Некоторая часть вещей из могил, которые разобрали рабочие, была все же собрана управляющим имения А.И.Домбровским, а часть из них выкуплена и передана Бертье-Делагарду.

В 1903 году Императорская Археологическая Комиссия поручила известному русскому археологу Н.И.Репникову заняться исследованием могильника «Суук-Су».

9 августа 1903 года учёный приступил к работе. Раскопки продолжались до 10 сентября, а затем были продолжены вместе с археологом Н.Е.Макаренко и были завершены 1 февраля 1904 года. В ходе раскопок были вскрыты и изучены 87 погребений. Раскопки на так называемых общественных землях были завершены зимой 1904-1905 годов. После этого археологи в 1905 году приступили к раскопкам на территории частного владения О.М.Соловьёвой «Суук-Су».

В ходе работ обнаружили два слоя погребения: верхний - на глубине до полутора метров, и нижний - на глубине до трёх метров. Археологические раскопки средневекового могильника «Суук-Су» производилась на средства А.Л. Бертье-Делаграда.

Примерно в этот же период производились раскопки в урочище Бал-Гота (у местных

татар урочище называлось «Эски-Мэзер» - «Старая могила»).

В 1902 году во время перекопки виноградников в урочище Артек владельцами тамошних имений К.К.Фон-Фиком и Н.Метальниковым были обнаружены средневековые могильники, погребальный инвентарь которых также был передан А.И.Домбровскому. Всего во время раскопок были вскрыты и изучены более двухсот захоронений, давших исключительно ценные результаты. Многочисленный погребальный инвентарь, в числе которых золотые и серебряные украшения, застёжки, ажурные пряжки, фибулы, браслеты, крестики, бусы, керамическая посуда, светильники, монеты и т.п. Многие из них были переданы в фонды Императорской Археологической Комиссии и в музей Одесского Общества истории и древностей.

Средневековый могильник «Суук-Су» вскоре занял достойное место в числе достопримечательностей международного значения.

В 1951 году научным сотрудником Ялтинского краеведческого музея П.Одарченко были произведены контрольные раскопки на пустыре урочища Соловьиное между двумя артековскими лагерями №2 и №3, напротив бывшей Гуровой дачи. В ходе раскопок были обнаружены фундаменты храма и плиточные погребения в самом храме и возле него, а все пространство этого пустыря - большой могильник VI - X веков. Этот горзувитский некрополь ещё ждёт своих исследователей.

В начале 60-х годов в Артеке, на юго-западном склоне Аю-Дага, были проведены археологические раскопки средневекового поселения VIII - XV веков. По всем данным поселение это было разгромлено турками во время их нашествия на Крымский полуостров в 1475 году.

Разгром довершил мощный оползень.

В ходе раскопок были обнаружены основания различных построек, определена планировка улиц и переулков, найдены остатки кузнечных помещений, где мастера изготавливали металлические детали для строившихся там кораблей.

Археологи пришли к выводу, что этот населённый пункт, название которого до наших дней не дошло, просуществовавший семь столетий и погибший под ударами пришлых завоевателей, был одним из крупнейших населённых пунктов на территории современной Таврики.

Здесь были построены большие по тем временам здания, толщина стен которых достигала одного метра. Были здесь и двухэтажные дома с двориками и хозяйственными постройками. Улицы были мощёны камнем. Окраины этого поселения были застроены

небольшими хижинами, которые лепились на крутых склонах Аю-Дага, и к ним вели лестничные переходы, тропинки и мостики. До наших дней сохранились участки проезжих дорог с подпорными стенками и остатками мостов. Именно здесь, в этой верхней части поселения, сотрудниками «Артека» Н.Лебедевым и А.Фроловым была случайно найдена золотая византийская монета IX столетия с изображением императоров Василия I и Константина. При раскопках были обнаружены остатки оборонительной стены, толщина которой составляла около трёх метров, а также средневековая керамика - обломки кувшинов, тарелок, блюд, амфор и пифосов, которые помогли ученым определить временные границы существования этого поселения.

В 1963 году археологи обследовали остатки более древнего поселения, которое находилось на месте нынешнего урочища Осман. Многочисленные обломки керамической посуды и античные монеты, обнаруженные здесь в ходе разведочных работ, позволили датировать это поселение IV веков до нашей эры - IV веком нашей эры. И это поселение просуществовало здесь около семисот лет, а может быть и больше. Кстати, здесь в начале века была найдена золотая монета римского императора Валерия Максимилиана.

Археологи считают, что поселение это было таврским, так как по соседству с ним находились таврские погребения в каменных ящиках - «дольменах».

Несколько ниже урочища Осман, на территории бывшего подсобного хозяйства «Артека» и дальше, к югу по западному склону Аю-Дага, в VIII - X в.в. существовало еще одно крупное поселение. Здесь раскопки не производились и поселение это ещё ждёт своих исследователей.

Северо-западный склон Аю-Дага, от урочища Осман до поселка Первушино и дальше к югу, в древности был сплошь террасирован грубыми каменными подпорными стенками, сложенными из диоритовых глыб насухо. Пространства между этими кладками изобилуют керамикой разных эпох: верхний, средневековый слой, покрывает более древние слои керамики, в которых в 1963 году были обнаружены фрагменты грубой, ручной лепки таврской посуды вперемешку с древнегреческой и римской керамикой.

Остатки террас с крепидами и следы жилищ позволяют предположить, что в IV - I веках до н.э. и в первые века н.э. здесь находилось позднеатавское поселение, а средневековое, возникшее на этом месте, постепенно расширялось в южном направлении, к морю, занимая всё пространство западных склонов Аю-Дага. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней остатки каменных кладок, плитовые могилы, участки дорог, мощенные щебнем, подпорные стенки и остатки фундаментов жилых помещений. Все это сейчас скрыто сильно

разросшимся лесом и дожидается археолога. И нет никакого сомнения в том, что весь западный склон Аю-Дага и в древности, и в средние века был застроен поселениями, связанными хозяйственными и иными связями между собой, а также с поселениями, расположенными на вершине и на восточных склонах горы.

В 1969 году археологи произвели детальное обследование вершины и северо-восточных склонов Аю-Дага. Предварительное обследование таврской оборонительной стены и остатков небольшого средневекового поселения в её ограде (около тридцати жилых домов), позволило определить, что и это поселение существовало с VIII по X века.

На поляне Ай-Констант были обнаружены фундаменты больших зданий, по-видимому, культового назначения - храма или монастырской постройки. И эта постройка просуществовала с VIII по X века. Среди остатков небольшого храма, просуществовавшего здесь с XII по XV века, была обнаружена свинцовая ампула с остатками мощей святого. Южнее и ниже поляны Ай-Констант, на небольшой лужайке, откуда открывается изумительно красивый вид на Партенит, Кучук-Ламбат, гору Кагель и в хорошую погоду просматривается побережье Восточного Крыма до мыса Меганом, были обнаружены фундаменты небольших жилых помещений и крупной постройки - по-видимому, храма. Анализ керамики позволил датировать эту группу построек XII - XV вв.

Установлено, что до X века здесь был расположен монастырь святых Апостолов с множеством храмов и монастырских строений, а также резиденция владельца феодальных угодий на самом Аю-Даге и его окрестностях.

Большой интерес для археологической науки вызывают окрестности Гурзуфа, Краснокаменки (Кизилташа) и Ай-Даниля, входящие территориально в гурзуфский административный район. Здесь повсеместно, на виноградниках, на холмах и у подножий скалистых отторженцев Главной горной гряды, при строительных работах, при перекопке садов и огородов постоянно встречается керамика различных эпох. На скалистом массиве выше поселка Краснокаменка и на самом Красном камне сохранились развалины средневековых стен и дозорных башенок VIII -IX веков. У подножия этих скал находились небольшие поселения, в которых, по-видимому, проживали военные гарнизоны этих укреплений. До нас дошло название одного из этих укреплений, расположенного на самой вершине Красного камня - Гелин-кая (Греческая скала).

И ещё об одном уникальном памятнике древности. В 1976 году на Бабуган-яйле Главной гряды Крымских гор в районе так называемого Гурзуфского Седла - горного перевала, ведущего в Центральную котловину Крымских гор, на высоте около 1400 метров над уровнем моря велись

земляные роботы. Здесь прокладывалась траншея для газопровода. В ходе земляных работ совершенно случайно были обнаружены остатки каких-то древних сооружений, которые строители обошли своим вниманием. И только в 1981 году гурзуфский краевед И.Д. Дроздов занялся изучением некоторых находок, обнаруженных им на седловине и сообщил о них сотрудникам Ялтинского исторического музея.

На Гурзуфском Седле под руководством сотрудника музея Н.Г.Новиченковой начались регулярные археологические раскопки, в ходе которых сразу же, в числе первых, находок, была обнаружена редчайшая монета древности - золотой статер чеканки 95-96 годов н.э. с изображением на ней местного таврского божества Девы - аналогичной культу греческой Артемиды - богини целомудрия, плодородия и охоты. Находка эта вдохновила археологов, и они продолжали работу.

В ходе дальнейших археологических изысканий были обнаружены тысячи предметов, представляющих огромную историческую ценность. Среди этих находок более двухсот монет, отчеканенных в Боспорском царстве времён царей Митридата Евпатора, Асандра, Аспурга, Полемона, царицы Динамии, монеты с изображением Александра Македонского, фракийского царя Лисимаха, императоров Марка Аврелия, Тиберия и Августа, полководцев Сципиона Африканского и Марка Антония и мн.др. Эти монеты - свидетельство событий, которые в древности происходили и на крымской земле. Кроме указанных монет на обширном раскопе были найдены уникальные изделия из кремня, серебра и бронзы - различные амулеты, ножи, пуговицы, орнаментированные накладки из кости, терракотовые статуэтки, ювелирные изделия, фрагменты керамических, бронзовых и стеклянных ритуальных сосудов и множество других мелких вещей.

Материал, обнаруженный в ходе раскопок, а они продолжались несколько дней подряд, позволил учёным сделать вывод о том, что на Гурзуфском Седле в древности находился неизвестный науке своеобразный крымский Олимп - святилище местного божества. В те далекие времена местные жители и пришлые люди совершали здесь религиозные обряды, сопровождавшиеся жертвоприношениями. С VI и по I века до н.э. в жертву богам приносились домашние животные, и, судя по многочисленным костным останкам, это был крупный рогатый скот. Позднее сюда в качестве жертвоприношений стали приносить и ценные вещи. Начало нашей эры ознаменовалось зарождением на этом святилище обрядов, связанных с культом огня. Здесь был сооружён своеобразный пантеон, в котором и совершались культовые обряды.

Среди учёных бытует мнение, что святилище Гурзуфского Седла принадлежало жителям крымских гор - таврам, хотя не исключено, что оно появилось в ещё более древние времена. В

то же время на святилище присутствуют известные науке элементы жертвоприношений, свойственные позднескифской культуре, которые в религиозных целях использовали в обрядах изображения древнегреческих богов и приносили им жертвы.

Наличие большого количества костных останков домашних животных, обнаруженных при раскопках, свидетельствуют о связях этого святилища со скотоводческим культом. Крымские яйлы с их пастбищами, в их числе Бабуган-Яйла, где находится святилище, с древнейших времен и до первой четверти двадцатого века собирали на своих лугах с сочным разнотравьем многочисленные стада коров, табуны лошадей, отары овец. Сюда сгоняли скот не только местные жители, но и скотоводы многих районов Северного Причерноморья, и даже из Молдавии, Румынии и Венгрии. О том, что Главная гряда Крымских гор в древности играла немаловажную роль и в развитии торгового обмена между народами, свидетельствуют обнаруженные в 1981 году явственные следы древнего нагорного пути, проходившего по всем яйлам от Алушты до Байдарской долины. Наличие обнаруженного на этом пути культового сооружения вполне объяснимо. Римский писатель Плиний (I в. н.э.) писал, что в Северном Причерноморье тавроскифы «занимают хребет». Этим «хребтом» в Северном Причерноморье мог быть тот, который мы сейчас именуем Главной грядой Крымских гор, и на котором в последние годы открыты многочисленные археологические памятники. Другого «хребта» на крымской земле нет. По мнению учёных, святилище Гурзуфского Седла представляет собой памятник мирового уровня и его открытие стало сенсацией. Ничего подобного на территории Крыма никогда не находили. Многие культовые предметы, обнаруженные в ходе раскопок, уникальны и представляют собой огромные ценности. Поэтому вполне закономерно группой учёных Московского государственного университета, Государственного исторического музея, Государственного музея народов Востока, Московского историко-архивного института, института археологии АН СССР (теперь России), Всероссийского научно-исследовательского института реставрации и многими другими ставился вопрос о создании на базе этого археологического памятника постоянно действующего, уникального по своей значимости музея, который стал бы одним из важнейших и популярнейших объектов Крыма для посещения его как местными жителями, так и туристами.

ГЕНУЭЗСКАЯ КРЕПОСТЬ ГОРЗУВИТЫ

Одной из главных исторических достопримечательностей Гурзуфа является Генуэзская

крепость, мощные стены и башни которой когда-то органично вписывались в массив Джаневез-кая (Генуэзской скалы).

Византийская империя при императоре Юстиниане I (VI в. н.э.) значительно расширила свои границы за счёт территорий на востоке, где проживали «варварские» народы, проложила новые и утвердила древние торговые пути как сухопутные, так и морские, обеспечивала их безопасность и сохранность путём возведения защитных сооружений в наиболее уязвимых местах. Такими местами на южном побережье Таврики были Алустон (Алушта) и Горзувиты (Гурзуф). Судя по свидетельствам Прокопия Кессарийского, здесь находились развалины крепостных сооружений, по-видимому, эллинских, возведённых греками ещё в первые годы до н.э., и в первые годы н.э., кем-то разрушенные. Прокопий пишет не о новом строительстве крепостей, а о восстановлении и укреплении более древних, разрушенных.

То, что крепости эти были кем-то сооружены ещё в доюстиниановские времена, подтвердили археологические изыскания 1968 года, проведённые известным крымским археологом О.И.Домбровским. Крепости эти были возведены в местах, наиболее населённых, где с древнейших времён были проложены проезжие дороги из степных и предгорных районов полуострова на южное побережье. На перевалах Гурбет-дере-Богаз (Гурзуфское Седло), в районе «Чёртовой лестницы» и поляны Чингене-Аллан на восточных отрогах Бабугана, в районе Ангарского перевала, на перевалах Чатыр-Дага, Демерджи, Караби, в горах Судака и на Кара-Даге все еще сохраняются остатки когда-то мощных оборонительных «длинных стен», упоминаемых в трактате Прокопия Кессарийского и в других древних источниках. Горзувитская крепость являлась одной из составных частей системы крепостных сооружений от Фороса до Боспора (Керчь), обеспечивавших безопасность торговых путей и государственных границ Византийской державы периода царствования Юстиниана I.

Юстиниановская крепость, по свидетельству Прокопия, была построена «в округе Горзувитской», что позволяет сделать вывод о довольно плотной заселённости этой местности, что и подтверждается археологическими изысканиями.

Да и само название поселений - Горзувиты или Курусаиты - свидетельствует не об одном, а о нескольких поселениях, объединённых общим топонимическим названием.

В 1950 году археологом А.Л. Якобсоном были произведены раскопки на пустыре между артековскими лагерями «Кипарисный» и «Лазурный». Пустырь этот оказался крупным средневековым могильником с множеством захоронений преимущественно VIII - IX веков. В ходе работ примерно в центре могильника было обнаружено основание христианского храма VI века с захоронениями внутри храмового помещения и вокруг него. Здесь же, поблизости, были

обнаружены остатки поселения того же VI века. Подобное раннесредневековое поселение в ходе разведочных раскопок было обнаружено в 1958-1968 годах и на юго-западном склоне Аю-Дага. Отсюда вывод: в доюстиниановский период в округе Горзувитской существовали поселения, которые в то смутное и тревожное время не могли бы уцелеть от разграбления и гибели без соответствующих защитных укреплений.

Прокопий в своём «трактате» писал: «... Здесь же, на этом побережье, есть страна или область по имени Дори, где с древних времён живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшемся в Италию...».

Так что же это за страна или область Дори? Прокопий обитателей этой страны называет готами. Кто же такие готы, проживавшие в Крыму? Откуда они взялись?

Единого мнения насчёт этого у учёных-специалистов пока ещё нет. Известно, что готы или готоны - восточногерманские племена - в начале новой эры жили на побережье Балтийского моря и в низовьях реки Висла. С конца II века готы начали передвигаться в юго-восточном направлении и в первой половине III века добрались до территорий Северного Причерноморья, закрепились здесь и постепенно ассимилировались с местным скифо-сарматским населением. Язычники - готы - в IV веке приняли христианство, поэтому в этот период готов язычников в Таврике, по-видимому, уже не было. Готы совершали набеги на поселения Таврики, а отдельные их образования постепенно оседали в различных местах южнобережья и в юго-западных районах полуострова, становились оседлыми и занимались земледелием.

Южнобережная Таврика от внешнего мира была отгорожена главной горной грядой, по своему уровню развития местные жители южнобережья не отличались от готов и пришлые готские общины постепенно сливались, смешивались с местными, и даже культовые, наиболее стойкие различия, постепенно стирались. Вопрос же о местонахождении готской страны Дори до сих пор ещё окончательно не выяснен, хотя ученые склоняются к мысли о том, что находилась она на южном берегу Крыма и её владения простирались от Боспора (Керчь) до Херсонеса (Севастополь), хотя у Прокопия сказано, что страна Дори занимала незначительную территорию. Многочисленные археологические находки на южнобережье позволяют составить определённое мнение о таврических готах юстиниановского времени, о местах их постоянного жительства. В числе этих находок особую историческую ценность представляет сохранившиеся в захоронениях готского периода детали одежды, украшения, посуда, монеты, культовые предметы, светильники и т.п.

Заколки для плащей, пряжки поясов и ремней, браслеты и перстни, височные подвески и другие украшения в соответствии с модой VI - VII веков украшали рельефные изображения

растений и животных в сочетании с геометрическими узорами. Рельефы заполнялись кусочками драгоценных и полудрагоценных камней, цветным стеклом. Изготовленные из бронзы и серебра украшения эти нередко покрывались золотом.

В ходе раскопок на могильниках Суук-Су, Бал-гота, урочища Гугуш наряду с украшениями были обнаружены искусственно деформированные, яйцеподобные черепа знатных и богатых горзувитян. Именно в таких захоронениях находили множество украшений и прочего погребального инвентаря. Ничего подобного не было в погребениях рядовых жителей Горзувит, в лучшем случае глиняный светильник и горшочек с едой.

В 1965 году у бывшей Гуровой дачи, расположенной на юго-западной окраине упомянутого выше межлагерного пустыря, было совершенно случайно обнаружено странное захоронение VI- VII веков. Под небольшим слоем земли лежали три каменные плиты размером 70 на 140 сантиметров и толщиной 10-12 сантиметров. Плиты были плотно уложены одна к другой. Под плитами находилась плиточная могила, в которой покоились шесть обезглавленных мужских скелетов. Черепов и косточек кистей рук в захоронении не обнаружили.

После извлечения останков из могилы стали просеивать песок, которым был устлан пол могилы, в надежде найти в песке какие-либо предметы погребального обряда или металлические детали одежды. Ничего подобного в погребении не нашли, но под слоем песка обнаружили ещё одну каменную плиту, размером 80 на 80 сантиметров. Под плитой обнаружили каменный ящик, в котором покоились шесть черепов и косточки кистей рук. Под слоем песка этого ящика, обнаружили ещё одну такую же плиту, под которой в каменном ящике покоились останки годовалого ребёнка. И здесь никакого погребального инвентаря найдено не было. Всё содержимое этого странного захоронения было отправлено в Крымское отделение института археологии АН УССР.

Археолог О. И. Домбровский, который руководил раскопкой и документированием этого захоронения на протяжении ряда лет пытался найти объяснение этому странному погребальному обряду, аналогий которому в мировой археологической практике обнаружить так и не удалось. До сих пор остаётся тайной: что же произошло в Горзувитах тысячу с лишним лет назад? Какая трагедия разыгралась здесь в то далёкое от нас время? За что были обезглавлены и лишились кистей рук крепкие, здоровые мужчины и почему похоронили в глубине плиточной могилы сначала младенца, над ним отсечённые головы и кисти рук взрослых людей, а сверху их обезглавленные тела? Какая тайна кроется за всем этим и удастся ли когда-нибудь кому-нибудь её разгадать?

В 70-е годы VIII века византийские правители в силу экономических, политических и

социальных причин стали терять свои власть и влияние в Таврике. Сюда устремились гонимые из империи иконопочитатели и хазарские орды с востока. В этот период в Крыму стал набирать силу процесс феодализации экономики и, вскоре, округа Горзувитская с её крепостными сооружениями превратилась в феодальное владение. У подножия крепости стали строить жилища, храмы, общественные здания, селение разрасталось в сторону моря, а затем застраиваться стали седловина и склоны холма Балгота (Болгатур). Одновременно расширялась и крепость. Вокруг крепостной стены с башнями возвели вторую оборонительную стену, превратив, таким образом, крепость в цитадель, в которой при вражеском нападении могло укрыться местное население.

Вдоль побережья, от крепости, в западном и восточном направлениях, в VIII - IX веках стали возникать довольно крупные поселения, монастыри и усадьбы местных феодалов, вокруг которых возводились свои оборонительные сооружения.

Наиболее крупным и богатым монастырём того периода был монастырь Святых Апостолов, находившийся у восточного подножия Аю-Дага в «торжище Партениты».

Древнее селение Партенит было родиной главы Готской епархии, известного в то время политического и религиозного деятеля, епископа всей Готии Иоанна Готского.

Неподалёку от Партенита, в нижней части седловины Аю-Дага у дороги, ведущей в сторону урочища Артек в VIII веке был построен храм, который по некоторым сведениям был резиденцией епископа Иоанна. По другим данным его резиденцией был монастырь Святых Апостолов.

Храм же представлял собой трёхнефную и трёхапсидную базилику довольно внушительных для того времени размеров - 18 метров в длину.

Нефы отделялись один от другого не изящными колоннами, как было принято тогда, а мощными каменными столбами. С трёх сторон здание базилики окружали галереи. Замечательным был пол храма, покрытый прозрачными плитками шпата полевого и такого же размера керамическими плитками, расположенными в шахматном порядке.

В 60-е годы при строительстве современных многоэтажных зданий санатория «Крым» остатки этого храма были окончательно стёрты с лица земли, и о нём теперь напоминает бетонная стела с надписью о том, что это «исторический памятник, охраняемый законом...».

Эти памятники говорят нам о том времени, когда Византийскую империю раздирала политическая и религиозная борьба между правительством и феодалами за власть и влияние в стране. Христианская церковь тоже втянулась в эту борьбу и придала ей религиозную окраску.

В VIII - X веках в империи разгорелась непримиримая вражда между

иконопочитателями, стремившимися сохранить в храмах и монастырях иконы и другие церковные реликвии, и так называемыми иконоборцами, выступавшими против почитания церковных атрибутов, против поклонения им. Начало иконоборческому движению положил византийский император Лев III Исавр, издавший в 730 году специальный эдикт, запрещавший почитание икон.

В 754 году император Константин V созвал церковный собор, осудивший иконопочитание как идолопоклонство. Истинной же причиной всего этого было стремление императорской власти сломить могущество церкви, лишить её земельных владений и прибрать к рукам церковные богатства. Монастыри закрывались, их земли и имущество переходили в собственность государства, монахов заставляли жить и трудиться в миру, иконы и церковные книги сжигались. Преследуемые властями иконопочитатели - опальные епископы, пресвитеры и монахи, многие миряне бежали в отдалённые места империи - в Малую Азию, в Сицилию и особенно в Таврику, которая вскоре стала центром иконопочитательства, вождём которого стал епископ Иоанн. Он же в 787 году возглавил здесь мощное народное восстание против хазар, установивших своё владычество в Таврике в VII веке. Восстание это было потоплено в крови, а Иоанн бежал за море, в Амастриду.

Раннесредневековые укрепления на южном берегу Таврики в VIII - IX веках были разрушены хазарскими завоевателями, в их числе была и Горзувитская цитадель. Всего же она просуществовала более четырнадцати столетий, дважды за это время разрушалась, восстанавливалась, перестраивалась и эти периоды её истории оставили о себе свидетельства жизнедеятельности её обитателей и в виде так называемых культурных слоев, по которым учёные-историки и археологи, как по страницам увлекательной книги, «читают» летопись минувших столетий и тысячелетий. Культурные слои - это в далеком прошлом обычные городские и сельские свалки, куда сбрасывались все отходы жизнедеятельности людей. В них веками сохраняются осколки гончарной и стеклянной посуды, кости рыб и животных, металлические изделия - оружие, мелкие бытовые вещи, пришедшие в негодность и выброшенные на свалку, раковины съедобных моллюсков, детали рыболовных снастей и даже кораблей, остатки кожаных изделий и многое, многое другое. Попадаются в культурных слоях и монеты, и ювелирные изделия и т.д. и т.п. Все эти «отходы» и «отбросы» представляют для науки огромную ценность. По ним ученые в значительной степени воссоздают картины жизни и деятельности людей далёкого прошлого, датируют факты и события.

О Горзувитской крепости письменных источников очень мало, да и сведения в них чрезвычайно скупы и разноречивы. И только благодаря кропотливому труду археологов,

которые занялись изучением крепости в 1963 году, её историческое прошлое и её значение в системе крепостных сооружений южного берега Таврики на протяжении почти полутора тысяч лет её существования с большей или меньшей достоверностью было установлено.

При разведочных раскопках был обнаружен мощный культурный слой с обильным подъемным материалом X - XV веков.

Основания крепостных стен, характер их кладки и связующий материал позволили датировать их периодом раннего средневековья, т.е. юстиниановским (VI век н.э.) периодом, что подтвердило сведения Прокопия Кесарийского о крепости в Горзувитах.

Однако при дальнейших раскопках, до трёхметровой глубины, был обнаружен подъемный материал более древних периодов, что также подтверждает сведения Прокопия о том, что Юстиниан приказал не построить, а восстановить крепости в Алустоне и Горзувитах. Это означает, что ещё значительно раньше, до Юстиниана, крепость на скале была кем-то построена и к VI веку н.э. опять же кем-то разрушена.

Изучение остатков крепости продолжалось под руководством известного крымского археолога О. И. Домбровского и в 1965 году. В соответствии с планом реконструкции и нового строительства в Артеке на верхней площадке крепости должны были приступить к строительству общежития «Скальное», при котором археологическая целина крепости была бы просто уничтожена. Поэтому археологи торопились, как можно полнее прочесть страницы истории этой крепости.

В результате этой работы было достоверно установлено, что на Джаневез-кая ещё в середине III тысячелетия до новой эры находилось таврийское жилище, о чём свидетельствуют черепки примитивной лепной, изготовленной без гончарного круга, глиняной посуды, груды раковин съеденных обитателями этого жилища устриц и мидий, толстый слой золы от костра или очага, костные остатки животных и даже следы энеолитической стоянки первобытного человека, а это уже от 8 до 5 тысяч лет до новой эры.

Археологические изыскания позволили сделать вывод о том, что история крепости делится на три, сменявших друг друга, строительных периода: первый - от Юстиниана (VI век н.э.) до хазарского нашествия (VIII век); второй - промежуточный - хазарский (VIII век) до прихода сюда генуэзских купцов-рыцарей (XIV век); третий - от генуэзцев (XIV век) до турецкого нашествия 1475 года.

Каждый из этих периодов отмечен характером крепостных сооружений, их достроек и перестроек, перепланировок и использованием строительных материалов; архитектурой сооружений и, конечно же, подъёмным материалом, обнаруженным в пределах крепости при

раскопках.

В ходе этих работ в определенной степени прояснился примерный план оборонительных сооружений, и даже их внешний вид, что позволило учёным смоделировать Горзувитскую цитадель. И всё же раскопками этого периода история крепости раскрыта не полностью. Не выявлены в полной мере строительные периоды главного бастиона цитадели, строительства жилых помещений на территории этой цитадели, не удалось исследовать самую верхнюю площадку крепости и самую нижнюю, где в старинной подпорной стене сохранились остатки средневекового храма. Сама же нижняя площадка стала средневековым кладбищем (Дженевез-мезер).

Здесь в 1959 году была случайно обнаружена плиточная могила, в которой наряду с останками женщины находились фрагменты полотняной одежды и целый ворох кружев, сплетенных из золотых нитей. Кружевами этими были обшиты ворот, рукава и подол одежды. Находка была передана в фонд Ялтинского краеведческого музея.

Возможно, и раскопки на парковой территории вокруг Генуэзской скалы дадут интересные и ценные для науки материалы. Ведь совершенно случайно при рытье траншеи для прокладки водопроводных труб по улице Ленинградской в том же 1959 году был обнаружен средневековый водопровод, по которому крепость снабжалась питьевой водой из горных источников. Гончарные трубы этого водопровода более чем на половину были заполнены плотным известковым осадком, что свидетельствует об очень длительном по времени использовании этого водопровода. Одна из секций его находится в экспозиции краеведческого музея Артека. И ещё: при строительстве в 50-е годы переходного мостика через Ленинградскую улицу с нижней площадки крепости к первому корпусу лагеря №3 («Кипарисный») в яме под одной из бетонных опор мостика обнаружили огромный, почти в рост человека, керамический кувшин-пифос, наполненный ячменным зерном. Как только рабочие сняли плоскую каменную плиту, закрывавшую горловину пифоса, зерно тут же, на глазах удивленных людей, стало «таять» и превратилось в горсть серой пыли на дне сосуда. Это произошло в результате воздействия свежего воздуха на истлевшее, но сохранившее без доступа воздуха свою форму, зерно. Пифос этот был передан Ялтинскому краеведческому музею. Другой такой пифос был найден у бывшей Гуровой дачи (детский садик на территории «Кипарисного» лагеря). Он находится в экспозиции краеведческого музея.

В 1957 году при перекопке цветочного газона возле Генуэзской скалы были найдены серебряная монета времён Золотой Орды и керамический флакончик для благовоний античного периода. Так что территория «Кипарисного» лагеря, примыкающая к Генуэзской крепости,

остаётся пока ещё не раскрытой и не прочитанной книгой, таящей на своих исторических «страницах» много интересного, неожиданного и поучительного. К сожалению, человек - О.И.Домбровский, - который приоткрыл первые страницы этой увлекательной книги, недавно ушёл из жизни. Кто примет от него эстафету исследования крепости, пока не известно, время покажет.

ПОД СЕНЫЮ АЮ-ДАГА

Порой – угрюмый он и мрачный,
Порой - его прелестен вид,
Когда с закатом дня прозрачной
Вечерней дымкой он обвит
(П. Вяземский об Аю-Даге).

Если древний и средневековый периоды истории урочища Артек слегка приоткрыли свои тайны и ждут ещё пытливых исследователей, то события недалёкого прошлого этой местности с определённой степенью достоверности восстановить всё же удалось.

К востоку от Гурзуфа простирается удивительная по своей самобытной красоте местность, изобилующая урочищами с названиями не всегда поддающимися переводу: Бал-гота, Эски-мезер, Черкез-дере, Хазары, Камака, Ахелач, Тоххаа-дахыр, Осман и, наконец, Артек.

Евгений Марков в своих «Очерках Крыма» скупно описывает эту местность:

«... Миновав уютную дачку султан Крым-Гирея, сбежавшую на самое взморье и спрятавшуюся там, на складке берега, между густыми фигами и орехами, вы поднимаетесь в Артек княгини Потёмкиной. Это уже вполне царство Аю-Дага. Артек стоит на его предгорье, оттого в Артеке постоянно много тени. Лучшая часть Артека на верху горы. Там целый маленький скит, изящный, как всё на Южном берегу. Маленькая церковочка похожа на виноградную беседку: кельи – хорошенькие дачки. Тут, в самом деле, живёт иеромонах из Святогорья, служит обедню без прихожан и пустынноичает в этой райской пустыньке...».

В начале прошлого столетия урочище Артек (или Ортек) – пустынный, заброшенный уголок округи Гурзуфской, принадлежало зажиточному партенитскому татарину, у которого в 1822 году небольшой участок земли, сплошь заросший колючим кустарником и наспигованный камнем, приобрёл киевский губернский предводитель дворянства польский поэт-демократ граф Густав Олизар.

В своих воспоминаниях, опубликованных в «Русском вестнике» за 1893 год, граф рассказывает, как, узнав от своего друга Сергея Муравьёва-Апостола о помолвке и предстоящей свадьбе Марии Николаевны Раевской с князем Сергеем Григорьевичем Волконским, ужасно расстроился. Дело в том, что Густав Олизар незадолго до этого сватался к Марии Николаевне, но был отвергнут.

А. С. Пушкин откликнулся на это стихотворением «Графу Олизару»:

Певец! Издревле меж собою
Враждуют наши племена,
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою...
... (И наша дева молодая),
Привлекши сердце поляка,
(Отвернет) гордою душою
Любовь народного врага...

Расстроенный, Олизар покинул Петербург и отправился на юг залечивать свою сердечную рану. Граф М. С. Воронцов пригласил его в Гурзуф и предоставил ему свой дом, тот самый, в котором в 1820 году в кругу своих друзей Раевских три недели провёл А. С. Пушкин. Олизар с благодарностью принял приглашение и поселился в Гурзуфе. Он ежедневно бродил по кривым улочкам деревни, поднимался на Генуэзскую скалу и часами просиживал среди развалин крепостной стены.

Направляясь как-то экипажем в Кучук-Ламбат, в гости к сенатору А. М. Бороздину, Олизар обратил внимание на удивительно красивый уголок земли на склонах Аю-Дага и спросил татарина-возницу по имени Али, что это за местность и кому принадлежат эти земли. Али ответил, что урочище называется Ортек и что владелец его живёт в соседнем Партените. Каково же было удивление графа, когда через пару дней расторопный Али по собственной инициативе сторговал Олизару четыре десятины ортековской земли за два рубля серебром. Граф вовсе и не собирался приобретать землевладения в Крыму, но ничтожная сумма за прелестный югобережный уголок склонила его к покупке и он совершил купчую. Так неожиданно для себя граф Густав Олизар стал владельцем небольшой части урочища Ортек. Постепенно прикупая всё новые и новые соседние участки, он довёл свои землевладения до двухсот десятин. Вскоре здесь были возведены лёгкие дачные особняки, хозяйственные службы, заложен был

парк, высажены фруктовые деревья и виноградные лозы. Имению своему он придумал название «Карди ятрикон» («Лекарство сердца» или «Утешение сердечное»). Здесь он понемногу занимался своим обширным хозяйством и поэзией, воспевая предмет своей страстной, но неразделённой любви. В 1826 году Олизар привлекался к дознанию по делу декабристов, несколько месяцев провёл в казематах Петропавловской крепости, но был, в конце концов, освобождён, женился на графине Ожаровской и провёл все последующие годы в кругу семьи в своих киевских и волынских поместьях.

В 1863 году, будучи за границей, он неожиданно встретился с возвратившейся из Сибири Марией Николаевной Волконской. Встреча была сдержанной. От былой влюблённости графа не осталось и следа – годы сделали своё дело.

Свои владения в Крыму Олизар в последний раз посетил в 1827 году проездом с Северного Кавказа в своё поместье в Коростышево, где проживал с семьёй постоянно. Хозяйственными делами в крымском имении графа занимался управляющий, доходы с имения аккуратно направлялись в Коростышево.

В 1825 году в имении Олизара побывали А. С. Грибоедов и польский поэт-демократ Адам Мицкевич. Вместе с Олизаром и своим спутником в путешествии по Крыму Ржевуским Мицкевич поднимался на вершину Аю-Дага, откуда любовался удивительной красотой южного побережья. Прощаясь с владельцем «Карди ятрикона», поэт подарил ему на память один из своих знаменитых крымских сонетов – сонет «Аю-Даг».

В 1832 году Олизар продал своё имение в Артеке родственнику князя Г. А. Потёмкина-Таврического А. М. Потёмкину за 80 тысяч рублей.

Взамен лёгким дачным постройкам Олизара вскоре были построены одноэтажные каменные, сохранившиеся до наших дней. В основном потёмкинском доме ещё и в первые послевоенные годы (40-50-е) сохранялись остатки прежней роскоши: наличники оконные и дверные из красного дерева, мраморные подоконники, цветные дверные и оконные ручки из хрусталя, врезной замок с «музыкой» на входной с веранды двери, украшенной разноцветными стёклами. Рядом с этим домом была построена небольшая красивая домашняя церковь Во Имя Рождества Пресвятой Богородицы, а в глубине небольшого дворика – монашеские кельи.

В Престольные праздники сюда со всей гурзуфской округи стекались верующие. Службу в этой церкви справлял священник из Косьмо-Домиановского монастыря, расположенного на территории царской охоты в Центральной котловине крымских гор (ныне Крымский государственный заповедник). Новые владельцы Ортека продолжали начатые графом Олизаром

хозяйственные преобразования местности. На неосвоенных участках заложили сады и виноградники, засадили новые площади будущего обширного парка.

В 1837 году имение посетили поэт и художник В. А. Жуковский и наследник-цесаревич, будущий император Александр II. Сопровождавший их в этой поездке флигель-адъютант С. А. Юрьевич в своих «Дорожных письмах» сделал следующую запись: «Не выезжая из Артека (по греч. «Утешение сердца»), мы в беседке остановились пить шоколад, и, проехав около 4-х вёрст шагом по крутизнам гор, заехали в Юрзуф».

Упомянутая беседка, увитая розами, построенная ещё при Олизаре, простояла на юго-западном склоне Верхнего артековского парка более сотни лет и в 1953 году была разобрана.

После кончины А. М. Потёмкина имением до 1872 года владела его супруга Т. Б. Потёмкина, урождённая княгиня Голицына, фрейлина императрицы Марии Александровны – супруги императора Александра II. Для Марии Александровны, страдавшей «грудной болезнью», в 1848 году на берегу моря был построен одноэтажный дом с шестью комнатами и круговой верандой. Есть сведения, что император Александр II с супругой неоднократно гостили в артековском имении Потёмкиных.

В 1872 году владение имением было передано несовершеннолетнему князю А. Б. Голицыну. Тот в 1875 году продал имение московскому купцу первой гильдии И. А. Первушину, который наладил в Артеке промышленное виноделие. Известный в России «Торговый дом И. А. Первушин и сыновья» имел обширные фруктовые сады и виноградники в районе Ташкента, а с приобретением имения Артек занялся выращиванием редких зарубежных сортов винограда и производством высококачественных десертных и столовых вин. Их достоинство было по праву оценено при царском дворе и вскоре купец И. А. Первушин был удостоен почётного титула Поставщика вин к столу Их Величеств. Вина из виноградных лоз имения Артек в 1872, 1878, дважды в 1891 и в 1892 годах на международных дегустациях были удостоены Большой золотой медали.

Один из сыновей Первушина увлекался ботаникой и вложил немало сил и средств в парковое хозяйство имения. По его же инициативе и его стараниями от посёлка Первушино и по направлению к мысу Аю-Дага была проложена Пушкинская тропа, которой Первушины намеревались отметить печальную дату – 50-летие со дня гибели поэта.

Турецкая рабочая артель, нанятая Первушиными, обязалась, в установленные контрактом сроки, пробить в обрывистых скальных массивах над морем пешеходную тропинку, по которой можно было прогуляться вокруг Аю-Дага до Партенита.

Вполне возможно, что заключительные строфы пушкинского «Бахчисарайского фонтана»:

«...Когда в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет, и шумит
Вокруг утёсов Аю-Дага».

подсказали Первушиным идею этой «дороги прибрежной».

Рабочие в труднейших условиях проложили тропу к обрывистым участкам над морем и, здесь, случилось несчастье: один из рабочих сорвался со скалы и погиб. Рабочая артель и их подрядчик не рискнули продолжать работы на опасном для жизни участке и расторгли контракт. Ф. И. Шаляпин, находясь с семьёй на отдыхе в Суук-Су, любил совершать вместе с дочерью верховые прогулки по Пушкинской тропе до тех самых скалистых обрывов, где заканчивается недостроенная тропа. Об этом свидетельствует и фотография, сделанная в 1916 году и дошедшая до нас. Первушинские жилые дома, небольшой, отлично построенный и засыпанный в послевоенное время винподвал и бывший склад винной продукции сохранились до наших дней, а посёлок под сенью Аю-Дага по-прежнему называется Первушино. В посёлке этом проживают семьи сотрудников Артека.

В 1824 году основателя и первого директора Императорского Никитского Ботанического сада Х. Х. Стевена сменил Н. А. Гартвис, который на протяжении тридцати лет возглавлял этот сад. Он приобрёл в урочище Артек земельный участок площадью около семи гектаров, построил двухэтажный дом, раскорчевал и спланировал землю, провёл на участок воду и засадил его экзотическими деревьями и кустарниками, повторяющими по видовому набору растений Никитский ботанический сад в миниатюре.

В архиве Т. Ш. Раевского сохранилось письмо Н. А. Гартвиса к Н. Н. Раевскому, в котором он упоминает о каких-то необыкновенных штамбовых розах, разведённых им в своём имении в Артеке. Из писем архива Раевских видно, что жена Н. А. Гартвиса Елизавета Фёдоровна, рождённая баронесса Розен, до конца дней жизни своей провела в имении урочища Артек, скончалась в 1855 году и была погребена в семейном склепе, который сохранился в полуразрушенном виде до наших дней.

В 1896 году имение фон Гартвиса приобрёл генерал Виннер – владелец пушечных и пороховых заводов под Санкт-Петербургом. С тех пор имение и парк местное население стало называть «Виннерским», хотя по справедливости следовало бы называть «Гартвисовским».

В 80-е годы прошлого столетия в юго-западной части урочища возникло еще одно имение, владельцами которого были родственники генерала Виннера – Метальниковы (Виннер был женат на вдове Метальниковой). Один из сыновей Метальникова был кадетским депутатом I Государственной Думы России, а другой из её сыновей – учёный, член Пастеровского института. В 1920 году, когда вранглеровцы покидали Крым, за семьёй этого учёного из Англии прибыл в Севастополь миноносец, который и увёз их в эмиграцию. Этот Метальников был женат на дочери известного ялтинского врача-климатолога, друга и соратника А. П. Чехова – В. Н. Дмитриева. За свой радикализм и слишком смелые публичные высказывания в адрес властимущих Владимир Николаевич прослыл инакомыслящим и неблагонадёжным и на период пребывания в Ливадии царской семьи в числе неблагонадежных студентов и евреев высылался на этот период из Ялты в Артек, к своим родственникам. И скончался он в Артеке в 1904 году, и был погребён в семейном склепе Метальниковых.

В годы революции и гражданской войны склепы знатных владельцев имений в Крыму подверглись разграблению, глумлению над прахом погребённых и разрушению. Такая участь постигла и склепы Гартвисов-Виннеров, фон Фиков, Березиных-Соловьёвых в «Суук-Су» и Метальниковых в Артеке.

Останки, выброшенные из гробов, кое-как захоронили рядом со склепами. На месте захоронения В. Н. Дмитриева в конце 1950 года был установлен надгробный камень, а в 1964 году в соответствии с решением Ялтинского горисполкома прах В. Н. Дмитриева был перезахоронен на Поликуровском мемориальном кладбище в Ялте.

И, наконец, ещё об одной истории, связанной с урочищем Артек, с олизаровским «карди ятриконом».

На территории артековского лагеря «Морской» сохранился старинный однокомнатный домик, который местные жители ещё в древние времена окрестили «чёртовым» домиком, и вокруг которого распространились всякие были и небылицы. Людская молва, немногочисленные документальные и иные источники упорно связывают с ним имя небезызвестной французской авантюристки, графини Жанны де Ламотт, героини нашумевшей в конце XVIII – начале XIX столетий истории с похищением бриллиантового ожерелья французской королевы Марии

Антуанетты, живо описанной А. Дюма в его романах «Ожерелье королевы» и в «Трёх мушкетерах».

Первый владелец Артека граф Г. Олизар в своих «Воспоминаниях» 1893 года издания сообщает, что в его артековском имении в маленьком домике на самом берегу моря последние годы жизни провела таинственная французская графиня Жанна де Гаше де Круа, которая была ни кем иным как графиней Жанной де Ламотт. Вынужденную скрываться от властей, судьба привела её на склоне лет в глухой, труднодоступный уголок Российской империи, в имение графа Олизара. Здесь она прожила около трёх лет и по некоторым данным «миледи» скончалась в 1826 году.

Жанна Валуа, представительница рода, начало которому положила любовница короля Генриха II Николь де Савиньи, появилась на свет в 1756 году. В начале восьмидесятых годов XVIII века в Париже свела знакомство с влиятельным кардиналом Страсбургским Луи де Роганом, а через него – с его другом – знаменитым в то время авантюристом, итальянцем по происхождению, графом Калиостро, подлинное имя которого – Джузеппе Бальзамо.

Кардинал был близок к королевскому двору, пользовался благосклонностью королевской четы, но однажды неосмотрительно оплошал. Как-то в узком кругу высшей придворной знати имел неосторожность непочтительно отозваться о матери королевы Марии Антуанетты. Об этом немедленно донесли королеве и в результате – королевская немилость.

Кардинал ужасно переживал случившееся и стремился любой ценой вернуть к себе прежнее благорасположение монархов. При этом он рассчитывал на помощь знаменитого и влиятельного при дворе «мага и волшебника, чародея» графа Калиостро. Но помощь неожиданно пришла совсем с другой стороны.

Летом 1784 года придворные ювелиры Бемер и Босанж предложили королеве бриллиантовое ожерелье, изготовленное по заказу короля Людовика XV для его любовницы мадам Дюбарри. Ювелиры вложили в это ожерелье все свои средства – один миллион шестьсот тысяч ливров (более семисот тысяч рублей золотом). При этом они рассчитывали на полную королевскую компенсацию этих расходов. Но, увы! Король, не успев выкупить ожерелье, скоропостижно скончался, оставив ювелиров в огромных долгах.

Этим ожерельем заинтересовалась королева Мария Антуанетта. Узнав об этом, придворная дама Жанна де Ламотт задалась целью завладеть этими сокровищем. Сыграв на неуёмном стремлении своего друга – кардинала – вернуть себе прежнее расположение королевы, она вовлекла его в авантюрное предприятие с целью поживиться за счёт ничего не подозревающего де Рогана. Жанна обратилась к кардиналу с «просьбой» королевы стать

посредником в сделке с ювелирами и сохранить это в глубокой тайне от короля и двора. Мария Антуанетта якобы желает преподнести своему супругу, Людовику XVI, приятный сюрприз – появиться на торжественном приёме в честь дня её рождения в этом ожерелье.

Луи де Роган воспринял «просьбу» королевы с нескрываемой радостью и готов был на всё. Жанна развила бурную деятельность, устраивала встречи кардинала с «доверенными людьми» королевы, вручила кардиналу поддельное письменное обязательство королевы выплатить кардиналу стоимость выкупленного им для неё ожерелья по частям, на протяжении определённого срока.

Обрадованный таким оборотом дела, опальный кардинал выкупил ожерелье, в присутствии Жанны вручил его «доверенному лицу королевы» - любовнику Жанны – Рето де Вильету. Тот, вместе с мужем графини жандармским офицером де Ламотт, разрезали ожерелье на две части и ускакали в разные стороны: один в Женеву, а другой – переправился в Англию. В Англии они объединились и занялись продажей бриллиантов.

Настал день рождения королевы. Ничего не подозревавшая Мария Антуанетта появилась на торжественном приёме во дворце без ожерелья, что вызвало крайнее удивление у ювелиров и беспокойство у кардинала.

Жанне удалось успокоить де Рогана объяснениями, что королева решила надевать ожерелье после того, как полностью с ним рассчитается. Но время шло, платежи от королевы не поступали, да и не могли поступать, и кардинал забил тревогу. К тому же Калиостро неожиданно обнаружил, что королевские письма – сплошная подделка, и посоветовал кардиналу немедленно рассказать обо всём случившемся королевской чете, что тот и сделал.

Разразился грандиозный скандал. Кардинал, граф Калиостро и графиня Жанна де Ламотт были немедленно арестованы и преданы королевскому суду.

По решению суда Калиостро и кардинал были оправданы и отпущены с миром, а Жанну приговорили к публичной порке, позорному клеймению и пожизненному тюремному заключению.

21 июня 1786 года огромные толпы парижан устремились к Гревской площади, где на специально установленном деревянном помосте палач привселюдно высек графиню, выжиг ей раскалённым клеймом тавро на плече в виде Бурбонской лилии, а затем, рыдающую, опозоренную Жанну увезли к новому для неё пожизненному месту жительства – в столичную тюрьму «Сальпетриер».

Казалось бы, на этом и конец истории, но она получила своё продолжение. Примерно через год-полтора с помощью своих многочисленных друзей Жанна тайно бежала из тюрьмы и

вскоре объявилась в Лондоне, где с мужем, друзьями и поклонниками вела праздную, разгульную жизнь.

Правительство Франции потребовало от английского выдать государственную преступницу, но Жанна, узнав об этом, нашла оригинальный способ выхода из сложившейся ситуации. Она фальсифицировала свою неожиданную гибель. По Лондону распространилась молва о том, что графиня во время очередной оргии нечаянно выпала из окна второго этажа на камни мостовой и разбилась насмерть. На одном из лондонских кладбищ появилась свежая могила с роскошным памятником, а в регистрационной книге Ламбертской церкви была сделана запись за 1791 год о трагической гибели и погребении графини Жанны де Ламотт. Нашумевшее дело как будто закрылось само собой, но история эта и на этот раз получила своё продолжение.

Великая французская буржуазная революция 1789-1793 годов выплеснула в соседние европейские государства и в Россию массу эмигрантов. Петербург, Москва и некоторые другие города России были наводнены французами. В это время в Петербурге объявилась пожилая, со следами былой красоты, графиня Жанна де Гаше, которая почему-то упорно избегала контактов со своими соотечественниками, вела замкнутый образ жизни и только изредка позволяла себе бывать в узком кругу русской столичной аристократии.

Императору Александру I донесли о странной француженке, и он пожелал с ней встретиться. Около двух часов продолжалась эта аудиенция. О чём шёл у них разговор – осталось тайной, но после этой встречи с императором Жанну де Гаше в Петербурге больше не встречали. А графиня вскоре объявилась в Крыму, во владениях графа Густава Олизара.

Здесь, в двух десятках метров от моря, в скромном домишке доживала она свою отшельническую жизнь, опекаемая престарелой служанкой.

Старые путеводители по Крыму упорно связывают крымский период жизни де Гаше с Артеком. Так, в Путеводителе Г. Караулова и М. Сосногоровой за 1883 год в главе «Графиня Гаше» прямо сказано, что она жила на даче Ашера (ныне артековский лагерь «Прибрежный») и умерла в Старом Крыму в 1823 году в возрасте 67 лет. А. Маркевич в статье «К биографии графини де Ламотт-Валуа-Гаше» («Известия Таврической Учёной Архивной комиссии» № 48, 1912 года, стр.222-230) пишет, что «... она жила одна с прислугой в Артеке у подножия Аю-Дага».

О маленьком домике на самом берегу моря, в котором жила графиня де Гаше, писала французская поэтесса Оммер де Гелль в 1840 году. По свидетельству Ю. П. Бартенева («Русский архив», 1886 г., том III, стр.152, 153), де гаше была шпионкой и жила в Артеке.

Современники графини описывают внешность и эксцентричные выходки этой дамы. На людях она появлялась в плотно облегавшей тело лосиной кофте, любила верховую езду. Упоминается и таинственная шкатулка, в которой якобы хранились драгоценности.

Подробное исследование жизни де Гаше в России содержит неопубликованная статья Лернера «Графиня Валуа в России», хранящаяся в личном архиве В. Д. Бонч-Бруевича. Аналогичная публикация появилась в журнале «Исторический вестник» за 1913 год. На основании данных, содержащихся в названных источниках и некоторых других, можно сделать безошибочный вывод: последним пристанищем Жанны де Ламотт (де Гаше, де Круа) был маленький скромный домик под черепичной крышей, расположенный на самом берегу моря в Артеке. В этом домике, который артековцы называют теперь домиком Соловьева, расположен музей основателя лагеря. Других же сооружений подобного рода в этом месте никогда не было. Здесь, когда-то очень и очень давно, находилась примитивная печь для обжига извести. В этом домике, по-видимому, и жил хозяин этой печи.

Известно, что графиня Жанна де Гаше вместе с княгиней А. С. Голицыной и баронессой Крюденер из Кореиза время от времени совершали миссионерские поездки по татарским селениям, пытаясь обращать татар-мусульман в христианскую веру. В одну из очередных таких поездок графиня остановилась у знакомых в Старом Крыму, где скоропостижно скончалась и была погребена на небольшом местном кладбище у селения Эльбуэлы. И было это в 1826 году. О кончине графини местные власти донесли в Петербург, откуда поступило распоряжение немедленно конфисковать и срочно переправить в столицу облицованную тёмно-синим бархатом таинственную шкатулку графини и её личный архив.

Губернатор Таврический князь Нарышкин направил в Артек своих чиновников, но шкатулку и некоторую часть бумаг из архива графини здесь не обнаружили. Как затем было установлено, шкатулку и наиболее ценные документы и письма графиня заведомо переправила в Судак – директору училища виноделия А. Боде, который являлся её официальным душеприказчиком. Всё это было изъято и отправлено в Петербург. Однако, вскоре из столицы поступило грозное распоряжение начальника императорского штаба Дибича за № 1325:

«... употребить все средства к раскрытию обстоятельств в похищении и утайке бумаг и к отысканию упомянутых бумаг».

Чем всё это закончилось – неизвестно. В канцелярии таврического губернатора было заведено дело №9 за 1826 год, которое насчитывало сорок листов и было озаглавлено: «Об отыскании в имуществе покойной графини Гаше тёмно-синей шкатулки».

Первый директор и главный врач «Артека» Ф. Ф. Шишмарёв рассказывал о том, как офицеры германской армии, оккупировавшей Крым в 1918 году, разыскали в районе Старого Крыма на запущенном старинном кладбище могилу де Гаши и устроили к ней паломничество, фотографировались у беломраморного памятника, украшенного рельефным изображением бурбонской лилии.

Когда же кайзеровские войска спешно покинули полуостров, то по Крыму распространился слух, будто германские офицеры сняли и увезли в Германию в качестве сувенира памятник с могилы графини.

Но вот, где-то в середине шестидесятых годов в местной крымской прессе промелькнули сведения, что кто-то из корреспондентов неожиданно обнаружил могилу графини с уцелевшим памятником в зарослях старинного заброшенного кладбища где-то в районе Переваловки Старокрымского района.

С тех пор прошло более трёх десятилетий. От того кладбища и, естественно, от могилы графини Жанны де Ламотт не осталось и следа. Безжалостное время и невежественные люди делают своё разрушительное дело. По свидетельству местных жителей, по распоряжению районных властей кладбище это, его могилы и памятники были снесены с лица земли бульдозерами и на его месте посадили колхозный фруктовый сад. Так неожиданно буднично закончилась нашумевшая история с похищением королевского бриллиантового ожерелья

«... ТАМ КОЛЫБЕЛЬ МОЕГО ОНЕГИНА...»

В 1820 году Александр Сергеевич Пушкин несколько недель провёл в Крыму.

Первыми крымскими городами, которые посетил поэт, были древняя Керчь и не менее древняя Феодосия, откуда военным бригом «Мингрелия» ранним утром 18 августа отбыл в Гурзуф, где провёл незабываемые восемнадцать дней. А затем были окрестности Севастополя, Бахчисарай и Симферополь...

Один из биографов Пушкина, П. В. Анненков, писал, что подлинный Пушкин начинался с Крыма. И при всей спорности этого утверждения всё же следует признать, что Крым стал важным и заметным этапом его жизненного и творческого пути.

В путеводителе по Крыму Г. Караулова и М. Сосногоровой, изданном в 1883 году в Одессе, читаем: «... Берег моря здесь песчаный и очень удобный для купанья. Заметим также,

что первым хозяином Гурзуфа был известный устроитель Одессы, дук Эммануил де Ришелье. Им построен был здесь впервые и красивый господский дом с галереей (потом переделанный).

Дом этот замечателен ещё тем, что в нём в 1820 году жил Пушкин с семейством генерала Раевского, одного из героев войны 1812 года.

Против балкона этого дома стоит до сих пор платановое дерево гигантских размеров, под ветвями которого поэт любил отдыхать, а в парке жив ещё его любимый кипарис, который и теперь ещё называют «кипарисом Пушкина» и с которого путешественники срывают ветки на память о поэте.

Здесь написаны Пушкиным некоторые из известных его стихотворений...».

Какими же судьбами автор свободлюбивых стихотворений и едких эпиграмм оказался в Крыму? Политические стихи навлекли на непокорного и строптивого поэта гнев аристократического общества, правительственных сановников и самого императора Александра I.

Доносы, сплетни, гнусные инсинуации со стороны Санкт-Петербургской знати создали невыносимую обстановку для жизни и творчества молодого бунтаря, и Пушкин ожесточился.

«Я решил вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы отнестись ко мне как к преступнику: я надеялся на Сибирь или на крепость, как средство к восстановлению чести». На очередной поток доносов и клеветы Александр I отреагировал следующим образом: «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами».

Однако влиятельные друзья поэта сумели убедить императора, что «... сослать двадцатилетнего юношу, на редкость талантливого поэта, в Сибирь, - значит, сотворить из него мученика, возбудить умы и сыграть на руку либералистам и крикунам-газетчикам».

И царь сменил гнев на милость, распорядившись отправить опального поэта на юг, в Малороссийскую глушь, в Екатеринослав, где в то время находилась канцелярия начальника иностранных колонистов, а затем наместника Бессарабии и Новороссийского края генерала И. Н. Инзова.

6 мая 1820 года Пушкин, в сопровождении дядьки Никиты Козлова, выехал из Санкт-Петербурга в Екатеринослав к генералу Инзову. В дорожной сумке Александра Сергеевича покоился документ – «пашпорт», в котором было написано следующее: «По Указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича, Самодержца Всероссийского. И прочая, и прочая, и прочая. Показатель сего, Ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобности службы к главному

попечителю колонистов Южного края, г. генерал-лейтенанту Инзову; посему для свободного проезда сей пашпорт из оной коллегии дан ему. В Санктпетербурге майя 5-го дня 1820-го года».

Ехали Александр Сергеевич и Никита на перекладных через Великие Луки, Оршу, Могилёв, Чернигов и 14 мая прибыли в Киев, где остановились в гостеприимной семье генерала Н. Н. Раевского.

После краткого отдыха Пушкин отбыл из Киева в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), где его радушно принял и обустроил генерал Инзов. Генерал по-отцовски относился к юному поэту, не обременял его службой, всячески оберегал и опекал его, а когда Пушкин, искупавшись в холодной днепровской воде, заболел, заботился о нём как о собственном сыне.

Когда же Раевские – генерал Николай Николаевич, его дочери Мария, Софья и сын Николай, направляясь из Киева на Кавказ, заехали в Екатеринослав и обратились к Инзову с просьбой отпустить с ними Пушкина на кавказские минеральные воды, тот сразу же дал на поездку своё согласие.

Утром 28 мая 1820 года Раевские и Пушкин в сопровождении гувернантки Мятен, компаньонки Анны Ивановны, военного врача Рудыковского, дядьки Никиты Козлова и француза Фурнье покинули Екатеринослав.

На северном Кавказе Пушкин и Раевские прожили два месяца, побывали в Пятигорске и в других населённых пунктах, любовались заснеженными вершинами Большого Кавказского горного хребта, встречались с населением, которое с почестями встречали прославленного генерала – Героя Отечественной войны.

В начале августа Пушкин с Раевскими отбыли из Пятигорска и направились в Крым.

12 августа они, сопровождаемые небольшим казачьим отрядом, добрались до Темрюка и, не задерживаясь в нем, выехали в небольшое захудалое селение Тамань, расположенное на кубанском берегу Керченского пролива.

«С полуострова «Таманя», древнего Тьмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма», - писал Пушкин брату Льву Сергеевичу из Гурзуфа.

В Тамани путешественники пробыли два дня и 15 августа переправились через пролив в Керчь.

Тогдашняя Керчь не произвела на поэта никакого впечатления. Маленький убогий городок, малочисленное его население занималось рыбной ловлей и мелкой торговлей. Пушкин ожидал увидеть здесь свидетельства былого расцвета и могущества античного Боспорского царства, столицей которого был Пантикапей и на месте которого находилась современная поэту

Керчь, а увидел на склонах горы Митридат убогие домики, груды тесаных камней, а на самом берегу моря – чудом сохранившийся средневековый православный храм Иоанна Предтечи. О былой славе боспорских царей и героев – ничего.

«На ближайшей горе посреди кладбища увидел я груды камней, утёсов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих...». «... Развалины Пантикапея не сильно подействовали на моё воображение», - писал Пушкин брату. Из Керчи путники направились в древнюю Феодосию, где остановились у опального феодосийского градоначальника С. М. Юронеvского – известного любителя и знатока крымских древностей.

18 августа на военном бриге «Мингрелия», предоставленном в распоряжение путешественников распоряжением генерала Инзова, Пушкин и Раевские отбыли из Феодосии в Гурзуф.

По свидетельству поэта, плавание на бриге вдоль крымских берегов проходило ночью: «Из Феодосии до Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было; звёзды блистали; передо мною в тумане тянулись полуденные горы... «Вот Четырдаг», - сказал мне капитан. Я не различал его, да и не любопытствовал. Перед светом я заснул... Ночью на корабле написал я «Элегию»...».

На рассвете следующего дня бриг бросил якорь в гурзуфской бухте.

«Проснувшись, - писал Пушкин, - увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам, тополи, как зелёные колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...».

Впечатление от развернувшегося перед ним пейзажа запомнилось навсегда.

В литературных трудах пушкинистов издавна прочно утвердилась версия о том, что Раевские и Пушкин из Феодосии в Гурзуф прибыли на борту брига «Мингрелия».

Но вот в «Крымской газете» № 113 от 6 июня 1997 года была опубликована статья профессора Симферопольского университета В. Казарина под неожиданным названием «Мингрелия»? Нет – «Або».

В статье автор, ссылаясь на официальные флотские документы лета 1820 года, хранящиеся в Ленинградском архиве российского морского флота, утверждает, что 18 августа 1820 года Раевские и Пушкин отбыли из Феодосии в Гурзуф не на бриге «Мингрелия», а на корвете «Або». Командиром корвета был капитан-лейтенант Иван Прокофьевич Дмитриев, воспитанник прославленных адмиралов Ф.Ф.Ушакова, Д. Н. Синявина и М. П. Лазарева. Он участвовал во многих морских сражениях под командованием этих адмиралов и был отмечен

многими боевыми орденами и медалями. Корвет «Або» по распоряжению феодосийского градоначальника приготовился к переходу из Феодосии в Севастополь, и прибывшие в Феодосию из Керчи Раевские и Пушкин поспели на этот корабль. Капитан Дмитриев изъявил готовность доставить в Гурзуф и именитых путешественников, что и было сделано.

На рассвете 19 августа корвет стал на рейде Гурзуфа, и путешественники шлюпкой были доставлены на гурзуфский берег.

Что же касается брига «Мингрелия», то, судя по документам, он все летние месяцы и в начале осени 1820 года крейсировал у берегов Абхазии, выполняя важное задание адмирала А. С. Грейга, и в Феодосию вообще не заходил.

Спустя годы, работая над «Евгением Онегиным», в главе «Путешествие Онегина» Пушкин отправил своего героя в «полуденный край».

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разослан был передо мною.
А там, меж хижин татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь.
Но, муза! Прошлое забудь.

В татарской деревушке Гурзуф того времени насчитывалось не более сорока дворов с приземистыми саклями и без всяких удобств. Единственным особняком, в котором можно было остановиться и прожить с некоторым комфортом, был двухэтажный дачного типа дом, построенный дюком де Ришелье в 1811 году. Редкие в те годы путешественники, посещавшие южнобережье, останавливались обычно в этом гостеприимном доме. Здесь же поселились Пушкин и Раевские. Поэт вместе с Николаем Раевским-младшим облюбовали для себя комнату в нижнем этаже, из окон которой её обитатели могли часами любоваться красотами местной природы. В письме к брату Пушкин писал: «Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная

жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался – счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, - горы, сады, море...».

Спустя годы, он снова и снова возвращался мысленно в Гурзуф: «Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я посещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество».

В одном из писем 1824 года Пушкин писал о том, что жил в Гурзуфе сиднем, купался в море, обедался виноградом и наслаждался полуденной природой с равнодушием и беспечностью. И всё же можно не без основания полагать, что не мог он оставить без внимания роскошный в природном отношении уголок, примыкающий к западным склонам Аю-Дага. Об этом свидетельствует заключительное стихотворение знаменитой его поэмы «Бахчисарайский фонтан».

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу, и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега весёлые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный, -
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край! Очей отрада!
Всё живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса;
И струй, и тополей прохлады...
Все чувства путника манит,
Когда в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утёсов Аю-Дага.

Ещё в пути из Феодосии в Гурзуф поэт ночью написал «Элегию» («Погасло дневное светило...»). Черновой её набросок был окончательно доработан в Гурзуфе. Здесь же были написаны: элегия «Увы! Зачем она блистает...», стихотворение «Мне вас не жаль, годы весны моей...» и «Зачем безвременную скуку...».

В Гурзуфе Пушкин вставал рано, на утренней зорьке, и сразу же отправлялся к морю, которое лениво плескалось совсем рядом с домом. Рассветная пора на море поражает своей неопишуемой красотой. Под впечатлением гурзуфских рассветов и родилось первое лирическое стихотворение крымской тематики, написанное им уже в Кишинёве:

Среди зелёных волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я мог дохнуть.
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струёю выжимала.

Утренней порой совершал Пушкин верховые прогулки по узкой, извилистой дороге в урочище Ортек. Над урочищем возвышался «огромный Аю-Даг, гора, разлегшаяся в море...».

Август – пленительная пора на южном берегу. Солнце ещё припекает основательно, но в предвечернюю пору зной спадает и начинается лёгкий освежающий бриз с горных отрогов Бабугана. В такие часы поэт отправлялся на прогулку по кривым узким улочкам и переулкам деревушки Юрзуф, заглядывал в крохотные дворики с примитивными беседками, где с причудливо сплётенных виноградных лоз свисали тяжёлые, литые грозди «янтаря» и «яхонта», а на деревьях – «шелковицы рдяный плод» и «золотые фиги».

Пушкин доходил до восточной окраины деревни, где возвышалась сумрачная Генуэзская скала с руинами средневековой крепости на ней. По крутой тропинке поднимался на верхнюю площадку крепости и любовался окрестными пейзажами.

Когда луна сияет над заливом
Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в паденьи горделивом
Развалины, поникшие челом.

Тихими летними, по южному очень тёмными вечерами, когда на небосклоне повисала жемчужная капля Венеры, довелось ему услышать как юная Екатерина Раевская, показывая родным планету, назвала её «своей звездой». Об этом он вспомнил в ноябре 1820 года в

Кишинёве и в результате родилось изумительное по красоте крымское стихотворение «Редает облаков летучая гряда».

Редает облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и чёрных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и стройный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны,
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижину сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

И другое:

Когда луны сияет лик двурогий
И луч её весёлый серебрит
Немой залив, утёсов склон отлогий
И берега, где тёмный лес шумит,
И с всадником приморскою дорогой
Привычный конь над безднами бежит...

Здесь идёт речь, по видимому, об Ай-Данильском можжевелевом лесе, куда из Гурзуфа, по обрывистому морскому берегу вела кордонная тропа. Помещение пограничной кордонной стражи находилось на западной окраине нынешнего Гурзуфа, на территории Соловьёвки (бывший молодёжный турлагерь «Спутник») и сохранилось до наших дней.

Но не менее внушительным и «тёмным» был также лес у подножия Аю-Дага (урочища Ортек и Ахелач были покрыты лесом).

Три быстролётные недели, прожитые Пушкиным в Гурзуфе, помогли ему в какой-то степени освободиться от мрачных, гнетущих настроений, светлый, радостный мир полуденного

края вливал в его легко ранимую душу проблески надежды на лучшее будущее. С щемящим душу чувством покидал он полубившийся ему полуденный берег, где был он счастлив, свободен и беспечен, как писал он брату своему Льву Сергеевичу.

Таврида надолго осталась в поэзии Пушкина. Обращаясь к античной тематике, он постоянно вспоминал Крым, Гурзуф, живые черты знакомого ему южнобережья. Работая над романом «Евгений Онегин» и над поэмой «Бахчисарайский фонтан», он постоянно находился во власти крымских воспоминаний и возвышенных мечтаний.

Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шёпот Нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

О пребывании Пушкина в Гурзуфе некоторое его современники, а в последующие десятилетия и известные исследователи жизни и творческой деятельности поэта грешили предположениями, а чаще всего домыслами, о его сердечных делах.

Так, известный пушкинист В. Дарский в неизданной своей исследовательской работе «Три любви Пушкина» (1949 год) писал о неизвестных фактах любовного увлечения молодого поэта в период его пребывания в Гурзуфе.

Речь идёт о компаньонке Анне Ивановне, которая вместе с Раевскими и Пушкиным выехала из Екатеринослава на Кавказ, а оттуда в Крым, в Гурзуф.

Дарский утверждает, что Анна Ивановна была то ли племянницей, то ли родной, младшей, сестрой владельца имения «Суук-Су» Александра Ивановича Султан Крым-Гирея и подтверждает близкое её родство с Александром Ивановичем тем, что она после 1820 года прожила в его имении ещё три года. Она же были крестницей генерала Н. Н. Раевского.

О своём гурзуфском увлечении Пушкин вскользь упоминает в стихотворении, написанном в конце 1820 года в Кишинёве:

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело, синяя, блещут воды
И пышные ласкают берега,
Где на холмы, под лавровые своды,
Не смеют лечь угрюмые снега?

Скажите мне: кто видел край прелестный,

Где я любил, изгнанник неизвестный?

И в дальнейшем поэт в стихах, навеянных воспоминаниями о днях, проведённых в Гурзуфе, упоминает какие-то скалы и пещеру: «Ты видел деву на скале...», «Там скал нахмуренные своды...», «А ты, кого назвать не смею, стояла над волнами под скалой...», «Там, под заветными скалами, теперь она сидит печальна и одна...», «Твои скалы, твои заливы...» и др.

Какие это скалы выясняется из двух отрывков, обнаруженных Дарским в черновых рукописях поэта:

Есть у моря под скалой

Уединённая пещера.

Обитель неги, в летний зной

Она прохладной темнотой

Полна...

И другой отрывок:

Приют любви, он вечно полн

Прохладой сумрачной и влажной,

Там никогда стеснённых волн

Не умолкает гул протяжный.

Где же находилась эта пещера – приют любви поэта?

В Гурзуфе никаких пещер не существует, в письменных источниках прошлого о гурзуфской пещере не упоминается, а вот в соседнем имении отставного поручика А. И. Султан Крым-Гирея такая пещера есть – Пушкинский грот в толще Пушкинской скалы. В грот это можно попасть морем, в лодке, или вплавь с берега. Сухопутного прохода в грот не существует.

Но, оказывается, в глубине этого скалистого массива существует и другая пещера, по соседству с гротом. Об этом есть свидетельства в журнале «Библиотека для чтения» за 1837 год в статье «Прогулки по Крыму». Статья подписана: «П-я И-ъ». По утверждению этого таинственного «П-я И-ъ» «Другая пещера, окружённая водою, находится внутри утёса; но так как вход в неё сверху, и надо было прежде взбираться на утёс, чтобы в неё спуститься, то мы не решились на это, потому что начинало уже темнеть». И дальше: «После обеда мы опять пустились в путь и доехали до Гурзова, оставили лошадей на берегу и наняли татарскую лодку. В ней поплыли к пещерам, которые находятся на прибрежных скалах имения Султан Керим-Гирея. На этой лодке мы въехали во внутренность скалы и очутились в храме, которого

архитектором была природа: мрачные стены и свод его высечены из гранита фантастическими барельефами, а влажный пол колыхается и всплескивает на мшистый карниз».

Пушкин стихами подтверждает правильность описания этого грота: «Приют любви, он вечно полн прохладой сумрачной и влажной...» и «Есть у моря под скалой уединённая пещера...».

«П-я И-ь» утверждает, что есть в недрах скалы и другая пещера с входом в неё сверху, с вершины скалы, с моря в неё хода не было.

Учитель артековской школы, краевед А. В. Фролов в опубликованной статье «Тайны артековской бухты» («Крымская газета», 12 и 19 ноября 1994 года) рассказывает о посещении этой таинственной пещеры с помощью акваланга. Из пушкинского грота через узкий подводный туннель длиной 10-12 метров он с большим трудом проник в соседнюю пещеру. Размеры грота могли вместить одновременно до десяти человек, а по красоте он не только не уступал Пушкинскому гроту, но даже и превосходил его.

Значит, пещера всё же существует, и спуститься в неё можно было только сверху. Со временем по неизвестной причине вход в неё был или кем-то завален, или произошёл обвал скалистой породы, закупоривший его, и время стёрло следы спуска в пещеру.

Как бы то ни было, при всей хрупкости утверждения Дарского, что предметом увлечения Пушкина была Анна Ивановна – близкая родственница А. И. Султан Крым-Гирея, а не Мария Раевская, как утверждают некоторые пушкинисты, версию эту следует, по-видимому, воспринимать не как бесспорный факт, а как предположение. И не в этой ли пещере молодые влюблённые коротали счастливые часы? Не случайно же Пушкин в последние годы вновь и вновь в стихах и письмах возвращается к «приюту любви», к уединённой пещере у моря под скалой, к заветным скалам с их нахмуренными сводами, к деве, стоявшей на скале...

5 сентября 1820 года Пушкин, генерал Н. Н. Раевский и его сын Николай распрощались с гостеприимным Гурзуфом и верхом направились в сторону Севастополя.

Дочери генерала и сопровождавшие их лица на следующий день направились кружным путём в Бахчисарай, где после посещения Севастополя к ним должны были присоединиться Пушкин и Раевские.

На пути в Севастополь путешественники посетили крохотное селение Ай-Даниль и недавно основанный Никитский ботанический сад, в Ялту не спускались, а прямо через Аутку и дальше через Ореанду, Кореиз и Мисхор прибыли в деревню Алупка, где заночевали в доме местного татарина.

До Алупки добирались по более или менее сносной дороге, а вот дальше пришлось пробираться глухими тропинками, выющимися лесными массивами среди скал, до деревушки Симеиз и дальше до небольшого селения Кикенеиз. Отсюда тропа повела круто вверх к горному проходу Шайтан-мердвеню («Чёртовой лестнице»), ведущей на яйлу. По яйле дорога вела в Байдарскую долину и через неё – к Севастополю. Другого пути с южного берега в Севастополь тогда ещё не было.

По циклопическим ступеням «Чёртовой лестницы» путники с огромным трудом поднимались всё выше и выше, держась за хвосты привычных к таким подъёмам крымских лошадей.

Спустя годы, Пушкин вспоминал об это необычном, забавном и довольно опасном подъёме по живописной «Чёртовой лестнице».

Выбравшись на яйлинский простор, путники пустили лошадей рысью и вскоре спустились в Байдарскую долину. По хорошей проезжей дороге, по которой в 1787 году императрица Екатерина II ехала из Севастополя к Байдарскому перевалу, направились к Георгиевскому монастырю, скромные строения которого виднелись вдали на краю обрыва к морю неподалёку от мрачного, таинственного мыса Фиолент, господствующего над морем в этом районе. Пушкин и Раевские, ознакомившись с монастырём, прошли на мыс, где среди каких-то древних развалин вспомнили легенду «Ифигения в Тавриде». Здесь, по преданию, находился легендарный античный храм богини Артемиды, молодой жрицей которого была дочь аргосского царя Агамемнона – Ифигения.

Здесь родились у поэта стихотворные строки:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья...

«Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление», - писал в 1824 году поэт.

Переночевав в убогой монастырской келье, путешественники на утренней зорьке оседлали лошадей и направились в Бахчисарай.

Ночью, в монастыре, Пушкин почувствовал, что заболевает. Его знобило, спал плохо и утром с трудом взобрался в седло.

Бахчисарай не произвёл на поэта того впечатления, на которое он рассчитывал. Вместо цветущего, по-восточному экзотического города с пышными дворцами и многочисленными

минаретами, увидел он заштатный, грязноватый городок с кривыми улочками и переулками, но особенно поразило его состояние ханского дворца, в котором путешественники провели ночь: «... Я обошёл дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет, и на полувосточные переделки некоторых комнат...».

Из Бахчисарая больной Пушкин выехал в Симферополь, куда прибыл 8 сентября.

Сведения о пребывании поэта в новом губернском административном центре Тавриды очень скупы, недостоверны и противоречивы, а дата его отъезда из Симферополя в Кишинёв, к месту службы у генерала Инзова, также не установлена.

В Кишинёве поэт вновь и вновь мысленно возвращается в край полуденный, в милый сердцу Юрзуф, где провёл «Счастливейшие минуты жизни». В письме брату писал он из Кишинёва (конец 1820 года): «Друг мой, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег».

И в стихотворении «Желание», написанном в 1821 году, снова тот же мотив:

Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
Забыв молву и жизни суеты,
На берегах весёлого Салгира
Вспоминать души моей мечты?

И спустя четыре года после отъезда из Крыма в письме к Дельвигу он писал: «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? Или воспоминание – самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?».

И гораздо позже, в 30-е годы, когда Пушкин напряжённо работал над романом в стихах «Евгений Онегин», в главе «Путешествие Онегина» он снова и снова рисовал полюбившиеся ему пейзажи Крыма и его полуденного берега. 10 ноября 1836 года в письме князю Н. Б. Голицыну, жившему в своём имении в Артеке, поэт писал: «Как я завидую вашему чудесному климату Крыма. Ваше письмо пробудило во мне много разного рода воспоминаний. Там колыбель моего Онегина, и вы, конечно, узнаете определённые персонажи...».

Душа поэта рвалась в Крым, в Юрзуф, но осуществиться мечте его было не суждено.

Со времени пребывания А. С. Пушкина в Гурзуфе прошло сто восемьдесят лет. И Крым уже не тот, что при нём, и Гурзуф давно уже перестал быть деревушкой, да и люди уже совсем

другие, а великий поэт по-прежнему остаётся в памяти поколений таким, каким его видел Юрзуф и его обитатели в 1820 году.

Многие места в округе гурзуфской напоминают о поэте: пушкинский музей, экспозиция которого размещена в том самом доме дюка Ришелье, в котором Пушкин провёл счастливейшие минуты своей жизни. Сохранились ещё кое-где на склонах Генуэзской скалы улочки и переулочки, по которым бродил поэт, и пляж, где он, «сокрывшись меж деревьев» на утренней зорьке, затаив дыхание, любовался изящной полубогиней Нереидой, рождавшейся на его глазах из пены морского прибоя. И Пушкинский грот в толще Пушкинской скалы в бывшем имении «Суук-Су» неизменно влечёт к себе многочисленных туристов и отдыхающих.

Есть красивые Пушкинские площадки в парках артековских лагерей «Лазурного» и «Кипарисного». А на скале, над входом в Пушкинский грот, стоит беломраморный бюст великого поэта и ежедневно общается он с «племенем молодым и незнакомым», населяющим нынешний «Артек».

Не заросла и Пушкинская тропа, проложенная под величественными утёсами Аю-Дага владельцами имения «Артек» Первушиными к пятидесятилетию со дня гибели поэта.

Живёт великий Пушкин Александр Сергеевич в памяти благодарных потомков, живёт и будет жить вечно.

«НЕ СЕБЕ, А РОДИНЕ»

Об основателе одного из первых курортов Крыма Петре Ионовиче до последнего времени сведения были скудные и противоречивые. В литературе о Крыме информация о нём сводилась лишь к констатации следующего факта: «В 1881 году имение Фундуклея («Гурзуф») приобрёл предприниматель П. И. Губонин, наживший большой капитал на строительстве Лозово-Севастопольской железной дороги. Преследуя коммерческие цели, Губонин построил здесь гостиницы, ресторан, провёл электричество, телефон, благоустроил парк, установил в нём красочные фонтаны». («История городов Крыма», АН УССР, 1974, с.567).

И это всё о Губонине.

Совсем недавно, в 1994 году, в Санкт-Петербурге издана книга Е. Д. Шапилова «От конки до трамвая» (Из истории С-Петербургского городского транспорта), в которой даётся описание деятельности П. И. Губонина – известного российского промышленника второй половины XIX столетия. В книге приводится отрывок из некролога, опубликованного по поводу

кончины Петра Ионовича. Вот, что о нём говорилось: «... Губонин был настоящий русский человек, сохранивший в себе лучшие качества нашего народа, наделенный притом весьма редкой в простом человеке отзывчивостью и деловым тактом, полным сердечности.

В этом русском родовитом самородке, имя которого хорошо известно во всех концах Руси Великой, наше общество ценило ярко выдающегося деятеля – деятеля в области отечественной промышленности, щедрого благотворителя и человека редкой доброты, светлого ума и твёрдого, настойчивого характера. П. И. Губонин вышел из народа и, лишь благодаря своим личным качествам, своему выдающемуся уму, необычайной сметливости, энергии и умению быть в хороших товарищеских отношениях и с простым рабочим, и с великим мира сего, - достиг высокого общественного положения, приобрёл миллионы и увековечил своё честное имя в истории нашего железнодорожного дела, а равно и в истории отечественного просвещения и благотворения.

Пётр Ионович Губонин происходил из крепостных крестьян помещика Бибикова и родился в 1825 году в небогатой семье в деревне Борисовка, Коломенского района, Московской губернии. Семья эта из рода в род занималась каменными работами. По семейной традиции и П. И. Губонин, пробыв несколько времени десятником при постройке какой-то дороги, начал свою карьеру подрядами на орловско-витебском шоссе.

Сперва он брал ремонт участков, затем целых линий. По одним сведениям, он, в качестве подрядчика, принимал участие и в постройке Исакиевского собора...

Благодаря влиятельным поддержкам, П. И. Губонин сделался строителем орловско-витебской дороги, концессия на которую была выдана орловскому земству. С орловско-витебской дороги он перенёс своё строительство на другие, построив целую сеть железнодорожных линий. Лозово-Севастопольская, грязе-царицынская, балтийская, урюпинская и уральская – все эти дороги построены П. И. Губониным в качестве концессионера и главы акционерных кампаний. Кроме того, им были исполнены громадные подрядные работы на постройке московско-курской и курско-киевской железных дорог.

Капиталы П. И. Губонина росли, а вместе с ними росла его предприимчивость, его энергия. Он участвовал в постройке конно-железных дорог в Петербурге и Москве, затем основал брянский рельсопрокатный завод, и доныне известный под именем губонинского. Далее он разрабатывал минеральные богатства в голубовско-богодуховских каменноугольных копях, воссоздал, призвал к жизни коломенский машиностроительный и железоделательный завод.

Словом, масса предприятий обращала на себя внимание П. И. Губонина, в круг разносторонних торгово-промышленных интересов которого входило и соляное дело, и

каменоломни, и изготовление жерновов, и виноделие, и прочее. Он созидал и украшал Божии храмы, как, например, Петропавловский собор в Петербурге, им возобновлённый, или храмы Херсонесский близ Севастополя и Успенский в Гурзуфе, им построенные. Вместе с Х. Х. Мейном он основал в Москве ремесленную школу, из которой, благодаря его крупным пожертвованиям, возникло Комиссаровское техническое училище – этот солидный памятник его благотворительности. За свои высокие заслуги на пользу училища П. И. Губонин был утверждён пожизненным Почётным попечителем его. Он устроил также техническое училище в Борисоглебске, принимал живое участие в устройстве московской Политехнической выставки, а по закрытии её – в сооружении Политехнического музея, членом комитета которого он состоял до последних дней.

Кроме того, весьма многие благотворительные и учёные общества считали его своим членом, оказывавшим всегда большую поддержку этим учреждениям.

Своё чудное имение в Крыму – Гурзуф – П. И. Губонин устроил замечательно, обратив его в превосходную санитарную колонию. Вся окрестная местность ожила, питаясь Гурзуфом. Прежняя бедная татарская деревушка Гурзуф разбогатела, и всё татарское население благословляет имя П. И. Губонина. Благословляют это имя тысячи облагодетельствованных Губониным лиц, выведенных им в люди.

В 1868 году он удостоен звания почётного гражданина, а в 1875 году возведён в потомственное дворянство. Он имел чин тайного советника и высшие ордена, несколько медалей и других знаков отличия...».

Известно, что при возведении Петра Ионовича Губонина в потомственное дворянство, император Александр II на предоставленном ему на утверждение эскизе дворянского герба Губониных собственноручно начертал девиз: «Не себе, а Родине».

Умер П. И. Губонин в 1894 году в Москве и по его завещанию был погребен в притворе построенной им в 1887-1890 годах Гурзуфской церкви Во Имя Успения Пресвятой Богородицы.

В 1935 году по распоряжению местных властей церковь эта была разобрана и на её месте построили здание лечебницы Гурзуфского военного санатория.

Останки П. И. Губонина перевезли на пустырь, примыкавший с западной стороны к Гурзуфскому кладбищу, и погребены. Пустырь с годами стал продолжением этого кладбища, и место захоронения П. И. Губонина затерялось.

У ИСТОКОВ КУРОРТА

В природно-климатическом отношении курортный посёлок Гурзуф является одним из самых чудесных уголков южного берега.

Страстно влюблённый в крымскую землю известный краевед Евгений Львович Марков в своих «Очерках Крыма», впервые изданных в 1867 году, посвятил Гурзуфу небольшую главу, но какую!.. «Со станции Ай-Даниль непременно съезжайте в Гурзуф Фундуклея. Это одна из живописнейших и оригинальнейших местностей, которых не забудешь, увидев раз...». И дальше: «... Из роскошного барского парка, с высокой террасы дома, вам откроется как на ладони татарская деревня Гурзуф, лепящаяся по голым скалам морского берега. Изгрызенные временем высокие конические утёсы, торчащие прямо над волнами моря, венчают эту характерную деревушку, сплошь полную татарской грязи, тесноты и пестроты. На самом пике утёса ещё высится полуразвалившийся замок, и от него сбегает по неприступному обрыву обломки стен, башенок и лестниц... Это деревня Горзувита, когда-то колония греков, потом генуэзцев, защищавшая доступ к заливам Гурзуфа и Артека, богатым рыбою и прекрасными пристанями для судов. Вы должны вдоволь ползать по скалистым проулочкам деревни для изучения татарских типов, татарской жизни, и докарабкаться до Горзувитской цитадели. Ваш трудовой пот будет вознаграждён тем поистине чудесным видом, который откроется вам с вершины пика разом и на лесную Яйлу, и на парк, и на деревню Гурзуф, и на синее море, усеянное белыми мотыльками парусов.

Между гурзуфскими скалами и Аю-Дагом самая тихая и приятная бухта, всегда полная тёмных теней от лесов и скал, отражающегося в ней Аю-Дага. Все редкие посёлки этой местности также исполнены какой-то пустынной тишины. Исполинский горб мрачной и недоступной Медведь-горы отрезает их от остального мира и осеняет их своими каменными твердынями. Несколько скал, причудливо изгрызенных волной и ветром, без сомнения – остатки скалистого мыса, – островками ступили в море, вокруг них ютятся рыболовы, на вершине их утёсов – тучи морских птиц. Эти живописные скалы памятны всем, кто подъезжал к Аю-Дагу по морю со стороны Ялты...».

Г. Караулов и М. Сосногорова – авторы путеводителя по Крыму 1883 года издания – о Гурзуфе писали следующее: «... татарская деревня Гурзуф расположена на довольно возвышенном холме, в конце одной из прекраснейших долин Южного берега Крыма, по богатству своей растительности и по очаровательности и вместе с тем грандиозности своей общей горной картины...».

Им вторит и Г. Москвич – автор иллюстрированного практического путеводителя по Крыму 1903 года издания: «Природа подарила Гурзуфу чудный мягкий климат, прекрасное местоположение на склоне горы, густо поросшей растительностью и защищающей его от ветров; свободный берег моря, с небольшим, но удобным пляжем, обширные виноградники и прочие блага, которыми люди воспользовались, чтобы создать здесь морскую климатолечебную станцию, богатую не только природными дарами, но обставленную с удобствами и комфортом, соответствующими потребностям человека, приехавшего отдохнуть, укрепиться и развлечься. В этом отношении Гурзуф, в особенности для людей со средствами, даёт очень много».

В 80-е годы XIX столетия деревня Гурзуф, насчитывавшая около тысячи человек преимущественно татарского населения, оставалась захолустным уголком южного берега. От богатого, цветущего города, о котором в XII веке сообщал арабский географ Ибн-Эдриси,

остались лишь воспоминания. Века, завоевательные войны, пронесшиеся над этим благословенным уголком, сделали своё разрушительное дело.

В XV веке Крым был завоёван Турцией. Гурзуф потерял своё былое значение торгового города и пришёл в упадок. Расположенная амфитеатром на круто спадающем к морю склоне Генуэзской скалы, осенённая руинами древней крепости, деревушка эта поражала редких заезжих любителей путешествовать своей живописностью и патриархальным жизненным укладом. Приземистые, с плоскими земляными кровлями татарские хижины, узкие кривые улочки, переулки и глухие тупики, крутые спуски и подъёмы, крохотные дворики и садики, заросшие алычей, инжиром, гранатовыми и другими экзотическими растениями – так выглядела деревня в начале XX века.

Население Гурзуфа занималось садоводством, выращиванием овощей и табака, ловлей рыбы, разведением овец и коз.

В санитарно-гигиеническом отношении деревня не отличалась от других подобных деревень южного берега. Выгребные дворовые туалеты, скапливавшиеся годами кучи бытового мусора и пищевых отходов, не озонировали деревенский воздух. Сооружённая ещё генуэзцами канализация столетиями не ремонтировалась и в конце концов окончательно разрушилась и от неё не осталось и следа. Такая же участь постигла и древний водопровод, который питал водой из горных источников крепость и весь Гурзуф.

Длительные русско-турецкие войны XVIII столетия завершились окончательной победой русского оружия. По мирному договору, заключённому между Россией и Турцией в 1774 году в болгарском селении Кучук-Кайнарджи, Турция лишилась завоёванных в 1475 году Кубани и Крыма. Трёхсотлетнее владычество турецких султанов в Крыму окончилось, но положение на полуострове оставалось тревожным, неустойчивым. Турция, игнорируя договор, предпринимала попытки вернуть утраченные территории даже военными средствами. В этой обстановке императрица Екатерина II вынуждена была прибегнуть к решительным мерам и Манифестом от 9 апреля 1783 года объявила о присоединении Крыма к России. В истории полуострова началась новая историческая эпоха.

Огромную роль в освоении новых российских территорий сыграл князь Г. А. Потёмкин. По его инициативе из российских губерний на крымскую землю переселяли крестьян, ремесленников, мастеровых людей, повсеместно возникали новые деревни и посёлки, прокладывались дороги. Позднее началось строительство военно-морской базы России на Чёрном море – Севастополя и губернского центра Симферополя. Для скорейшего и успешного освоения края Екатерина II наделяла большими земельными угодьями представителей русской знати, предприимчивых помещиков и многих иностранцев, находившихся на российской государственной и военной службе. Особенно ценными считались земли южного берега Крыма, которому в недалёком будущем суждено было стать курортной зоной полуострова. Первым владельцем гурзуфских земельных угодий был сам светлейший князь Г. А. Потёмкин. Губернский судья П. И. Сумароков, прибывший в строящийся губернский город Симферополь в 1801 году, посетил многие уголки полуострова, и свои дорожные впечатления изложил в интересной книге «Досуги крымского судьи», изданной в Петербурге в 1805 году. Путешествуя, побывал он и в Гурзуфе, в котором насчитал сорок четыре двора.

В 1808 году генерал-губернатор Новороссийский, основатель Одессы, герцог Эммануил де Ришелье приобрёл по соседству с древней участок земли и заложил здесь первый на

южнобережье господский дом оригинальной архитектуры. Строительство его было завершено в 1811 году, и с той поры дом этот стал пристанищем знатных путешественников, которых с годами становилось всё больше и больше. В этот же период по соседству с Гурзуфом, в урочище Мартьян, земельный участок получил Х. Х. Стевен – основатель и первый директор Императорского Никитского ботанического сада. Имение же дюка Ришелье в последующие десятилетия переходило от одного владельца к другому, сначала к графу Воронцову, затем к сенатору Фундуклею, барону Врангелю, генералу Краснокутскому и в конце концов в 1881 земли эти за 260 тысяч рублей приобрёл один из подрядчиков на строительстве железной дороги от станции Лозовая до Симферополя и Севастополя Пётр Ионович Губонин. Он то и положил начало курортному строительству в округе гурзуфской.

К западу от горной речки Авунда (в древности Сюнарпутан) на наиболее равнинной приморской части Гурзуфа П. И. Губонин задумал построить первую на южном берегу климатолечебную станцию.

Здесь вскоре развернулись масштабные строительные работы. Землекопов, каменщиков, столяров, плотников, отделочников, грабарей и других работников нанимали из числа местных жителей и из Южной Таврии. Объём работ был чрезвычайно велик. Необходимо было на этой территории прорыть новое русло речки Авунда и засыпать старое, возвести подпорные стены и построить мостики, выкопать вручную котлованы под фундаменты будущих семи гостиничных корпусов и для хозяйственных построек, спланировать территорию будущего обширного парка, произвести посадки тысяч деревьев и кустарников, устроить цветники и клумбы, проложить километры дорог и аллей, соорудить фонтаны и беседки, оборудовать пляжную зону, провести водопровод, канализацию и линию электропередач. Необходимо было построить бассейны для питьевой воды, оранжерею, конюшню, экипажный сарай, оградить территорию станции, соорудить лодочную станцию и причал, подобрать обслуживающий персонал, решить проблемы с жильём для персонала. Будущая климатолечебная станция не могла обойтись без лечебной базы и аптеки, нужно было позаботиться о магазинах, лавках, прачечной, ремонтных мастерских и о многом другом.

За сравнительно короткий срок строители возвели комфортабельные, оригинальной архитектуры гостиницы, которым присвоили пышные названия: «Ривьера», «Парк», «Костаньола», «Аю-Даг», «Бельвю», «Альянс»...

Все гостиничные корпуса губонинского курорта были спроектированы Петербургским архитектором Ф. Ф. Тербеневым и построены под его руководством.

Между гостиницами «Ривьера» и «Парк» построили роскошный ресторан с первоклассной французской кухней.

Архитектор позаботился о том, чтобы каждое гостиничное здание имело свой архитектурный облик и выгодно вписывалось бы в местный ландшафт. Нет на территории курорта двух одинаковых по архитектуре зданий. Строились они из местного камня – известняка. Между этажами по периметру накладывались металлические сейсмические пояса, которые затем закрывались изящными лепными карнизами. И вовсе не случайно, при сильном землетрясении сентября 1927 года ни одно гостиничное здание санатория не пострадало. Ажурные деревянные кружева балконов и террас придают этим зданиям лёгкий, какой-то воздушный облик.

Более столетия отделяет нас от того времени, когда были построены эти гостиницы, но время не властно над ними, они и сегодня, изящные и красивые, восхищают нас своим неповторимым обликом.

Гостиничные номера состояли из двух, трёх или четырёх комнат с ваннами, причём с морской и пресной водой, с туалетами, балконами и террасами. В каждом номере был телефон. Большие просторные балконы и веранды обставлялись изящной плетёной мебелью, от палящих солнечных лучей веранды закрывались ажурными маркизами. При курорте имелась образцовая по тем временам прачечная, обслуживавшая курорт и отдыхающих на частных квартирах и дачах. Медицинское обслуживание осуществляли врач, фельдшерица и массажистка. Была на курорте и собственная аптека. До нас дошла фамилия одного из гурзуфских аптекарей того времени – М. Ф. Мазуркевич. Сохранилось и здание той аптеки, оно и сейчас гурзуфская аптека. Курорт имел телефонную и телеграфную связь не только с населёнными пунктами полуострова, но и с крупными городами России.

В 1887-1890 годах на гурзуфской набережной была построена красивая церковь в память Успения Пресвятой Богородицы (по проекту московского архитектора Чичагова). Службу в ней отправлял постоянный местный священник в сопровождении хора певчих из числа учащихся местной школы и жителей деревни. Тогда же в нагорной части Гурзуфа по проекту известного архитектора Краснова была возведена самая величественная и красивая на всём южном берегу мечеть. Она была разобрана после сильного землетрясения 1927 года. Здание мечети дало многочисленные трещины и грозило обвалом. Цокольная часть мечети сохранилась.

Церковь же на набережной была разобрана в 1935 году и на её месте построили лечебный корпус нынешнего санатория МО.

Кстати, скончавшийся в Москве основатель гурзуфского курорта П. И. Губонин, согласно его завещанию, был перевезён в Гурзуф и погребён в усыпальнице, находившейся в правом углу церковного зала.

Устроители курорта позаботились и о культурном обслуживании отдыхающих. Были построены здания библиотеки с читальным залом и солидным книжным фондом, газетами и журналами, салон для собраний отдыхающих, бильярдная, книжный киоск, парикмахерская, оркестровая эстрада у гостиницы «Парк», где играл известный в то время оркестр под руководством итальянского капельмейстера Эмилио Коломбо. Этот же оркестр играл и в зале курортного ресторана. В праздники владельцы курорта приглашали жителей деревни на бесплатные концерты этого оркестра и приезжих актёров.

Для отдыхающих организовывались экскурсионные поездки по южному берегу Крыма, для этого курорт располагал экипажами, а позднее и автомобилями. Для любителей верховой езды имелись лошади. Рыболовы из числа отдыхающих имели всё необходимое для этого – лодки, рыболовные снасти, а при необходимости и гребцов из числа местных жителей. Не забыты были и любители охоты. Курорт обеспечивал охотников ружьями, боеприпасами и прочей охотничьей снастью. В осенние и зимние месяцы допускалась охота на перепелов, вальдшнепов, зайцев, лисиц, косуль и другую живность. По желанию отдыхающих организовывались индивидуальные и коллективные выезды в горные леса и в предгорья, где охотились на зайцев, лис, косуль, а частенько и на оленей.

С середины августа здесь открывался виноградный сезон и длился он до 15 октября. На территории курортного парка в специальных виноградных ларьках можно было купить

отличный виноград. Его подавали к столу и в ресторане. Отборный виноград по очень низкой цене продавали и жители деревни.

В гурзуфских торговых лавках и лавчонках продавали чай, кофе, сахар, баранину, татарские сладости, овощи и фрукты, местное виноградное вино недорогое, но отличного качества. В центральной части деревни находились турецкая кофейня и чебуречная. У курорта была собственная молочная ферма, свежее молоко подавали к столу ежедневно утром и вечером. К столу также регулярно подавались сметана, творог и коровье масло собственного приготовления. Многие блюда в ресторане готовились преимущественно на коровьем (сливочном) масле, что обязательно подчеркивалось в прейскуранте.

Гурзуфский курорт широко рекламировался в российской прессе и через специально издаваемые массовыми тиражами проспекты «Гурзуф» или «Климато-лечебная станция Гурзуф». Отлично изданные, с фотоиллюстрациями, они способствовали привлечению отдыхающих.

В проспекте «Гурзуф» 1912 года, в частности, говорилось: «Тёплый, горно-приморский климат Гурзуфа оказывает в высшей степени благотворное действие при всех страданиях дыхательных путей, застарелых болезнях почек, вялости кишечника, ревматизме, малокровии, хлорозе, хронических выпотах...»; далее – «... при хронических женских болезнях, сердечных заболеваниях и болезнях сосудисто-двигательного аппарата, а также во всех случаях неврастении, переутомления и истощения вследствие тяжёлых болезней».

Дальше речь шла о том, что температура воздуха здесь равномерна, без резких колебаний между временами года, между дневной и ночной. Число хороших ясных дней не уступает числу таких же дней на многих излюбленных заграничных курортах. Осенью и зимой мягкость климата позволяет проводить большую часть дня на воздухе, не опасаясь простуды. Средняя температура воздуха зимой равна температуре на климатических станциях южной Франции и Ривьеры, превосходит температуру всех курортов Швейцарии, считающихся пригодными для зимнего пребывания.

В тенистом парке, изобилующем хвойными и другими деревьями, насчитывалось 5 вёрст пешеходных аллей для лечебных прогулок.

В проспекте подробно расписаны правила пребывания отдыхающих на курорте: за комнаты в гостиницах для клиентов, живущих посуточно, расчёт каждую субботу; ежемесячно – за месяц в течение 5 дней; посезонно – в течении 10 дней.

Приезжие обязаны в течении 3-х дней точно сообщить администрации на какое время занимается комната в гостинице или дача.

Во избежание недоразумений клиентам вручалась специальная квитанция с подтверждением подписью условий нанятого помещения.

Все дачи сдаются клиентам с полной обстановкой – мебелью, кроватями, столовой, чайной и кухонной посудой в необходимом количестве.

Инвентарь сдаётся клиентам по описи под расписку и за всякую порчу и утерю взимается стоимость ущерба.

В проспектах также указывается, что ресторан на курорте обслуживает клиентов круглый год, что к столу подаются вина собственного производства и иностранных марок, что постельное белье после каждого проживания дезинфицируются сухим паром, что сообщение с Ялтой осуществляется рейсовыми пароходами и экипажами, что к пароходам высылаются специальный комиссионер и пароконная платформа для перевозки багажа. Из Симферополя в Гурзуф можно проехать автомобилями, экипажами и мальпостами, цены за проезд по соглашению и можно торговаться.

П. И. Губонин задумал и создал в Гурзуфе первоклассный курорт, рассчитанный на состоятельных отдыхающих. Широкая реклама курортной жизни привела к тому, что с каждым сезоном увеличивалась численность приезжих, в том числе людей среднего достатка, для которых жизнь на губонинском курорте была не по карману. Этим обстоятельством воспользовались местные жители, которые наперебой стали зазывать в свои жилища приезжих за доступную для них плату. Примитивные, без элементарных удобств, комнатухи можно было снять за 5-7 рублей в месяц.

Вскоре предприимчивые обитатели деревни стали строить дачные дома, где за 15-30 рублей в месяц можно было снять довольно приличную по тем временам комнату, часто даже с пансионом за дополнительную плату. Таким образом, уже в начале XX века в Гурзуфе были построены дачи княгини Кавкасиджевой под Генуэзской крепостью, Выезжевым, Бобровой, Горашенко, Узбековой, Ляненко, Бекеевым и многими другими. В дачах, где клиентов принимали без пансиона, отдыхающие имели возможность, закупив необходимые продукты, готовить себе пищу самостоятельно.

Доступ для таких курортников в курортный парк был свободным, свободным был доступ и на пляж, платить гривенник нужно было только за пользование купальным и пляжным инвентарём. За проезд по шоссейной дороге имения тоже взималась плата: за мальпост, линейку и ломовой экипаж – 50 копеек, за лёгкий рессорный экипаж – 25 копеек, с верхового брали 10 копеек.

В итоге происшедших на курорте процессов, в результате которых появилась конкуренция между курортом и местными жителями, администрации курорта пришлось снижать цены, что открыло доступ публике среднего достатка на фешенебельный курорт. Эта мера не привела к убыткам, но способствовала дальнейшему процветанию здравницы.

Курортный сезон в Гурзуфе начинался обычно в июне-июле, когда вода в море нагревалась до 18-20 градусов и отдыхающие отваживались купаться и принимать солнечные ванны. Более солидная публика предпочитала так называемый виноградный сезон – август и сентябрь. В этот период начинает спадать жара, вода в море ещё тёплая, созревает виноград, инжир, слива, на базаре можно было купить по сходной цене яблоки, груши, клубнику, грецкие орехи и другие дары щедрой крымской природы. Сезон обычно заканчивался где-то к середине – концу октября и наступал «мёртвый сезон». Безлюдие улицы Гурзуфа, пустели пляжи, тишь и запустение царили на курорте, персонал которого приступал к подготовке к новому сезону.

С ростом популярности курорта с каждым годом увеличивалась численность желающих отдохнуть и поправить здоровье у тёплого моря. Естественно, что при этом резко возрастал спрос на дешёвое жильё для курортников. И местные жители начали строить дачи в северо-западной, нагорной части Гурзуфа, по соседству с губернскими владениями. За сравнительно короткий срок здесь вырос дачный посёлок, получивший название Новый Гурзуф.

Меблированные комнаты в этих дачах сдавались летом за 25-50 рублей в месяц, а весной дешевле – за 20 рублей. Комнатки в дачах были небольшими, с окнами на юг, с балконов и веранд открывался изумительный вид на курортный парк и на море. Особой популярностью у отдыхающих пользовались «Вилла роз» владельца Радченко, насчитывавшая 14 комнат, дача Ледантю, пансионаты Половкина, Лешинской, Скворцова, Афонской, Меленевской – от семи до тринадцати комнат и др. В урочище «Хаста» - к северо-востоку от Гурзуфа, владелец имения Бидерман построил прекрасную дачу и посадил небольшой, но очень уютный парк. В восточной части деревни, рядом с мечетью, владелец Артека Первушин построил превосходную гостиницу (ныне жилое здание №1 по ул. Ленинградской), неподалёку от гостиницы находилась дача местного врача Максимовича – 11 комнат, а дальше, за дачей В. Гучкова – имение Гурова, где сдавались отдыхающим 11 комнат. В «Мёртвой долине» построил небольшую дачу врач Назаров. Хорошо обставленные комнаты сдавались отдыхающим и в имении полковника Абдурахманчика в его имении «Буюрнус».

В 1914 году численность постоянного населения Гурзуфа составляла всего 1557 человек. В летний курортный сезон численность обитателей деревни увеличивалась в два – два с половиной раза. По свидетельствам старожилов Гурзуфа, владельцы курорта всячески поощряли частную инициативу отдельных жителей деревни. Здесь открывались торговые лавки, турецкие кофейни, винные погребки и другие, необходимые как курортникам, так и местным жителям такого рода заведения. А жительница Гурзуфа Прасковья Дмитриевна Тикунова приобрела малый Адалар и построила на нём ресторан, назвав его «Венеция».

Желающих провести время на «необитаемом» острове, да ещё за ресторанным столиком, было хоть отбавляй. Клиентов за дополнительную плату доставляли в «Венецию» на лодках. Но вот, беда: на островок можно было добраться только в тихую на море погоду. В ненастную, когда море штормило, ресторан клиентов не имел и нёс убытки.

Кто-то посоветовал Тикуновой предпринять строительство подвесного моста от берега к Адалару и в ненастную погоду пропускать клиентов в ресторан по мосту. Она обратилась к владелице курорта «Суук-Су» О. М. Соловьевой с просьбой разрешить построить мост от Султанского (Пушкинского) мыса до ближнего Адалара, расстояние здесь было небольшое. При этом Тикунова брала на себя обязательство ежегодно отчислять Соловьевой определённый процент от доходов ресторана. Однако сделка не состоялась.

Тогда Тикунова обратилась к владельцу Генуэзской скалы и прилегавшей к ней территории господину Сираковскому и тот на выгодных для него условиях разрешил строительство моста от Генуэзской скалы до Адалар.

Расстояние здесь вдвое больше, нежели от Султанского мыса, около километра, но делать было нечего. И Прасковья Дмитриевна приступила к осуществлению своего замысла. Нанятая её артель рабочих-турок пробила сквозь толщу скалы тоннель, через который можно было проходить на зыбкий подвесной мост и шествовать по нему к заветной цели, в необычный островной ресторан.

От скалы до островка планировалось в море установить четыре металлических опоры, что само по себе представляло немалые сложности. Но осуществить до конца задуманное так и не удалось из-за разразившейся в 1914 году первой мировой войны.

В годы гражданской войны ресторан на Адаларе был закрыт, разграблен и разрушен, и больше не восстанавливался. О судьбе его владелицы ничего не известно. А тоннель сохранился. Из него открывается восхитительный вид на море, на артековское побережье, на Шаляпинский мыс и на Адалары, и, конечно же, на громаду Аю-Дага.

В 1910 году на самом берегу моря, под сенью Генуэзской скалы, построил дачу художник, академик К. Коровин, дачу называли «Вилла Саламбо». В ней насчитывалось 12 комнат, были ванна, телефон, водопровод. При даче был устроен небольшой садик, но, главное, - море совсем рядом. Дача эта была и мастерской художника, в которой им написаны ряд картин: «В Крыму», «На берегу моря» и другие. В разгар курортного сезона здесь сдавались комнаты с полным пансионом за 65 рублей в месяц.

Неподалёку от «Виллы Саламбо», под круглым склоном Генуэзской скалы находится простенькой архитектуры одноэтажная дачка, которую в 1900 А. П. Чехов году приобрёл для своей жены О. Л. Книппер-Чеховой. Дача принадлежала Ольге Леонардовне до 1953 года, сейчас здесь музей А. П. Чехова.

И ещё об одном малоизвестном факте, связанном с Гурзуфом.

Оказывается, первые астрономические наблюдения, носившие научный характер, на крымской земле были сделаны летом 1890 года видным российским учёным, профессором Петербургского университета Сергеем Павловичем Глазенапом. Летом девяностого года он прибыл в Гурзуф и сразу же приступил к сооружению деревянной башни для телескопа, который привёз с собой. Он намеревался произвести здесь наблюдения и измерения так называемых двойных звезд. С помощью местного мастерового в прибрежной части западной окраины деревни была построена башня-временка. За лето учёный произвёл около тысячи измерений. Результаты этой работ легли в основу нескольких научных трудов, посвящённых проблеме двойных звезд и других астрономических явлений. Первая крымская обсерватория С. П. Глазенапа не сохранилась и точное её место нахождения тоже не установлено. У родственников учёного в Москве хранится акварельный рисунок этой обсерватории. Она изображена с натуры на фоне далёкого Аю-Дага, моря и Адалар. По рисунку можно примерно определить место нахождения. Это где-то в районе «Соловьёвки» или чуть дальше, там, где возвышается металлическая мачта первого гурзуфского телевизионного ретранслятора.

Теперь несколько слов о гурзуфском восточном базаре. В фондах Государственной библиотеки России (бывшей «Ленинской») хранится редкий экземпляр книги преподавателя Симферопольского Её Императорского Величества Николая II реального училища Евгения Свищева «Полуденная Таврида (путевые заметки)», изданная в Симферополе в 1907 году. В ней даётся подробное описание познавательной «Суворовской» экскурсии учащихся этого училища по суворовским местам Крыма. Экскурсию эту посвятили 120-летию победы российских войск над турками под Кинбурном в 1787 году. Экскурсанты побывали в Евпатории, Севастополе, Балаклаве, Ялте, Гурзуфе и Алуште.

В книге подробно описаны места, связанные с деятельностью А. А. Суворова на крымской земле после присоединения Крыма к России. Но наиболее полно и красочно описан... гурзуфский восточный базар 1907 года, на котором симферопольским ребятам совершенно неожиданно довелось побывать. Дело в том, что из Ялты в Гурзуф они смогли выехать только вечером и прибыли сюда поздно ночью. Их здесь терпеливо ожидал местный полицмейстер по фамилии Гарбуз, который по предварительной договорённости обеспечил ребятам и

преподавателям ночлег на квартирах местных жителей. Усталые путешественники быстро заснули и были разбужены ранним утром каким-то непонятным, странным шумом, доносившимся с улицы. А шумел многолюдный базар.

Центральная площадь и прилегающие к ней улицы и переулки были запружены толпами людей. В Гурзуф, на традиционный ежегодный базар, съехались купцы из различных губерний Российской губернии, соседних Турции, Греции, Кавказа, из Средней Азии, Китая, из арабских стран. Были торговые люди из Румынии, Венгрии и многих других мест – отдалённых и близких.

По узким улочкам Гурзуфа протискивались верблюды, лошади и овцы – шла бойкая торговля скотом. В наспех поставленных лотках торговали текстильными, гончарными и скобяными товарами, ювелирными изделиями, посудой, зерном и мукой, крупами, мясом, живой и битой птицей, мехами, изделиями ремесленников. Разноголосый и разноязычный говор смешивался с блеянием коз и овец, с резкими криками ослов и ржанием лошадей.

Гурзуфская бухта была забита рыбацкими баркасами, турецкими фелюгами, несколько подальше от берега дымили пароходы, стояли на якорях парусные суда. На берег лодками доставлялись дары моря и различные товары, которыми бойко торговали на набережной.

По дорогам, дорожкам и тропинкам в Гурзуф направлялись массы людей из окрестных деревень и отдалённых населённых пунктов – одни что-нибудь купить, другие – потолкаться и поглазеть на диво дивное – живописное восточное торжище. Удивлённым экскурсантам Гарбуз поведал о том, что такой базар проводится здесь часто, почти ежегодно и стало одним из важнейших событий южнобережья. Почему маленький Гурзуф, а не большая по тем временам Ялта? На этот вопрос Гарбуз не смог ответить.

На ребят этот базар произвёл ошеломляющее впечатление. Целый день они бродили по улочкам Гурзуфа, дивились обилию разнообразных товаров и только во второй половине дня их удалось насильно усадить в экипажи и отправить в Алушту – последний пункт их экскурсионного маршрута.

РОССИЙСКОЕ МОНТЕ-КАРЛО

В путеводителе Г. Москвича «Крым», изданном в 1903 году, была помещена реклама следующего содержания: «Гурзуф, Суук-Су. С 1 августа 1903 года на Южном берегу Крыма в 15 минутах ходьбы от Гурзуфа открывается новый курорт Суук-Су. Идеальные условия жизни. Парк, виноградник, морской берег с пляжем, роскошное казино...».

В 1808 году Новороссийский генерал-губернатор А.-Э. Ришелье стал владельцем земельного участка в Гурзуфе, построил здесь первый в этой местности барский дом, заложил парк, обзавелся служебными помещениями.

По примеру Ришелье губернатор Тавриды А. Бороздин заложил имение в Кучук-Ламбате. Вскоре многие чиновники губернского управления по примеру начальства стали приобретать по соседству участки и строить свои дачи. Вот тогда-то и получил в подарок небольшой земельный участок в урочище Хазары, на берегу горной речки Суук-Су, полковник русской армии, татарин А. Абдурахманчик. Владел он этим участком недолго и вскоре участок

это перешёл во владение отставному поручику Александру Ивановичу Султан - Крым-Гирею. Кто же был этот отставной поручик с русскими именем-отчеством и с явно крымско-татарской фамилией, да ещё с какой!

Как известно, в 1782 году, подстрекаемая турецким султаном, татарская знать Крыма подняла мятеж против ставленника русского двора, хана Шагин Гирея. Мятежники провозгласили новым ханом Батыр Гирея.

С помощью российских войск Шагин Гирей возвратил себе крымский престол, а мятежного Батыра и его брата Арслана сослали на Кубань.

В 1783 году Г. А. Потёмкин назначил Батыр Гирея начальником над закубанскими черкесами. Служил он России усердно и был обласкан Екатериной II.

Погиб он во время мятежа черкесских племён в 1791 году. У него остался малолетний сын, о судьбе которого имеются прямые и косвенные сведения в записках, письмах и дневниковых записях Ф. Ф. Вигеля (1827), С. Броневского (1810), Ю. Н. Бартенева (1843), Н. Сементовского (1847) и других. Из указанных записок следует, что один английский миссионер, посетивший Черкессию сразу же после подавления там упомянутого восстания, увёз в Шотландию мальчика из рода Гиреев – сына Батыр Гирея, погибшего в бою с мятежниками. В далёкой Шотландии, достигший совершеннолетия Султан Крым-Гирей женился на дочери шотландского квакера. Вскоре молодая чета переселилась в Петербург, где их приняли милостиво и благосклонно. Султана окрестили, дали ему имя Александр Иванович, а в Крыму супругам выделили земельные владения в районе губернского центра (деревня Саблы) и у деревни Гурзуф – урочище Хазары.

А. С. Грибоедов в 1825 году некоторое время гостил в Саблях у А. И. Крым-Гирея, а ещё раньше, осенью 1820 года, частым гостем А. И. Султан- Крым-Гирея в его имении «Суук-Су» бывал А. С. Пушкин, пребывавший в этот период в Гурзуф. А. И. Султан-Крым-Гирей пользовался покровительством и благосклонностью императорского двора. Старшая дочь его была фрейлиной при Высочайшем Дворе и жила в Петербурге в царском дворце.

От А. И. Крым-Гирея имение «Суук-Су» на непродолжительное время перешло княгине А. Д. Гагариной, которая в 1874 году продала его сёстрам-княгиням Е. А. Галициной и С. А. Ермоловой.

В 1897 году имение это у сестёр приобрели за 47 тысяч рублей серебром действительный статский советник В. И. Березин и его супруга, жиздринская купчиха О. М. Соловьёва, о чём 13 сентября 1897 года в Москве была составлена купчая крепость.

Владимир Ильич Березин родился в 1841 году в дворянской семье, в 1864 году окончил Санкт-Петербургскую Николаевскую инженерную академию. Отличился он инженерными способностями в качестве конструктора и строителя железнодорожных мостов через реки на всём протяжении Западно-Сибирской железной дороги, через Днепр и другие реки России, за что был награждён орденом Святого Владимира IV степени, произведён в коллежские советники, а затем стал действительным статским советником. В 1886 году В. И. Березин уволился с государственной службы и проживал в Москве.

С приобретением имения «Суук-Су» В.И. Березин переехал с Ольгой Михайловной в Крым, где они решили превратить замечательный в природном отношении уголок в людный первоклассный южнобережный курорт.

Что же побудило их к этому?

На Всероссийском съезде по улучшению отечественных лечебных местностей, который проходил в январе 1915 года в Петербурге, О. М. Соловьёва выступила с докладом, в котором сообщила следующее: «... Слепая, ничем не оправданная вера в то, что «всё иностранное лучше», привела к тому, что мы миллионы своего золота аккуратно из года в год сплавляли за границу, содействуя процветанию соседних, ныне враждебных нам стран, и тормозя этим прогресс и естественное развитие нашей родины. Пожалуй, нигде так ярко не выразилась наша слепота и наше упорное преклонение перед «иноземным», как в вопросе о курортах». И далее: «... В Крыму я живу около 20-ти лет. До своего переезда сюда и после – ежегодно бывала за границей, сначала просто курортной посетительницей, а затем, когда заинтересовалась курортным делом в Крыму, лицом, желающим обстоятельно ознакомиться с тем, как оно поставлено на неудержимо привлекающем нас – русских – западе.

В результате этих наблюдений я довольно быстро пришла к убеждению, что далеко не всё на заграничных курортах обстоит так хорошо, как это кажется непосвящённым в это дело людям, что пользование иностранными курортами сопряжено часто с очень значительными неудобствами...».

Ольга Михайловна говорила о слабом развитии российских курортов, где не соблюдаются «самые простые элементарные правила гигиены», отсутствуют комфорт и элементарные бытовые условия. В силу этих обстоятельств публика предпочитает заграничные курорты крымским.

«Получается какой-то заколдованный круг, - говорила она, - публика не ехала в Крым, потому что не ожидала от него ничего хорошего, а курорты не улучшались, потому что не верили в прилив публики. На почве этих моих наблюдений у меня родилась идея дать толчок к выходу из этого заколдованного кольца, создав такой курорт, который, используя все благоприятные местные условия для курортного дела, был бы в полном праве соперничать с лучшими курортами запада и пробил бы брешь в установившемся твёрдом недоверии к собственным русским курортам». «Руководствуясь этой идеей и не жалея средств, я в 1901 году приступила к сооружению курорта в своём имении «Суук-Су», в 1903 году он был закончен и стал действовать».

Идея превратить «Суук-Су» в первоклассный российский курорт принадлежала В. И. Березину. Вдвоём со своей супругой Ольгой Михайловной они продумали все детали будущего предприятия, но 2 августа 1900 года В. И. Березин скончался, и все заботы о будущем курорте легли на плечи его жены. И она успешно справилась с этой непростой задачей.

1 августа 1903 года новый фешенебельный российский курорт «Суук-Су» был торжественно открыт и начал функционировать.

На участке площадью 29,7 гектар были построены шесть гостиничных зданий на 180 номеров со всеми удобствами, с прекрасной мебелью и разнообразным инвентарём, насчитывающим около двухсот наименований. Добротные, красивой архитектуры гостиничные

здания удачно вписывались в окружающий ландшафт. Во все помещения была проведена отличная по качеству питьевая вода из многоводного местного источника «Суук-Су» с дебитом 30 тысяч вёдер воды в сутки. Все помещения и территория курорта освещались электричеством от собственной электростанции. На курорте была сооружена канализационная система с отводом очищенных канализационных вод по глубоководному сбросу подальше от берега, в море.

Некоторые гостиничные номера были приспособлены и для семейного отдыха. Курорт располагал двойным превышением норм запасов белья и посуды, при ресторане имелся погреб с солидным запасом марочных вин.

Северная часть курорта была отведена под хозяйственную зону. Здесь были возведены дом владелицы курорта, административное здание и лечебный корпус с набором медицинских и процедурных кабинетов. В центре территории построили гостиничный комплекс, названный «Орлиным гнездом».

Через речку Суук-Су перекинули пять мостов с красивыми коваными решётками. На противоположном от здания казино берегу речки было возведено двухэтажное здание водолечебницы. В ней находились лечебные души, сюда подавалась пресная вода из специальных ёмкостей, а также насосами качалась морская.

Из хозяйственных построек следует назвать конюшни, каретные и экипажные сараи, а позднее и автогараж. Не был забыт и специальный дом, в котором жили музыканты курортного оркестра. У главного въезда на территорию «Суук-Су» было построено изящной архитектуры небольшое здание курортной комендатуры. Береговая полоса была превращена в отлично благоустроенный мелкогалечный пляж. Вся территория урочища, представлявшая ранее сплошные виноградные плантации, теперь превращалась в парк. Здесь высадили тысячи декоративных вечнозеленых деревьев и кустарников. Со временем парк Суук-Су стал достопримечательностью Южного берега Крыма.

На господствующем над местностью холме, в западной части имения, был сооружён фамильный склеп Березиных (проект архитектора Н. П. Краснова). Оригинальной архитектуры усыпальница вписалась в скалистый холм. Изнутри её облицевали серовато-белым мрамором, на центральной плоскости напротив входа поместили большое мозаичное панно с изображением святых князя Владимира и княгини Ольги. В годы революции и гражданской войны этот склеп, как и многие другие, был разграблен и разгромлен, а останки погребённых выброшены из усыпальницы.

Наряду со строительством курортных объектов, строились и удобные проезжие дороги со щебёночным покрытием, в сторону Гурзуфа и Артека. Курорт имел связи с Ялтой, Симферополем и Севастополем. В каждом гостиничном корпусе имелись телефоны, а в административном корпусе был смонтирован телеграф.

Пропускная способность курорта была доведена до трёхсот отдыхающих одновременно, а при необходимости могла быть доведена до пятисот человек путём пристройки дополнительных гостиничных корпусов, места для этого было достаточно.

Новый южнобережный курорт «Суук-Су» сразу же приобрёл заслуженную популярность и высокую репутацию. Не случайно в 1913 году на Всероссийской гигиенической выставке он был отмечен Большой золотой медалью, а на подобной выставке в Одессе – серебряной.

Летом 1914 года курорт в торжественной обстановке отметил своё первое десятилетие. В праздничные дни «Суук-Су» посетил император Николай II с августейшим семейством.

И всё же, несмотря на явную конкурентоспособность с лучшими европейскими курортами, той публики, на которую был рассчитан «Суук-Су», он привлечь так и не смог. Причины: отсутствие действенной рекламы; дороговизна; длинная и очень утомительная дорога от губернского центра на Южный берег Крыма; отсутствие лёгкого, быстрого и недорогого сообщения между курортами Южнобережья. А в результате – одни курорты более или менее процветают, а другие недобирали клиентов, терпели убытки, хирели и, в конце концов, разорялись.

Слабо было налажено и морское сообщение. Между портопунктами Алушты, Ялты и Симеиза нерегулярно курсировали частные, разномастные, старые парходики. Были они тихходны, ненадёжны, часто выходили из строя. На небольшой волне пассажиры сильно укачивались, да и обслуживание на таких судах поставлено было из рук вон плохо.

Значительным тормозом развития курортного дела на южнобережье О. М. Соловьева считала те запретительные меры, которые были отмечены в её докладе. На Южный берег Крыма был запрещен въезд для лиц по национальному и вероисповедательному признакам.

И всё же, несмотря на трудности, курорт жил своей хлопотной жизнью и лишь с началом первой мировой войны начал угасать и прекратил своё существование в годы гражданской войны.

Главной же достопримечательностью нового курорта был дворец «Суук-Су», построенный в 1903 году по проекту известного архитектора Н. П. Краснова, который в 1910-1911 спроектировал и построил Белый царский дворец в Ливадии.

Во дворце «Суук-Су» размещались первоклассный с французской кухней ресторан, солидная библиотека, музыкальный салон, кабинеты для игры в рулетку и карты, шахматы и шашки, роскошно обставленная курительная комната и различные подсобные помещения. В одном из залов второго этажа находилось великолепное художественное полотно размером 4 x 5 метров «Садко в гостях у морского царя». Авторство этого произведения приписывалось художнику В. И. Сурикову, который в 1912 году продолжительное время проживал в курортной гостинице «Орлиное гнездо» и, якобы по просьбе владелицы курорта О. М. Соловьевой, написал это панно.

К великому сожалению, монументальное полотно это погибло в пламени пожара в декабре 1941 года во дворце «Суук-Су».

Интерьеры первого и второго этажей дворца поражали изысканной роскошью оформления в псевдомавританском стиле: отделанные терракотовыми плитами оконные и дверные проёмы, лепные потолки, великолепные мозаичные фризy с вычурными арабесками, мраморные ступени лестничных переходов и подоконники, в окнах и дверях дорогое бемское стекло, всюду большие зеркала в дорогих золочёных рамах. Всё это великолепие дополняли

роскошная, со вкусом подобранная мебель, гобелены, дорогие тяжёлые шторы, лёгкие, воздушные занавеси и маркизы. Оконные и дверные переплёты были изготовлены из ценных пород дерева, произведениями искусства были полихромные узорчатые паркетные полы в салонах дворца, всюду бронзовые светильники с хрустальными плафонами, ковры и ковровые дорожки, цветы в красивых керамических вазах и пальмы в изящных кадках.

Внешне здание дворца-казино выглядело эффектно и органично вписывалось в окружающий его парковый ландшафт. В архитектуре здания широко применялись такие детали как колонны коринфского периода, лепные карнизы, мраморные вазы с искусственными пальмами и юккой. Их устанавливали в недоступных местах: на фронтоне здания и в стенных нишах. «Растения» эти стояли десятилетия и выглядели как живые, даже после пожара. Территория вокруг дворца была ограждена балюстрадой, а напротив главного входа во дворец был установлен фонтан из белого мрамора – многоярусная ваза. Подпорные стены были возведены из тщательно подогнанных блоков камня – известняка. С южной стороны от дворца в парк и дальше, к пляжу, ведёт лестничный ансамбль из того же камня – известняка. Лестничные марши и площадки ограждены коваными узорчатыми решётками высокохудожественной работы. Справа и слева от средней лестничной площадки на постаментах возлежали два бронзовых сфинкса, а на самой нижней площадке, в специальной нише, стояла беломраморная фигура древнегреческой нимфы вод «Наяды». Из кувшина в её руках в чашу лилась струя воды. Перила на решётках были из полированного дуба, лестничные марши в вечернее время освещались красивыми электросветильниками. С южной же стороны к дворцу примыкал искусственный сталактитовый грот с огромным аквариумом, а над гротом возвышалась музыкальная эстрада вычурной архитектуры. На южной площадке у дворца в хорошую погоду устанавливались ресторанные столики под тенью зонтиками, на эстраде играл оркестр. В дореволюционное время курорт «Суук-Су» и его дворец-казино пользовались большой популярностью. В так называемый «бархатный» курортный сезон номера его гостиниц никогда не пустовали. Здесь побывали: Бунин, Чехов, Куприн, Суриков, Шалапин и многие другие выдающиеся деятели литературы и искусства того времени, государственные сановники и многие известные люди России. Это придало курорту большой вес и авторитет, которыми он не успел воспользоваться из-за исторических потрясений, которые пережила Россия: первая мировая война, затем две революции и длительная, разрушительная гражданская война. Курорт медленно умирал, перестал функционировать и пришёл в упадок.

Владелица курорта О. М. Соловьёва, которая после смерти в 1900 году её супруга В. И. Березина взвалила на свои плечи все тяготы, связанные со строительством, а затем и управления новым курортом, вынуждена была осенью 1920 года эмигрировать в Австрию, оставив на произвол судьбы свои владения – курорт «Суук-Су» и особняки в Ялте и Алуште.

В условиях анархии, нескончаемой смены властей в Крыму, управляющему курортом «Суук-Су» Домбровскому удалось, в основном, сохранить от разграбления курортное имущество и от разрушения все его здания и сооружения.

По окончании гражданской войны курорт был национализирован и с 1924 года он стал «Домом отдыха ВЦИК СССР».

Здания и сооружения бывшего курорта, его прекрасный парк, пляж и хозяйственные службы поддерживались в надлежащем порядке. В отличном состоянии содержался и дворец «Суук-Су» со всем его прежним содержимым. Сохранился книжный фонд библиотеки и в 20-30-е годы он продолжал регулярно пополняться.

В 20-30-е годы в доме отдыха «Суук-Су» отдыхали: Э. Тельман, К. Цеткин, С. Катаяма, писатели М. Горький и А. Барбюс, поэт А. Гидаш, авиаконструктор А. Н. Туполев и другие. В 1934 и в 1935 в 4-й даче и в даче «Орлиное гнездо» проживал В. М. Молотов.

Дом отдыха «Суук-Су» шефствовал над детской здравницей «Артек». Отдыхающие постоянно посещали лагерь, а дети, в свою очередь, были гостями отдыхающих в доме отдыха. Во дворце «Суук-Су» для артековцев устраивались приёмы. Дети выступали перед отдыхающими с концертами.

В 1937 году дом отдыха «Суук-Су» был передан «Артеку» под круглогодичный лагерь. Дворец «Суук-Су» стал культурным центром нового лагеря. В нём по-прежнему находились библиотека, музыкальный салон, маленький, на один отряд, кинозал с кинопередвижкой, а в двух ресторанных залах первого этажа находилась детская столовая. На третьем этаже в двух небольших комнатах постоянно проживали вожатые этого лагеря.

В период временной немецко-румынской оккупации «Артека» дворец «Суук-Су» был занят офицерами оккупационных войск.

Дикие пьяные оргии оккупантов завершились, в конце концов, сильным пожаром, в пламени которого погибло всё, что находилось во дворце, в том числе и живописное полотно В. И. Сурикова.

Бронзовых сфинксов оккупанты использовали в качестве мишеней, а скульптуру «Наяда» и вазу фонтана похитили. Когда же 15 апреля 1944 года воины Отдельной Приморской армии пришли в «Артек», их взору предстал бывший дворец «Суук-Су» в виде опалённых пламенем руин.

В первые послевоенные годы к восстановлению дворца не приступали из-за отсутствия средств и сил, и только в начале 50-тых приступили к разборке того, что осталось от здания. Работа продвигалась медленно, не хватало рабочих рук, не было механизации, всё делали вручную. Строителям оказывали помощь сотрудники Артека. Положение изменилось после того, как летом 1955 года при строительном тресте «Ялтастрой» было создано управление новых работ № 129 (УНР - 1129) для осуществления строительства в «Артеке». Тогда же на строительство было выделено 9 миллионов рублей. Разработку проекта нового дворца «Суук-Су» на сохранившемся от прежнего дворца фундаменте поручили известному московскому архитектору С. Каневскому. Проект был утвержден и работа закипела. Внешне новое здание очень напоминало прежнее, но внутренняя планировка помещений была изменена. Кроме того, с северной стороны были добавлены большие залы первого и второго этажей и зрительный зал на 320 мест. Снаружи здание было облицовано белым инкерманским камнем. Была благоустроена и территория вокруг дворца. Сталактитовый грот, остатки которого грозили обвалом, был разобран и не восстанавливался. Реставрирован был и ансамбль лестничных переходов от дворца в парковую зону.

Первыми обитателями дворца стали сотрудники методического и организационно-массового секторов «Артека», сюда же переместили методическую библиотеку и костюмерную. Вскоре в комнатах третьего этажа заработала ультракоротковолновая любительская радиостанция с позывным «УБ-5-Артек», который за короткое время узнали коротковолновики

многих зарубежных стран и республик Советского Союза.... Отсюда в эфир посылали свои позывные известный полярник Эрнст Кренкель и Ю. А. Гагарин.

В залах дворца стали периодически разворачивать выставки из фондов Третьяковской галереи, Союза художников СССР, Центрального музея авиации и воздухоплавания имени Н. Е. Жуковского, Центрального музея Вооружённых сил, филателистические, игрушек и т.п. К полувековому юбилею лагеря во дворце был открыт музей истории «Артека», а ещё раньше, в 1967 году, по инициативе и с участием Ю. А. Гагарина – авиационно-космическая выставка.

В начале 70-х годов в подвальном помещении дворца оборудовали собственную печатную базу.

За десятилетия во дворце «Суук-Су» побывало много известных людей: Д. Б. Кабалевский, А. Пахмутова, А. Островский, Э. Калмановский, В. Шаинский и другие известные композиторы. Здесь артековцы встречались с государственными и общественными деятелями страны и многих зарубежных государств. Здесь на протяжении трёх десятилетий проводились ежегодно международные конференции руководителей зарубежных групп детей, приезжавших на отдых в «Артек», здесь ребята встречались с известными писателями, поэтами, актёрами, кинорежиссёрами и операторами, с известными военачальниками и космонавтами.

16 июня 1995 года была открыта новая экспозиция музея истории «Артека».

И сегодня, глядя на красавец-дворец, трудно поверить, что на этом месте в недалёком прошлом громоздились развалины прежнего красавца-дворца «Суук-Су».

ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

С началом первой мировой войны ситуация на южнобережных курортах практически не изменилась. По-прежнему в летний и осенний сезоны в Гурзуф и «Суук-Су» съезжались курортники, в парках вечерами гремела музыка, по горным тропам гарцевали на конях амазонки, по дорогам разъезжали экипажи с шумными компаниями, бесперебойно обслуживали клиентов многочисленные трактиры и рестораны..

Но война есть война, и вскоре курортников заметно поубавилось и к середине 1915- к началу 1916 годов на южном берегу Крыма наступил длительный "мертвый сезон", хотя ещё в шестнадцатом и даже в семнадцатом годах отдельные завсегдатаи курортов рисковали проводить время на южнобережье.

С началом войны для жителей Гурзуфа, да и всего южного берега наступили трудные времена. Снабжение населенных пунктов продуктами питания и, прежде всего, хлебом, резко сократилось. Вскоре наступил настоящий голод, и многие жители вынуждены были

отправляться в степные районы Крыма и юга Украины, где у местных сельских жителей меняли вещи на муку, крупы, картофель и другие продукты.

Транспортные связи южного побережья с губернским центром сразу же разладились. Мельпосты ходили редко и вне расписания, и продуктовые рейсы жителей совершались пешком. А так как на горных дорогах появились шайки грабителей, то люди вынуждены были собираться группами по десять-двадцать человек, вооружаться чем попало и таким образом обеспечивать свою безопасность.

К семнадцатому году курортная жизнь в Крыму окончательно заглохла.

Уже в конце пятнадцатого года по всему побережью была введена светомаскировка. Среди населения поползли слухи о появлении у берегов Крыма немецких подводных лодок, а в российские территориальные воды всё чаще и чаще стали наведываться турецкие военные корабли. Турция в войне была союзницей Германии и вторжение турецких войск на крымский полуостров ожидали со дня на день.

И всё же в этой напряжённой и неопределённой обстановке находились в Крыму люди, деловые и практичные, которые смотрели в будущее и думали о дальнейшем развитии курортного дела в послевоенные годы.

В январе 1916 года «Обществом Курортного Благоустройства деревни Гурзуф и его окрестностей» был образован специальный Комитет, который провёл тщательное изучение причин, тормозящих развитие курорта, и подготовил обстоятельный доклад Ялтинскому уездному земству и Ялтинскому Градоначальству. В докладе была дана общая характеристика природно-климатических и лечебно-оздоровительных факторов гурзуфского курортного района.

Тенденция сокращения численности курортников ощущалась ещё в предвоенные годы, что отрицательно сказывалось на экономике здравниц. Вызвано это было не только бурным развитием частных дач и пансионатов, где стоимость проживания отдыхающих обходилась для них гораздо дешевле, нежели на фешенебельных курортах южного побережья. Кроме того, значительная часть российских курортников по-прежнему выезжали на знаменитые курорты средиземноморья и в альпийские бальнеологические здравницы.

В докладе Комитета названы основные причины упадка курортного дела на Южном берегу Крыма, в Гурзуфе и в районе в целом. Главная из них – вопиющая неблагоустроенность деревни Гурзуф и соседних селений. В докладе прямо сказано: «Деревня Гурзуф расположена амфитеатром по склонам горы и из года в год растёт в ней число домов, построенных на европейский лад, но страдающих крупными дефектами в смысле гигиенического жилья от несовершенства канализации, водопровода, освещения и проч., улицы пока пыльны и грязны,

словом, санитарное состояние Гурзуфа ниже всякой критики». И дальше: «... а самое главное – из-за отсутствия поездных дорог у улиц отнята возможность развития и благоустройства курорта. В результате – жалобы приезжих на грязь, скученность и антисанитарию Гурзуфа-деревни. Впрочем, жалуются и на трудные условия жизни на курорте, где чрезвычайно высокие цены не оправдываются теми первобытными удобствами, которые там имеются. Необходимость упорядочить условия жизни и благоустроить в курортном отношении весь Гурзуф, вызвали к жизни «О-во Курортного Благоустройства деревни Гурзуф и его окрестностей».

К сожалению, отсутствие средств и прерогатив власти как органа самоуправления, не даёт возможности О-ву развить свою деятельность, как того требуют самые неотлагательные жизненные нужды, так как Гурзуф за последние годы постепенно превратился из татарской деревни уже в большой курортный и дачный посёлок.

С возрастанием числа дач возросло число приезжих, нуждающихся, кроме удобной квартиры, в купальнях, парке и курзале».

В докладе, наряду с проблемами благоустройства Гурзуфа, ставились проблемы медицинского обслуживания населения, предлагалось изыскать необходимые средства на устройство в Гурзуфе или в деревне Кизильташ больницы и амбулатории с постоянным врачом, ветеринарного пункта, построить поселковую электростанцию и на её базе ледодельный завод для снабжения в летние месяцы льдом рынка, ресторанов и пансиона.

В докладе обращалось серьёзное внимание на водоснабжение Гурзуфа и других населённых пунктов, расположенных в его окрестностях.

Расположенные на южных склонах Бабугана источники питьевой воды: «Кузьма», «Сурла», «Саяни» и многие другие способны круглогодично полностью удовлетворять потребности Гурзуфа, курортов и окрестных селений отличной питьевой водой, но для этого необходимы немалые затраты на работы по капотированию источников и прокладке новых водопроводных линий. Кроме того, чтобы избежать возникновения и распространения различных инфекционных заболеваний, как среди местного населения, так и среди многочисленных курортников, необходимо было привести в надлежащее состояние существующую канализационную систему, проложить дополнительные её линии и решить проблемы уборки и вывоза бытового мусора. Примитивно устроенную бойню, построенную ещё в очень давние времена в балке Черкес-дере на самом берегу горной речки Путамис, необходимо было перенести в другое, отдалённое от посёлка место, так как отходы, связанные с забоем скота попадали в речку и в конечном итоге – в море, заражая акваторию посёлка и курорта.

В докладе комитета не были обойдены вниманием проблемы пляжей, создания культурно-просветительских центров в посёлках и на курортах, организации сухопутных и морских перевозок пассажиров, аренды дополнительных земельных участков для устройства новых парковых массивов, скверов и различных доходных предприятий – торговых киосков, кофеен, игровых площадок на пустующих землях Гурзуфского Сельского Общества, расположенных между Гурзуфом и курортом «Суук-Су».

Остро ставился вопрос о решении проблем, связанных с доступностью для местных жителей пляжной зоны и курортных парков, так как владельцы курортов запретили неорганизованным курортникам и жителям посёлка пользоваться этими благами.

Комитет обратился к Земскому собранию, с просьбой поддержать его во всех ходатайствах и предложениях и выразил надежду, что один из лучших уголков крымского южного побережья перестанет быть его пасынком и Земство возьмёт Гурзуф под своё покровительство и на деньги, испрашиваемые у Правительства, при посильном участии Общества Курортного Благоустройства проведёт намеченные мероприятия в жизнь.

В докладе Комитета были приведены финансовые расчёты и суммы необходимых правительственных субсидий на строительство одиннадцати объектов, перечисленных в докладе. Общая сумма долгосрочной беспроцентной ссуды и субсидии составили 460 тысяч рублей, которая в условиях военного времени вряд ли могла быть выделена правительством на благо – устройство Гурзуфа и его окрестностей.

В заключение Комитет высказал мнение, «что только проведение в жизнь всех, изложенных в докладе, улучшений даст Гурзуфу и его окрестностям надлежащее значение благоустроенной лечебной местности, могущей быть одной из лучших российских здравниц, в которых так нуждается теперь наше Отечество, а потому указанное благоустройство приобретает общегосударственное значение».

Доклад был составлен председателем Комитета В. В. Любарским и товарищем председателя Комитета А. А. Силичем 8 февраля 1916 года. Остается неизвестным, был ли рассмотрен он Ялтинским Градоначальством и были ли по докладу приняты какие-либо решения.

Известие о февральской буржуазно-демократической революции 1917 года в России населением Гурзуфа было встречено с энтузиазмом. Люди надеялись, что новые власти покончат с войной и жизнь наладится, наступят мирные, благословенные времена и снова Гурзуф станет Меккой для курортников, и заживут люди так, как жили прежде, до войны...

Но революция революцией, а война продолжалась, и никаких благословенных дней народ так и не дождался. И хотя в Ялте был образован Совет Дерекской волости Ялтинского уезда, в состав которого жители Гурзуфа направили своих представителей, каких либо изменений в жизни не произошло.

Октябрьский переворот в Петрограде, а затем и во всей России, ознаменовался для южного берега, да и для всего Крыма, массовым наплывом беженцев. Владельцы крымских имений покидали свои российские пенаты и со всеми чадами и домочадцами переселялись в Крым, надеясь пережить здесь смутные времена, вызванные войной и революциями. Однако и в Крыму, вскоре разгорелась ожесточенная борьба за установление Советской власти.

16 января 1918 года в Гурзуфе был образован Совет рабочих и солдатских депутатов, который немедленно занялся хозяйственными делами. Прежде всего, оказывалась помощь голодающей бедноте Гурзуфа, Ай-Даниля и Кизильташа (Краснокаменка).

19 февраля Совет принял постановление о национализации частных имений, взял под охрану ценности губонинского курорта, курорта «Суук-Су», многочисленных дач и особняков.

Но деятельность органов советской власти была не продолжительной. Уже в конце апреля того же восемнадцатого года кайзеровская Германия, нарушив условия Брестского мира, ввела свои войска на территории России, Украины и Крыма.

Вскоре немцы вынуждены были покинуть оккупированные территории, но им на смену пришли английские и французские интервенты, хозяйничавшие здесь до апреля 1919 года. После их ухода в Крыму снова установилась советская власть, и снова не надолго.

Под ударами Красной Армии деникинские войска, рвавшиеся к Москве, вынуждены были откатиться к югу от столицы молодого советского государства и обосноваться в Крыму.

В ноябре 1920 года деникинцы и врангелевцы вместе с многочисленными беженцами покинули Крым – последнее пристанище остатков белого движения. В Крыму окончательно установилась советская власть.

Уже в декабре 1920 года в Гурзуфе были организованы совхозы «Гурзуф», «Болгатур» и «Буюрнус», которые принялись за возрождение запущенных садов и виноградников. Тяжелое продовольственное положение жителей деревни вынудило руководителей совхозов организовывать бесплатное питание для голодающих. В совхозе «Буюрнус» наладили собственное бесплатное обслуживание работников медицинскими услугами, приобрели книги, выписали газеты и журналы для совхозной библиотеки, открыли свою совхозную начальную школу.

Особенно тяжёлыми для населения Гурзуфа, да и не только Гурзуфа, были 1921 и 1922-й. Голод, поварьные эпидемии косили людей. К этим бедствиям добавился бандитизм. Многочисленные шайки “бело-зелёных”, “сине-зеленых”, “желто-зелёных” и просто “зелёных” бандитов наводнили горные леса, совершали разбойные нападения на путников, на населённые пункты, грабили и убивали людей. В заповедных лесах выбили последних зубробизонов, истребили множество оленей и косуль, разграбили жилища наблюдателей охраны заповедника и бывший царский охотничий домик в Центральной котловине крымских гор возле Козьмо – Демьяновского монастыря. Не погнушались разбойники и имуществом церквей и монашеских келий самого монастыря. Наведывались бандиты и в Гурзуфе, шантажировали и держали в постоянном страхе его жителей.

Органы советской власти вели с этим злом ожесточенную борьбу и к 1926 году активность банд в Крыму заметно поубавились.

Уже в 1923 году местные власти навели, наконец, порядок в таком сложном деле, как землеустройство. Совхоз «Гурзуф» был введен в перечень крымских совхозов, которые должны были обеспечивать сельскохозяйственной продукцией открывавшиеся на южном побережье многочисленные санатории и здравницы. Широкое распространение получили сельскохозяйственные артели. Им выделялись необходимые денежные средства на восстановление садов и виноградников, на хозяйственные нужды и строительство. Артели «Бирлик», «Первое Мая» и «Болгатур», коммуна «Артек» получили право продавать выращенный виноград винподвалам на переработку его на вина, что способствовало экономическому укреплению артелей.

В 1924 году в Гурзуфе организовали кредитное сельскохозяйственное товарищество для финансовой поддержки работников сельского хозяйства. Примерно тогда же для работников и служащих совхоза «Гурзуф» было организовано Общество потребителей, председателем которого был избран Ф. Н. Хруцкий, а казначеем И. Хомяков. Обществом выпускались собственные денежные знаки, которые ходили в деревне, и специальные талоны на получение нормированной продукции, даже пищевого льда в летние месяцы. Тогда же, в коммуне «Артек», выпустили в обиход 100 рублей в виде разменных кредитных марок. Они также выполняли функции денежных знаков. Все эти меры были направлены на поддержку бедствующего населения и сыграли свою положительную роль.

В соответствии с Декретом советской власти (декабрь 1920 года) «О превращении Крыма в здравницу для трудящихся», на Южном берегу, в западных и восточных районах полуострова возрождались старые и открывались новые санатории и дома отдыха.

1 января 1921 года на базе бывшего губонинского курорта была открыта сезонная противотуберкулёзная санаторная здравница. В 1922 году на её базе стал функционировать санаторий – Военно-санитарная станция Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). К её организации приложил немало усилий первый заместитель наркома здравоохранения РСФСР, председатель Российского Общества Красного Креста, начальник Военно-санитарной службы РККА Зиновий Петрович Соловьёв. На территории нынешнего санатория Министерства Обороны в Гурзуфе стоит бюст З. П. Соловьёва.

В первые годы существования здравницы здесь отдыхали и лечились командиры Красной Армии, потерявшие здоровье на фронтах гражданской войны. Отдыхали здесь и такие известные военачальники как командарм С. С. Каменев, Герой Гражданской войны Г. Д. Гая-Гай, организатор и руководитель первого в стране ансамбля песни и пляски Красной Армии А. В. Александров и многие другие.

В этот же период по инициативе З. П. Соловьёва на западной окраине поселка, в так называемой «Соловьёвке», была открыта детская противотуберкулёзная станция, которую возглавил замечательный врач-энтузиаст детского здравоохранения Ф. Ф. Шишмарёв.

В 1924 году в Гурзуфе были открыты две общеобразовательные школы и кружок ликвидации безграмотности (ликбез). Учащиеся школ получали бесплатные горячие завтраки, а детям из бедных семей выдавали одежду и обувь.

Большим и радостным событием для местных жителей стало открытие клуба, при котором стали работать кружки художественной самодеятельности и библиотека. Большой популярностью у населения пользовались кружки драматический, сельскохозяйственный, хоровой, политграмоты, профдвижения, юношеского движения и другие. Здесь читались лекции на актуальные темы, проводились смотры художественной самодеятельности, силами кружковцев ставились спектакли, а иногда в клубе выступали и заезжие гастролеры.

С годами росла численность населения Гурзуфа. В 1926 году она достигла уже 2149 человек.

В июле 1926 года Гурзуф посетил В. В. Маяковский. Он побывал на руинах Генуэзской крепости, бродил по кривым деревенским улочкам, по аллеям санаторного парка, а вечером в местном клубе выступил с чтением своих стихов перед отдыхающими и жителями Гурзуфа.

В ночь с 11 на 12 сентября 1927 года девятибалльное землетрясение всколыхнуло всё побережье. В Ялте и в других населенных пунктах было разрушено множество зданий. Только в Гурзуфе в той или иной степени пострадало более двухсот домов, из которых около пятидесяти были разрушены полностью. Красивая гурзуфская мечеть, построенная по проекту известного архитектора Н. П. Краснова, во многих местах дала большие трещины и грозила обрушиться на окружающие её жилые постройки. Восстановить её было невозможно, и она скоро была разобрана. В результате землетрясения погибли люди, восемь человек в Ялте и двое в Кикинеизе. В Гурзуфе, к счастью, жертв не было, но многие получили ранения различной степени тяжести.

На восстановление жилых домов в Гурзуфе правительством были выделены необходимые средства и вскоре здесь ничего уже не напоминало о постигшем южнобережье бедствии.

В 1929 году Президиум ВЦИКа принял постановление о статусе Гурзуфа, он стал курортным посёлком. В это же время была осуществлена специализация сельскохозяйственных артелей посёлка. Артель «Буюрнус» на виноградарство, садоводство и табаководство, «Приятное свидание» - на животноводство, а артель «Аю-Даг» - рыболовство.

В 1930 году на базе этих артелей образовался колхоз «Заря Востока», который в следующем году переименовали в «ОсоАвиаХим». Вызвано это было тем, что в начале тридцатых годов молодёжь стала всё больше и больше увлекаться военно-прикладными видами спорта. Для осуществления этих задач было образовано Всесоюзное Добровольное Общество Содействия Aviации и Химической защите – ОсоАвиаХим. В честь этого, ставшего в стране очень популярным, общества и был переименован гурзуфский колхоз. Хозяйство этого колхоза было многопрофильным: обширные виноградники и фруктовые сады, табачные плантации, животноводство и опять же рыболовецкий промысел. Земли колхоза по договорам обрабатывались механизаторами алуштинской машинотракторной станции. Несколько позднее и гурзуфские совхозы «Буюрнус» и «Гурзуф», а за ними и «Болгатур» объединились в единое сельскохозяйственное предприятие.

В 1936 году в посёлке был открыт хорошо по тем временам оснащённый родильный дом. До этого местных рожениц возили в ялтинский или в алуштинский родильные дома.

В этом же году в бывшем доме дюка Ришелье начались работы по созданию музея им. А. С. Пушкина. Его открыли в следующем 1937 году. В музее были собраны интересные материалы о пребывании поэта в Гурзуфе и его путешествии по Крыму в 1820 году. Музей этот пользовался огромной популярностью, как у местных жителей, так и у гостей курорта, среди

которых были раненные красноармейцы и командиры, участвовавшие в боях с японцами на озере Хасан, на реке Халгин-Гол и в республиканской Испании.

Популярность военного санатория, эффективность его лечебной базы росли из года в год, а это вело к росту численности желающих побывать в этой здравнице. Необходимо было увеличивать коечную сеть. С этой целью стали открывать санаторные отделения в бывших частных дачах и пансионатах в урочищах «Буюрнус» и «Нового Гурзуфа», а это, в свою очередь, вело к росту численности обслуживающего персонала санатория, а значит и к увеличению численности населения посёлка. В 1939 году оно достигло уже более шести тысяч человек.

В 1940 предвоенном году в Гурзуфе функционировали две средних школы – русская и татарская, две библиотеки, детские сады в посёлке и в Артеке, почтовое отделение, телефонная и телеграфная станции, магазины, амбулатория и аптека, транспортные связи – автомобильная и морфлот. Вдоль побережья в летний навигационный период курсировали два небольших пассажирских пароходика – «Заря» и «Дооб».

Весной и особенно летом и осенью Гурзуф наполнялся курортниками. Многолюдно становилось на улицах посёлка, в парке военного санатория на набережной и на пляже. Повсюду шла бойкая торговля чебуреками, шашлыками, караимскими пирожками, жареной рыбой, а с началом бархатного сезона – отборным виноградом и различными фруктами. Широким спросом пользовалось местное, отличного качества, виноградное вино, а также национальные татарские сладости, чёрный турецкий кофе, катыш, халва и другие восточные деликатесы.

Вечерами из парка военного санатория доносилась музыка, до глубокой ночи набережная оставалась наиболее оживлённой частью Гурзуфа. Курортный посёлок жил кипучей, радостной и беззаботной жизнью.

СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ, СВИНЦОВЫЕ, ПОРОХОВЫЕ, ВОЙНА ГУЛЯЕТ ПО РОССИИ...

На рассвете 22 июня 1941 года в сотне километров к западу от Гурзуфа в Севастополе, рвались первые фашистские авиабомбы. Немецкая авиация в этот предрассветный час бомбила многие города, расположенные вдоль западной границы нашей страны. Началась война, долгая,

жестокая, кровавая, изменившая в одно мгновение мирный уклад жизни советских людей на военный, трагический и в то же время героический.

В 12 часов по московскому радио с важным правительственным сообщением выступил первый заместитель председателя Совнаркома и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов. И сразу же, после его сообщения о начале войны, тысячи и тысячи военнообязанных и добровольцев стали осаждать Ялтинский райвоенкомат с требованием немедленно направить их на фронт, в действующую армию.

В информационной сводке оргинструкторского отдела Крымского обкома ВКП(б) за 24 июня 1941 года говорилось: «Ялта. ЮБК. Самый тяжёлый вопрос здесь – эвакуация курортников, среди которых 10000 человек, подлежащих мобилизации. На курортах ЮБК застряло также много военных товарищей, среди них и полковники, генералы, старший начсостав. Большое возбуждение и возмущение наблюдается там среди некоторых групп курортников. Но оставшийся автопарк едва справляется с вывозом «своих» мобилизованных, и райком не знает что делать. Мобилизация в городе и районе идёт хорошо. На производство вовлекаются домохозяйки, взамен ушедших в РККА».

И всё же, не смотря на трудности, отдыхающих военнослужащих в течение двух-трёх дней отправили из Крыма к местам их службы.

Тихо, малоллюдно стало в Гурзуфе, в Кизильташе и в Артеке. Ночью в домах ни огонька – строгая светомаскировка была введена сразу же с первого дня начала войны.

Из числа мужского населения, по различным причинам не подлежащего мобилизации, формировались ополченческие патрули, которые вели наблюдение за небом и морем с вершины Бабугана, с Аю-Дага и с других возвышенных пунктов. По южнобережью поползли тревожные слухи о том, что в море, у крымских берегов видели перископы вражеских подводных лодок и что из лесов, покрывающих склоны Бабугана, кто-то ночами подаёт световые сигналы этим лодкам.

Южнобережные здравницы уже в июле стали принимать раненых. На базе санаториев и домов отдыха развёртывали военные госпитали. Война всё ближе и ближе подступала к главным воротам Крыма, к Перекопу. В сводках Совинформбюро всё чаще и чаще стали называться населённые пункты юга Украины, оставленные нашими войсками.

С началом героической обороны Одессы резко возросло количество раненых, доставляемых в Крым госпитальными и другими судами. В октябре, когда развернулись ожесточённые бои на Перекопе, раненые стали поступать и оттуда. Вскоре госпитали

Ялтинского района были переполнены и назрел вопрос об эвакуации многих тысяч раненых воинов в глубь страны.

В середине октября в районе Перекопа для наших войск сложилась критическая ситуация и 27 октября Военный Совет войск Крыма объявил полуостров на осадном положении, а на следующий день, 28 октября, противник прорвал Ишуньские позиции вторгся в пределы полуострова. Части Красной Армии с боями отходили в направлении Симферополя и Севастополя. Немецкие полчища растекались по Крыму, захватывая населённые пункты и безжалостно расправляясь с теми, кто оказывал им сопротивление. В начале ноября немецко-румынские войска перешли Ангарский перевал, спустились к морю и заняли Алушту. Воины Красной Армии с боями отступали по шоссейной трассе Алушта-Ялта и в ночь с пятого на шестое ноября 1941 года оккупировали Гурзуф, Кизильташ и Артек и устремились к Ялте.

Утром 6 ноября, когда на ближних подступах к Ялте, в районе Массандры шли ожесточенные бои, из ялтинского морского порта вышло госпитальное судно – пассажирский теплоход «Армения» - и направилось к берегам Кавказа. На судне находилось более пяти тысяч раненых красноармейцев и моряков Черноморского флота, медперсонал крымских госпиталей и сотни гражданских лиц, сопровождающих ценное имущество здравниц. В 11 часов 20 минут на траверзе Аю-Дага теплоход был атакован немецким самолётом-торпедоносцем и потоплен. Из находившихся на теплоходе людей спаслось всего пять-шесть человек. Их принял на борт небольшой пограничный катер, сопровождавший «Армению» в этом последним для неё, трагическом плавании.

Своё вторжение в Гурзуф немецко-румынские оккупанты ознаменовали массовыми арестами, погромами и грабежами. Для начала были взорваны гурзуфский и два артековских морских причала, набережную наштапиговали зенитными орудиями, а на крутом берегу за Соловьёвкой установили тяжёлые дальнобойные орудия. Вдоль всего побережья спешно вырыли траншеи, построили доты и дзоты, оплели всё это колючей проволокой. Лечебные корпуса военного санатория превратили в свои госпитали, а в санаторной столовой устроили кабак.

Помещение гурзуфской милиции местные жители стали обходить десятой дорогой. Здесь разместилась полевая жандармерия, отличавшаяся особой жестокостью по отношению к местным жителям. Обыски, аресты стали обычным явлением. Арестованных увозили в Ялту и они бесследно исчезали. Местом массовых расстрелов местных жителей оккупанты выбрали Массандровский парк, его прибрежную зону. Здесь были расстреляны тысячи стариков, женщин

и детей, пленных красноармейцев, подпольщиков и партизан. На этом скорбном месте давно уже необходимо поставить памятник.

В начале 1942 года на набережной Ялты гитлеровцы расстреляли сто пятьдесят местных жителей. Для устрашения ялтинцев трупы расстрелянных сложили штабелями и долго не разрешали их забрать и похоронить. Там же, на набережной, на балконах гостиницы «Мариино» вешали людей. Среди погибших были и жители Гурзуфа.

С первых дней немецкой оккупации Ялтинский партизанский отряд, в составе которого воевали жители Гурзуфа А. Поздняков, С. Зоренко, Смирнов, Д. Ермолаев, Туркин, А. Болотин, М. Вязников, Г. Кравченко и многие другие, развернул боевые действия на шоссейной магистрали Алушта – Ялта – Алупка.

В феврале 1942 года в районе Гурзуфа группа партизан под командованием Н. Кривошты и А. Туркина взорвали две немецкие семитонные грузовые машины, убили одиннадцать и ранили семерых гитлеровцев, а спустя десять дней на этом же участке эта же группа подорвала ещё две семитонки и перебили пятьдесят восемь оккупантов.

Наиболее уязвимым на отрезке шоссейной дороги над Гурзуфом был мост через горную речку Авунда, на крутом повороте у Буюрнусской будки. Его за годы оккупации партизаны взрывали много раз, прерывая на длительное время поток вражеских войск и военной техники, направляемых к сражающемуся Севастополю гитлеровским командованием. Скопления вражеских войск у взорванного моста нередко подвергались с воздуха самолётами, которые базировались на севастопольских и кубанских аэродромах. Атаковали гитлеровцев и партизаны.

Базировавшиеся у Красных камней на Никитской яйле и в урочище Барлакош, партизаны Ялтинского соединения умело использовали горные проходы и тайные тропы к шоссейной дороге и из засад неожиданно атаковали оккупантов, после чего, отстреливаясь, уходили в горы, чтобы спустя некоторое время нанести очередной неожиданный удар. Для охраны важной транспортной магистрали немцы вынуждены были держать в Гурзуфе около полка регулярных войск. В боях с оккупантами погибли сотрудники гурзуфского военного санатория С. Зоренко, Смирнов, Пенухов, Нолеухин, Липский и многие другие.

После оставления советскими войсками героического Севастополя, гитлеровцы установили в Крыму режим жесточайшего террора, мстя мирному населению и партизанам за колоссальные потери, которые они несли в период двухсотпятидесятидневной осады города русской славы. Немецко-румынские громилы врываются в жилища беззащитных людей и, обвинив их в связях с партизанами, грабили имущество, а стариков, женщин и детей безжалостно расстреливали, вешали, сжигали живьём. Голод, холод и страшный террор

вынуждали многих жителей Гурзуфа, Кизильташа и Артека, других населённых пунктов южного побережья покидать родные места и с риском для жизни пробираться в степные районы или в заповедные леса к партизанам, которые после сдачи Севастополя переживали трудные, трагические времена. Голод, болезни, бесконечные прочёсы лесов полчищами карателей ставили народных мстителей в безвыходное положение.

К началу 1944 года только отдельные партизанские группы проявляли некоторую активность в борьбе с оккупантами, уверовавшими в свою неуязвимость на полуострове.

Голодающее население южного побережья оказалось в безвыходном положении. Каратели ужесточили пропускной режим на полуострове и в степные районы для обмена вещей на какие-либо продукты никого не пускали. Получить же пропуск было очень и очень сложно. Те, кому всё же удавалось его получить, объединялись в группы и пешком отправлялись в далёкий и опасный для жизни путь. Многие такие группы попадали в концлагеря на Студенческой улице Симферополя или в так называемый Картофельный городок на окраине города. А многие просто бесследно исчезали. Однажды большая группа ялтинцев вместо степного Крыма оказалась в Массандровском парке и была там расстреляна. В составе этой группы были и жители Гурзуфа, Мисхора и Алупки.

По мере того как на фронтах ситуация менялась не в пользу гитлеровцев, усиливалась нервозность оккупантов в Крыму и ужесточался террор.

Успешные боевые операции Красной Армии почти на всех участках огромного по протяженности фронта способствовали резкой активизации партизанского движения в Крыму. Численность партизан в отрядах и соединениях резко возросла, командование 4-го Украинского фронта и отдельной Приморской армии увеличили поставки партизанам боеприпасов, медикаментов, вооружения, обмундирования, продуктов питания и средств связи. С начала года и к началу боёв за освобождение Крыма партизанам по воздуху было доставлено более шестисот тонн различных военных грузов. Командование Отдельной Приморской армии установило с крымским штабом партизанского движения регулярную радиосвязь в целях координации совместных действий в ходе освободительных операций на полуострове.

10 апреля 1944 года начались боевые действия войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии против мощной военной группировки немцев в Крыму. Войска 51-й армии в ходе упорных боёв прорвали немецкую оборону на Перекопе, вырвались на степные просторы полуострова и устремились к Симферополю и Севастополю.

Одновременно с 51-й армией войска Отдельной Приморской армии с небольшого плацдарма под Керчью начали успешное наступление на Керчь, освободили его и устремились

на запад, на Феодосию, Судак, Алушту и дальше, через Гурзуф и Ялту на Алупку, Симеиз, Балаклаву к Севастополю. В ходе упорных боёв населённые пункты Восточного Крыма и Южнобережья освобождались от оккупантов.

14 апреля жители Гурзуфа, Артека и Кизилташа отчётливо слышали орудийную канонаду, доносившуюся с востока. Она неудержимо усиливалась и вселяла в души людей счастливую надежду на скорое освобождение от фашистских мракобесов и их румынских приспешников. И этот долгожданный день наступил.

15 апреля 1944 года воины 323-го гвардейского горно-стрелкового Краснознамённого полка под командованием гвардии подполковника Д. Б. Наджабова выбили из Артека, Кизилташа и Гурзуфа немецко-румынские войска. Гитлеровцы, отступая из посёлка, оставили о себе страшную память. Они подчистую разграбили гурзуфские здравницы, сожгли и разрушили два лечебных корпуса военного санатория, корпус «Буюрнуса», который в довоенные годы был отделением военного санатория. Были сожжены и разрушены здания Соловьёвки, Хасты, 1-й корпус дома отдыха «Колхозная молодёжь», красивое здание столовой дома отдыха на Генуэзской скале, Гурова дача, некоторые здания Артека. Были разграблены гаражи санатория и Артека, электростанции этих здравниц, водолечебницы и пищеблоки, уничтожены фонтаны «Нимфа» и «Первая любовь» в парке военного санатория, на дрова валили ценнейшие деревья старинного парка. В самом посёлке были сожжены и разрушены некоторые частные дома, хозяйственные коммуникации, разбиты шоссеиные дороги.

Отступая из Гурзуфа, немецкая солдатня заминировала мостики, подпорные стенки, лестничные переходы, пляжную зону, дороги и многие здания и сооружения посёлка.

В боях за освобождение Гурзуфа пали смертью храбрых воины Красной Армии С. Ф. Бусыгин, Ф.В. Владимиров, Н. Д. Жадогин, Д. В. Манохин, капитан медицинской службы А. А. Бабич и солдат, фамилия которого осталась неизвестной. Все они с воинскими почестями были погребены в братской могиле на гурзуфском кладбище. На могиле установлен диоритовый монумент. На этом же кладбище покоятся девочки-артековки Валя Степанова и Лида Депутатова – обе москвички, подорвавшиеся на вражеской мине на пляже артековского лагеря «Суук-Су» в январе 1945 года.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

17 апреля 1944 года, на второй день после изгнания оккупантов, возобновил работу Гурзуфский поселковый совет, который сразу же занялся организацией работ по восстановлению разрушенного войной хозяйства. С запада доносился приглушённый расстоянием не прекращавшийся ни днем, ни ночью гул артиллерийской канонады. Там, на подступах к Севастополю, шло ожесточенное сражение, а в освобождённых населённых пунктах южного побережья закипала мирная работа. С помощью воинских частей, оставленных здесь на кратковременный отдых и переформирование, немногочисленные местные жители с большим энтузиазмом брались за любую, самую трудную и нередко грязную работу.

Военные саперы разминировали объекты, ремонтировали дороги, мосты и подпорные стенки, восстанавливали водопроводную систему.

9 мая 1944 года наши войска освободили Севастополь, вернее то, что от него осталось, и добивали остатки 17-й немецкой армии на Херсонесском мысу. 12 мая военные действия на крымской земле прекратились. Наступила мирная тишина, если можно было назвать тишину мирной, когда по всему советско-германскому фронту шли ожесточенные бои. До окончания войны, до Великой победы советского народа над фашистской Германией, оставался еще целый год. Целый год кровавых схваток с озверевшим от неудач на полях сражений германским вермахтом.

18 мая 1944 года в течение суток численность обезлюдевшего за годы вражеской оккупации населения Гурзуфа снова резко сократилась в результате поголовной депортации татарских семей. Оставшееся не татарское население посёлка было слишком малочисленным, чтобы осилить огромный объем восстановительных работ. Некому было обрабатывать запущенные виноградники, не хватало людей на строительстве, не укомплектованы были необходимыми кадрами начинавшие работать санатории и медицинские учреждения, предприятия сферы обслуживания населения и т.п.

Правительство вынуждено было прибегнуть к практике переселения в Крым многих тысяч семей из центральных районов страны. Колхозники из Курской, Воронежской и других областей переселялись в опустевшие села и посёлки полуострова и сразу же включались в непривычную для них работу на виноградниках, табачных плантациях, на землях, которые требовали обильного искусственного орошения, на каменистых почвах предгорий и южного побережья. Многие переселенцы навсегда связывали свою судьбу с Гурзуфом.

В сравнительно короткие сроки были восстановлены корпуса военного санатория и благоустроен парк, на лечебном пляже построили оригинальной архитектуры климато-лечебный павильон и солнцезащитные тенты.

Руководство санатория постоянно укрепляло и совершенствовало лечебную базу своей здравницы.

В пятидесятые годы была построена грязелечебница и реконструирована построенная в тридцатые годы водолечебница, соорудили закрытый плавательный бассейн, восстановили летнюю киноплощадку и занялись жилищным строительством. В 1960 году было построено клубное здание со зрительным залом на пятьсот мест. В 80-е годы устаревшее здание клуба было разобрано и на его месте возвели новое, более современное, оснащенное всем необходимым для клубной работы, и летний крытый театр оригинальной архитектуры, в которых проводятся и многие поселковые мероприятия. Восстановлены были санаторный гараж и электростанция, которая обеспечивала энергией весь санаторий до 1950 года, до введения в строй электросистемы Крымэнерго.

С 1946 года Центральный санаторий министерства обороны СССР стал здравницей общетерапевтического профиля для лечения органов дыхания нервно-соматических и сердечно-сосудистых заболеваний.

Жители населённых пунктов Гурзуфского района с первых же дней после изгнания оккупантов принялись восстанавливать сельское хозяйство. Прежде всего, необходимо было восстанавливать виноградные плантации – основной культуры местного сельскохозяйственного производства. Запущенные, необрабатывавшиеся в годы оккупации, виноградники перекапывались большими плантажными лопатами, обрезались и формировались виноградные лозы, устанавливались опоры. Необходимых материалов пока еще не хватало и приходилось использовать всё, что могло на время заменить стандартные опоры.

Многие виноградники требовали реконструкции. К этой важной работе приступили в конце сороковых годов. Плантаж поднимали методом взрывов твердой каменистой почвы на метр глубины.

С раннего утра и до позднего вечера рабочие совхозы «Гурзуф» тяжёлыми молотами забивали в землю стальные стержни, затем с трудом осторожно их извлекали и в метровой глубины лунку насыпали взрывчатку – аммонал или аммонит. Лунки били в шахматном порядке на расстоянии метра одна от другой. Затем с помощью бикфордова шнура взрывали весь участок, нафаршированный взрывчаткой. С утра и до вечера многие и многие дни окрестности

посёлка содрогались от взрывов, напоминавших минувшие дни войны. Но это были мирные взрывы.

Совхоз «Гурзуф» в пятидесятые годы превратился в крупнейшее на ЮБК сельскохозяйственное предприятие путём объединения с ним совхозов «Ай-Даниль», «Артек», с Васильевским отделением совхоза «Горный» и колхозом имени XVII партсъезда. Совхоз входил в систему знаменитого винкомбината «Массандра». Общая площадь посевных угодий совхоза составляла уже 1180 гектаров, из них 486 га были под виноградниками, в которых преобладали такие ценные для производства десертных вин сорта как мускаты, Пино чёрный. Алеатико, Токайские и другие. Для полива садов и виноградников сооружались водоёмы, в которые собирали из горных источников до 150 тысяч кубометров воды. В наиболее благоприятные в погодном отношении годы работники совхоза собирали до пятидесяти центнеров отличного винограда с гектара, а иногда и больше. Перерабатывали его в высококачественные материалы для приготовления прославленных крымских вин в Ай-Данильском и Ай-Гурзуфском винподвалах.

Наряду с садами и виноградниками совхоз выращивал высокосортный табак, который шёл на экспорт и давал совхозу ощутимый доход.

Для облегчения трудоёмких процессов производства совхоз широко внедрял механизацию, особенно на обработке виноградников, расположенных на крутых склонах.

В пятидесятые годы работники Гурзуфского отделения Алуштинского эфиромасличного комбината «Лаванда» заложили обширные плантации розы и лаванды, и благодаря благоприятному микроклимату стали собирать высокие урожаи этих ценных эфиреносов.

Пятидесятые и шестидесятые годы стали для Гурзуфа периодом интенсивных преобразований, особенно в области нового строительства и благоустройства. Так, 1958 году в посёлке была построена, а в Краснокаменке (Кизильташ) восстановлена больницы. При новой больнице открыли службу Скорой помощи, отделения терапевтическое, хирургическое, родильное и детское, различные кабинеты и лаборатории. Больницы были полностью укомплектованы квалифицированными кадрами врачей, медсестёр, лаборантов и санитарок.

Местные власти уделяли большое внимание развитию поселковых социально-бытовых и культурных структур. В эти годы были построены кинотеатры «Дружба» и «Старт», магазины, автостанция, душевой павильон, реконструированы водопроводные, канализационные и электрические сети.

С начала шестидесятых годов в северо-восточной окраинной части Гурзуфа было положено начало строительству артековского микрорайона. Первенец его – сорокапятиквартирный дом заселили осенью 1960 года. Следом построили еще три таких дома и образовавшуюся новую улицу назвали Артековской. Вскоре здесь был построен детский комбинат – ясли и садик. К востоку от Артековской улицы развернулось строительство жилого массива для семей сотрудников Артека. Здесь со временем образовался центр микрорайона с новыми улицами Подвойского, Соловьёва и несколько позднее – Зеленая. Среди зданий этой зоны построили еще один детский комбинат. В первых этажах новых зданий открыли магазины, баклабораторию и пункт детского питания. В восточной части микрорайона возвели здание школы-десятилетки, поликлинику, устроили библиотеку, магазины, а позднее, на улице Зеленой, вторую в Гурзуфе аптеку.

На восточном склоне холма Болгатур возвели корпуса дома отдыха «Геолог», в реконструированном здании бывшей начальной школы открыли детскую музыкальную школу, а в так называемой со времён средневековья Мёртвой долине, где долгие годы находилась поселковая мусорная свалка возвели целый городок жилых домов, клуб, магазин и производственные мастерские строительного управления № 32 треста Ялтастрой, которое было образовано для осуществления строительной программы Большого Артека, принятой правительством СССР в 1959 году.

В этом жилгородке проживают семьи рабочих и служащих стройуправления. В том же шестидесятом году была осуществлена реконструкция шоссейной магистрали Симферополь – Алушта – Ялта, по которой началось движение междугородных троллейбусов. До реконструкции старое шоссе, над Гурзуфом, у Буюрнусской будки, делало крутую затяжную поворотную петлю с двумя мостами через речку Авунда. Для троллейбусов эта «петля» стала настоящей удавкой. Проблема была решена путём строительства в самой широкой части «петли» моста-виадука, который спрямлял этот участок магистрали. Проект этого виадука был разработан архитектором Киевского филиала Всесоюзного института дорожного проектирования В. Балило. В основу проекта был положен арочный пролет с двумя балочными аркадами на подходах к арке. Сооружение это – единственное на всей трассе от Симферополя до Ялты, стало одной из достопримечательностей Гурзуфа. А вид с него на посёлок просто замечательный.

С окончанием работ по реконструкции прежней трассы за счёт спрямления многих её участков расстояние от Гурзуфа до Ялты сократилось на три километра и составляет сейчас пятнадцать километров. Существенно сократилось оно и до Алушты и до Симферополя.

В июле 1959 года на западной окраине поселка на базе старинного здания бывшего имения Соловьёвка был открыт Международный молодёжный туристический лагерь «Спутник». Рядом с ним построили взлётно-посадочную площадку для рейсовых пассажирских вертолётов Аэрофлота, которые летали по маршруту Симферополь – Ялта с промежуточными посадками в Алуште и Гурзуфе.

Между Гурзуфом и Ялтой было налажено регулярное автобусное пассажирское сообщение по твёрдому графику движения машин. От автостанции, расположенной на известном гурзуфском «пяточке» в центре посёлка, рейсовые автобусы отправлялись в Ялту каждые полчаса.

В 1960 году Дом творчества Художественного фонда СССР имени К. Коровина по соседству с турлагерем «Спутник» построил новый гостиничный корпус, новый пищеблок и мастерские-студии для прибывающих на отдых и творческую работу художников страны и ряда зарубежных стран.

Для осуществления регулярных морских перевозок пассажиров в Гурзуфской бухте был построен причал и билетные кассы Ялтинского морского порта и рядом с ними кассы Аэрофлота.

Санаторий Министерства обороны реконструировал собственную лодочную станцию, построены были новый лодочный причал, эллинг для хранения плавсредств, спасательная станция для обслуживания гурзуфских пляжей, а под Генуэзской скалой, среди утёсов мыса Явалар, была оборудована стоянка для частных плавсредств местных любителей рыбной ловли. Здесь же, по соседству, с незапамятных времен продолжали базироваться баркасы и лодки рыболовецкой бригады ялтинского рыбколхоза «Пролетарский луч». Их ставные неводы находились на акватории Аю-Дага и где то там же ставили они свои донные перемёты на черноморских белух.

В те же шестидесятые годы со строительством телевизионного ретранслятора на плато горы Ай-Петри значительно улучшилось качество телепередач на южном берегу. Однако в Гурзуфе, который от этого ретранслятора был отгорожен массивом Никитского нагорья, значительно ослабленный, отражённый скалами, телевизионный сигнал, принимали далеко не все владельцы телевизора. Проблема была решена в 1969 году, когда на прибрежном откосе урочища Гугуш, к западу от посёлка, был построен промежуточный телеретранслятор. Гурзуф, Артек и Краснокаменка стали принимать более чёткий сигнал. Окончательно эта проблема была решена с вводом в строй нового мощного ретранслятора в районе деревни Никита.

В послевоенные годы бывший дом дюка Ришелье стал здравницей закрытого типа 4-го Главного Управления Минздрава СССР и доступ к нему был практически закрыт. С 1937 года в доме этом находилась музейная экспозиция, посвященная пребыванию в Гурзуфе А. С. Пушкина в 1820 году.

В период временной немецко-румынской оккупации 1941-1944 годов музей был разграблен и в послевоенные годы долго не восстанавливался. Рядом с этим историческим домом построили аляповатой архитектуры здание водолечебницы, которое в силу своей водной специфики никак не способствовало сохранности уникального здания-дома Ришелье. Затем неподалёку от этого дома возвели железобетонную многоэтажку, которая своим заурядным видом не украсила пейзаж вечнозеленого парка, деревья которого видели и слышали самого Александра Сергеевича.

Общественность южного бережья на протяжении десятилетий добивалась возвращения дому Ришелье статуса Дома-музея А. С. Пушкина. И только в 1989 году справедливость восторжествовала: здание вывели из подчинения Центральным органам здравоохранения, капитально отремонтировали и оформили экспозицию музея, посвящённую пребыванию поэта в Гурзуфе и в Крыму. 4 июня 1989 года эта историческая достопримечательность посёлка была торжественно открыта.

С той поры здесь ежегодно проводится ставший уже традиционным, Пушкинский праздник, собирающий в Гурзуф, к заветному дому многочисленных почитателей великого русского поэта.

Двумя годами раньше, 22 июля 1987 года, мемориальным музеем посёлка стал Чеховский дом, расположенный под самой Генуэзской скалой. Дом этот в 1900 году Антон Павлович приобрёл для своей супруги Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой и принадлежал он ей до 1953 года, когда был продан поселковому совету под жильё.

Затем он перешёл к Дому творчества Худфонда СССР имени К. Коровина. Здесь устроили жилые палаты для отдыхающих. Многочисленные перестройки и надстройки исказили первоначальный облик этого дома. И за этот историко-архитектурный памятник долгие годы шла безуспешная борьба, в которой, наконец, здравый смысл взял верх над абсурдом.

В семидесятые годы развернулись работы по реконструкции наиболее привлекательной для гостей курорта, да и для жителей Гурзуфа, части посёлка – его приморской набережной. Прежняя представляла собой узкую проезжую дорогу с полуразрушенными подпорными стенками с разномастными металлическими и бетонными ограждениями, неудобными спусками на пляж, которой не украшали различные тенты, навесы, перегородки. Строители расширили

набережную более чем вдвое, по осевой её линии разбили газоны с цветниками, посадили декоративные деревья и кустарники, установили современные светильники, теневые грибки, парковые скамейки, заменили ограждения, благоустроили пляжи, установили торговые ларьки, павильоны и многое другое. В результате набережная стала подлинным украшением посёлка, любимым местом прогулок и отдыха местных жителей и гостей курорта.

В 1978 – 1979 была основательно перестроена и шоссейная дорога от троллейбусной трассы до Гурзуфа.

Старинная, узкая, неблагоустроенная дорога была сущим наказанием для водителей автотранспорта. Современным многоместным автобусам дорога в Гурзуф была вообще заказана. Небольшие рейсовые ПАЗы всегда были переполнены пассажирами, и проблема эта с каждым годом становилась всё острее и острее, особенно в летний курортный сезон. Но дошла очередь и до дороги. Строители расширили её вдвое против прежней, сгладили крутые повороты, возвели новые подпорные стены, на развилке дорог, ведущих вниз, в автостанции и в микрорайон сделали большую площадь с павильоном остановки. Вдоль русла реки Авунда проложили пешеходную дорожку с ограждением, озеленили близлежащие склоны и устроили цветники. В результате между Ялтой и Гурзуфом стали курсировать рейсовые многоместные «Икарусы», которые совершали по расписанию сорок один рейс в день. Кроме того, были организованы регулярные рейсы по маршруту Гурзуф – Краснокаменка.

В шестидесятые годы в Гурзуфе были построены Дом торговли, Дом быта, новое здание почты с переговорным пунктом и телеграфом. Рядом с почтой построили новое здание поселкового клуба со зрительным залом и помещениями для клубной работы. Старое здание клуба, построенное еще в начале XX столетия, передали художникам-корвинцам. После капитального ремонта первый этаж этого дома превратили в художественный выставочный салон, где выставляются работы художников и ведется распродажа. В этот же период в Гурзуфе построили первую поселковую гостиницу «Чайка».

В 1973-1991 годах в нагорной части микрорайона образовалась еще одна улица, которую называли в честь 60-летия образования Союза ССР. Здесь были возведены многоэтажные жилые дома с магазинами. Кроме артековских домов здесь построили свои дома санаторий Министерства Обороны СССР, Молодёжный турлагерь «Спутник» и дом отдыха «Геолог». В центральной части Гурзуфа на участке у гостиницы «Чайка» Артек возвёл разноэтажный жилой многоквартирный дом оригинальной архитектуры, который органично вписался в местный ландшафт. Второй такой же дом был построен и в посёлке Строителей. Всего же за три последних десятилетия в микрорайоне Гурзуфа было возведено больше тридцати многоэтажных

жилых домов, районная котельная, посажено и выращено множество деревьев и кустарников, которые украшают этот новый жилой район древнего Гурзуфа. Ему больше полутора тысяч лет, а он не стареет и привлекает к себе всё больше и больше людей, стремящихся провести время у ласкового южного моря, под горячими лучами солнца среди гостеприимных и доброжелательных обитателей этого райского уголка Крымского полуострова, который известный чилийский поэт Пабло Неруда назвал Орденом на груди планеты Земля.

КРАСНОКАМЕНКА (КИЗИЛЬТАШ)

Северо-восточнее Гурзуфа у самого подножия Главной горной гряды Крыма – Бабугана – расположен населённый пункт, посёлок городского типа Краснокаменка (Кизильташ, тат.) с населением около двух тысяч человек.

О времени возникновения Кизильташа достоверных сведений нет. В старых путеводителях по Крыму и в некоторых литературных источниках татарская эта деревня упоминается редко, вскользь, без каких-либо подробностей и экскурсов в её историческое прошлое. И только в конце 50-х и в середине 60-х годов крымскими археологами на основе разведочных археологических изысканий было установлено, что в XII – XIII веках в этой местности у дороги, ведущей к средневековому святилищу на перевале Гурбет-дере-Богаз (Гурзуфское седло на Бабугане) находились поселения, причём довольно значительные по количеству домов и численности жителей. На господствующем над местностью скалистом кубообразном массиве розоватого известняка, который называется Кизиль-таш (Красный камень) в те далёкие времена была возведена крепость Гелин-кая (Эллинская скала). Остатки основания крепостной стены и дозорной башни сохранились до наших дней. Они сложены из камня-известняка на известковом растворе с примесью цемьянки – мелко битой керамики. Укрепление это, по-видимому, являлось составной частью системы Горзувитских оборонительных сооружений.

Средневековые строители крепости оценили преимущества Красного камня с его отвесными, неприступными с трёх сторон утёсами. На вершину можно было проникнуть только с северной стороны, преодолев камненные нагромождения и осыпи, трудно проходимые лесные заросли. Здесь и были возведены крепостная стена с дозорной башней и массивными воротами.

С южной стороны Красного камня, под его отвесными утёсами примостилось небольшое поселение, которое и положило начало нынешней Краснокаменке (Кизильташу).

К северу от Красного камня в лесной чаще южного склона Бабугана на скалистом уступе сохранились остатки средневекового дозорного поста. В пространстве между двумя укрепленными пунктами находилось еще одно селение, через которое проходил участок дороги на перевал, к святилищу. Здесь, в почве, нередко попадаются обломки керамических сосудов, датированных VIII – IX веками. Таким образом, разведочные изыскания подтвердили предположения археологов о том, что и в этой части Гурзуфского амфитеатра с пригодными для земледелия и животноводства участками, орошаемыми обильными водными источниками, в средние века жили люди. Кроме того, установлено, что через эти населенные пункты пролегал оживленный путь к святилищу на перевале Гурзуфское седло и через него по крымским яйлам в долину речки Кача, в Мангупскую округу, до Инкермана, Бахчисарая, а еще раньше и в самый Херсонес.

Здесь же, на Бабуган-яйле, сходились древние торговые пути от Алустана (Алушты) через перевал Чингене-алан и Шайтан-мердвене («Чёртова лестница» на восточном склоне Бабугана) по яйле к Гурзуфскому седлу, где дорога ответвлялась и пролегла по Никитской яйле через Ай-Петринскую яйлу к Шайтан-мердвеню («Чёртовой лестнице» у с.Оползневого). Отсюда дорога вела в Бахчисарай и в другие населенные пункты юго-западного Крыма. Сейчас невозможно себе представить, что на этом оживленном торговом пути в те времена не могло быть населенных пунктов и в их числе Кизильташа, положившего начало нынешней Краснокаменке.

Современная Краснокаменка занимает обширное пространство севернее от троллейбусной трассы Симферополь-Ялта. Местность здесь в природном отношении очень красива. Фоном для посёлка служит громада Бабугана с его отрогами, мысами, скалистыми утёсами, поросшими сосновыми, дубовыми и буковыми лесами. Западнее посёлка среди лесного массива ещё совсем недавно возвышался гигантский каменный гребень Кзыл-Тарак-таш («Красный каменный гребешок», тат.), который являлся подлинным украшением местности. Теперь вместо «гребешка» зияет уродливый глинно-каменный котлован – результат многолетней деятельности карьера, где добывали строительный камень.

Жители современной Краснокаменки в основе своей, как и далёкие их предшественники, занимаются сельскохозяйственным производством, выращивают виноград, фрукты, овощи, душистую горную лаванду. Многие жители посёлка работают в сфере обслуживания в Международном детском центре «Артек», в санаториях Гурзуфа, Ай-Даниля и Ялты, на транспорте. Троллейбусная трасса позволяет решать проблемы пассажирских и грузовых автоперевозок.

В летний курортный сезон при массовом наплыве неорганизованных курортников многие жители посёлка сдают жильё «дикарям», так называют на южном берегу таких отдыхающих. Их не страшит значительное расстояние до моря, делать-то нечего, Гурзуфский и артековский жилфонды в период курортного пика не способны бывают обеспечить жильём всех неорганизованных курортников.

В административном отношении курортный посёлок городского типа Краснокаменка находится в подчинении у Гурзуфского поселкового совета.

С недавних пор посёлок Краснокаменка стал своеобразным центром Международного скаутского движения. Почти в центральной части посёлка возвышается красивое, современной архитектуры, здание Регионального Бюро скаутского движения Евразии, которое входит во Всемирную Организацию Скаутского Движения.

Директором этого Бюро является большой энтузиаст скаутизма Александр Степанович Бондарь.

На этой базе ежегодно собираются скауты из самых различных стран. Здесь проводятся слёты, красочные фестивали, спортивно-туристические соревнования, конференции по обмену опытом работы региональных организаций и по проблемам скаутизма.

С нескрываемым удовольствием совершают скауты турпоходы по горно-лесным маршрутам гурзуфской природной котловины и экскурсионные поездки по Крыму. С площадки, на которой расположена краснокаменная скаутская база, открывается изумительный по красоте вид на артековское и гурзуфское живописное побережье, на Аю-Даг и безбрежную синеву моря. А совсем рядом возвышается огромный кубообразный скалистый массив с руинами средневекового сторожевого поста.

Всё это вызывает у юных обитателей Базы неподдельный, живой интерес к местности и к Крыму в целом.

АЙ-ДАНИЛЬ

Ай-Данильское отделение винсовхоза «Гурзуф» расположено к западу от посёлка, на местности, которая в средние века являлась предместьем Гурзуфа. Ещё в конце прошлого столетия здесь сохранялись развалины двух средневековых церквей. Не одна ли из них, церковь Святого Даниила, дала название местности – Ай-Даниль.

Когда-то здесь была большая маслиновая роща, на многих участках произрастали фруктовые сады и парки. У старой Ай-Данильской дороги, ведущей к ложбине с фонтаном, сохранилась на каменной стене дата: «1835».

С начала XIX века земли Ай-Даниля принадлежали первому директору Никитского ботанического сада Х. Х. Стевену, затем его владения перешли к графу Воронцову, который в 1826 году заложил здесь виноградные плантации. Местность благоустраивалась, проводились дороги, водопровод, насаждались декоративные деревья и кустарники, строились подпорные стены, фонтан и прочее.

Граф Воронцов решил заняться виноделием и руководить строительством винподвала пригласил из Шампани известного французского винодела Гаузера. Этому подвалу суждено было стать центром виноделия на Южном берегу Крыма. Вскоре под руководством Гаузера здесь стали производить наряду с ординарными и шипучие, типа шампанского, вина.

Воронцов постепенно расширял здесь свои владения и довёл их до четырёх десятин. В 1889 году имение «Ай-Даниль» привлекло к себе внимание императора Александра III и оно было приобретено Удельным ведомством. Построенный в 1835 году винподвал постепенно, из-за оползневых явлений, стал разрушаться и в 1912 году ему взамен был построен новый.

После окончания гражданской войны на базе Ай-Данильского винзавода был создан крупнейший на южнобережье винодельческий совхоз. Рабочие винсовхоза восстановили 114 гектаров запущенных за годы войны виноградников и наладили производство высококачественных вин, отмеченных на первой Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве. Государство отпускало на развитие виноградарства и виноделия в Крыму большие средства. В 1936 году на базе виноградников Ай-Даниля и Гурзуфа был создан виноградарско-винодельческий совхоз «Гурзуф», что позволяло более рационально использовать государственные капиталовложения в эту доходную отрасль.

В 1938 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве работа совхоза «Гурзуф» получила самую высокую оценку.

Немецко-фашистская оккупация 1941-1944 годов нанесла хозяйству совхоза и его отделениям колоссальный ущерб. Ценнейшие сорта винограда, их плантации были частично сметены с лица земли, а уцелевшие пришли в запустение. Более трети плодоносящих плантаций хозяйство потеряло безвозвратно и их нужно было восстанавливать.

После изгнания оккупантов в совхозе развернулись большие работы. Необходимо было заново поднимать плантаж, реконструировать старые, запущенные виноградники и расширять плантации путём насаждения новых, высокоурожайных и перспективных для виноделия,

сорт. И работники совхоза успешно справились с этой нелёгкой задачей. В первые два послевоенные десятилетия они вдвое увеличили площади виноградников, добились высоких урожаев, что позволило создавать здесь вина высочайшего качества и вкусовых достоинств. Свидетельством тому служат многочисленные золотые и серебряные медали, полученные в разные годы на международных дегустациях в ряде европейских стран.

Далеко за пределами Крыма и даже в странах классического виноделия славятся такие Ай-Данильские вина как Пино-гри «Ай-Даниль», «Токай южнобережный», «Чёрный доктор» и многие другие прославленные виноградные вина.

В конце 60-х – начале 70-х годов местность эта была облюбована Минздравом СССР для строительства здесь элитного санатория 4-го Управления Главсанупра под названием «Ай-Даниль».

На берегу моря было возведено шестнадцатиэтажное здание современной архитектуры, спроектированное архитектором Богословским.

К услугам отдыхающих в здании этом были оборудованы комфортабельные номера, рассчитанные на одновременное обслуживание более четырёхсот курортников. Кроме того, были оборудованы медицинские кабинеты, оснащенные лечебно-диагностической аппаратурой, водолечебница, благоустроенный пляж и прочая курортная инфраструктура.

Санаторий располагает собственной автобазой, водной станцией с различными плавсредствами, ремонтной базой, складскими помещениями, районной котельной, теплицами для выращивания овощей и зелени к столу, оранжереей и прочими хозяйственными службами. Первых отдыхающих новый южнобережный санаторий «Ай-Даниль» принял в 1974 году. Наряду со взрослым контингентом отдыхающих, санаторий принимает детей из районов чернобыльской катастрофы.

В настоящее время санаторий принадлежит Верховному Совету Автономной Республики Крым.

Местность, на которой расположен санаторий, является уникальным районом Гурзуфского горно-лесного амфитеатра.

С западной стороны санаторий, его небольшая территория, соседствует с урочищем Мартьян, которое с 1973 года объявлено природным заповедником и включено в состав территории Никитского ботанического сада под названием «Мыс Мартьян». Площадь

заповедника небольшая, всего 120 гектаров, такова же по площади и примыкающая к нему заповедная морская акватория.

Растительный и животный мир заповедника богат и отличается видовым разнообразием. Учёными выявлено здесь более пятисот видов семенных растений и в их числе четырнадцать эндемичных крымских растений. Огромную ценность представляют собой редкие древесные эндемики: можжевельник высокий – реликтовое дерево третичного периода кайнозойской эры и земляничник мелкоплодный, в народе – «бесстыдница».

В самый разгар курортного сезона это красивое вечнозеленое дерево сбрасывает тонкую, листообразную, красно-жёлтую кожистую кору, обнажая новую молодую, салатного цвета, которая постепенно приобретает красно-жёлтый со светло-зелёным отливом цвет.

Доцент Крымского государственного университета А. Ена в своём «Гимне земляничному дереву» (сборник «Крымские каникулы», «Таврия» 1985 г.) писал: «О тебе хорошо знают и крымчане и их многочисленные гости. Одна из редчайших пород на полуострове, не имеющая себе равных по красоте во всей мировой флоре, недоступная затворница диких скал, драгоценное украшение крымского Южнобережья».

Кроме урочища Мартьян земляничник мелкоплодный произрастает на скалистых утёсах Аю-Дага, в районах Ореанды, Мыса Ай-Тодор и в некоторых других местах Южного берега Крыма. Отдельные экземпляры этого удивительного дерева уже достигли тысячелетнего возраста.

Кстати, земляничник этот – единственное дикорастущее вечнозеленое эндемичное дерево крымской флоры.

Земляничник мелкоплодный, можжевельник высокий и ещё девятнадцать других редких видов растительного мира заповедника «Мыс Мартьян» занесены в «Красную книгу» бывшего СССР и Украины.

Охраняются и живущие в заповеднике млекопитающие, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, крабы, моллюски, насекомые и морские водоросли. Посещение заповедника строго ограничено и допускается только с разрешения администрации Государственного Никитского ботанического сада.

СЛОВО ОБ «АРТЕКЕ»

Волшебный край! Очей отрада!

Всё живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приятная краса;
И струй и тополей прохлада...
Всё чувства путника манит,
Когда в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утёсов Аю-Дага.
А. Пушкин

Чарующий уголок Южнобережья, поэтически точно воспетый Пушкиным, стал родиной прославленного, известного во всем мире Международного детского центра, имя которого «Артек».

Лесопарковое урочище, осенённое скалистыми утёсами легендарного Аю-Дага, в далёком прошлом очаровало Пушкина и Мицкевича, Грибоедова и Жуковского, самого императора Александра II с его августейшей супругой.

Здесь оставила таинственные следы очаровательная французская авантюристка графиня Жанна де Ламотт, героиня нашумевшей истории с хищением бриллиантового ожерелья королевы Марии Антуанетты.

Да и само название урочища – Артек – обязано своим появлением на свет божий древним грекам, поселение которых в античный период находилось в верхней части урочища.

Обилие перепелов в период осенних массовых перелётов птиц, которые скапливались на окрестных холмах, дало повод назвать урочище древнегреческим словом «Ортеки», что в переводе означает «перепёлка».

Польский поэт, граф Олизар, и русские князья Потёмкины, купец Первушин и учёный-ботаник Гартвис, Метальниковы и генерал Винер оставили в наследство детям свои роскошные владения на этой земле.

Века прошлестели ветхими страницами истории над этим благословенным уголком крымской земли.

Однажды, было это в сентябре 1924 года, заглянул сюда государственный чиновник, первый заместитель наркома здравоохранения СССР, председатель Исполкома Российского Общества Красного Креста, начальник Военно-санитарного управления Вооружённых сил страны, заведующий кафедрой социальной гигиены Московского государственного университета, профессор Зиновий Петрович Соловьёв.

После окончания гражданской войны имения прежних владельцев Артека пустовали. Тихо, пустынно было в прекрасных артековских парках. Когда-то ухоженные парковые аллеи и аллейки, клумбы и цветники заросли сорняками и колючими кустарниками. Лавр благородный давно не обрезался, сухие сучья не удалялись, молчали фонтаны и только голоса птиц нарушали настороженную тишину. Пустовали и старинные особняки. Чарующий уголок этот замер в ожидании чего-то такого, что могло вдохнуть в него новую жизнь.

И такой момент наступил. Осенью 1924 года в Гурзуф, на военно-санитарную станцию РККА приехал на отдых и лечение Зиновий Петрович Соловьёв. В один из тихих сентябрьских вечеров он отправился на лодке в сторону Аю-Дага, которым он любовался издали, с гурзуфской набережной. Его заинтересовала местность у подножия Аю-Дага со странным названием Артек.

Об этом первом посещении Артека он в газетной статье в 1925 году рассказал так: «... Я как-то в тихий осенний вечер бродил по берегу моря около Аю-Дага. Золотились вершины гор, тихо шумели дубы и сосны, поступь моих шагов заглушалась плеском волны. Давно не чувствовал я такой тишины, покоя и красоты. Мысленно перенёсся я на улицы московских окраин, - увы, всё ещё по старинке носящих название «фабричных», - где пролетарская детвора проводит быстротечные летние дни в пыли, в зловонии заднего двора, среди городского шума и гама...».

Обременённый многочисленными государственными заботами, Зиновий Петрович по собственной инициативе взвалил на себя бремя забот, связанных с созданием в стране детского здравоохранения, для чего при Российском обществе Красного Креста создал специальную Службу здоровья пролетарских детей.

Начало 20-х годов XX столетия ознаменовалось рождением в 1922 году Всесоюзной пионерской организации. В летнее каникулярное время повсюду в стране открывались пионерские лагеря и для выработки системы работы этих лагерей необходима была экспериментальная база – Всесоюзный пионерский лагерь – место для которого в урочище Артек совершенно случайно обнаружил и облюбовал Зиновий Петрович.

Он впоследствии писал: «... Дорога в Крым, - благодатный, блистающий всеми красками, какими только обладает природа, - для пионера открыта. Её открыл лагерь в Артеке».

16 июня 1925 года здесь был открыт палаточный летний лагерь. Состоял он из четырёх брезентовых палаток, способных вместить 80 ребят в смену. Смен было четыре, и к концу сезона всего здесь побывало 320 детей.

На зиму палатки были убраны до следующего лета. Первым директором и главным врачом лагеря с 1925 по 1932 год был Фёдор Фёдорович Шишмарёв.

В следующем, 1926 году, в лагере было уже не четыре, а шесть палаток. Это позволило принять за лето 875 ребят из различных уголков страны, а также группы немецких спартаковцев и английских пионеров. Если в 1925 году лагерная кухня размещалась в «Чёртовом домике», а столовая – под открытым небом, то в 1926 году кухня и павильон столовой построили около старинного особняка Метальниковых (ныне краеведческий музей).

Сезон 1927 года завершить до конца не удалось. 11 сентября в 0 часов 20 минут девятибальное землетрясение встряхнуло южнобережье. Детей, к счастью, в лагере не оказалось: была пересменка. В связи с землетрясением лагерь был закрыт досрочно

К началу сезона 1928 года взамен брезентовых палаток были построены шесть летних деревянных павильонов вместимостью по 40 коек каждый, медпункт и административный дом. В лагерь провели водопровод и электричество.

В сентябре 1928 лагерь в последний раз посетил З. П. Соловьёв. Тяжело больной, на совещании сотрудников лагеря он высказал мысль о том, что «Артек» должен быть круглогодичным лагерем, но для этого нужно построить капитальное жилое здание санаторного типа со всеми необходимыми бытовыми условиями. В ноябре этого же года З. П. Соловьёв скончался, но идея его была претворена в жизнь.

В мае 1930 года на территории Верхнего парка было завершено строительство большого санаторного корпуса для круглогодичного пребывания в нём детей. Этот лагерь назвали Верхним, а летний, на берегу моря, с той поры стали называть Нижним.

В 1932 году в бывшем доме Метальниковых была открыта первая в «Артеке» Детская техническая станция, а в старом потёмкинском доме, на территории Нижнего лагеря (на месте нынешнего гостевого корпуса в лагере «Морском»), функционировал краеведческий музей «Артека».

16 сентября 1936 года в Кремле состоялся правительственный приём 220 артековцев. Результатов этого исторического приёма стала передача «Артеку» дома отдыха ВЦИК СССР

«Суук-Су». Новый лагерь принял первую партию пионеров в марте 1937 года. В числе первых артековцев этого нового лагеря были и дети борющейся с фашизмом республиканской Испании.

16 июня 1940 года «Артек» отметил своё пятидесятилетие. За эти годы в лагере побывало более 32 тысяч детей из всех союзных республик страны и из десятков зарубежных стран.

Путёвкой в «Артек» награждались ребята, проявившие себя в труде, общественной работе, совершившие героические поступки при авариях, пожарах и наводнениях, в искусстве, спорте, техническом творчестве и т.п.

Опыт работы «Артека» в организации учебно-воспитательной и оздоровительной работы с детьми становился достоянием детских оздоровительных учреждений страны, школ, детских домов, Дворцов пионеров, детских спортивных школ и станций юных техников.

Идея З. П. Соловьёва оказалась жизненной и полностью себя оправдала.

В О Й Н А

Жить бы, мир отдав в наследство детям,
И на жизнь глядеть во все глаза!..
Но в июне звёздном, на рассвете,
Грянула военная гроза.

О вероломном нападении Германии на нашу страну артековцы узнали в 12 часов дня в воскресенье 22 июня 1941 года из выступления по радио В. М. Молотова.

Страшное это известие в считанные минуты перевернуло сознание и привычный мирный образ жизни миллионов советских людей. Сразу же после сообщения о начале войны тысячи военкоматов в городах и райцентрах страны были буквально осажены военнообязанными и невоеннообязанными, требовавшими немедленной отправки на фронт.

В первые часы и дни начала войны многие сотрудники лагеря были призваны в действующую армию. Тихо стало в лагерях, вечерами не светились окна корпуса Верхнего лагеря и дач лагеря «Суук-Су», темно было и в домах сотрудников – светомаскировка.

А затем из Москвы поступило распоряжение немедленно эвакуировать детей из лагеря, отправить их по домам, к родителям. Оставлять детей в лагере было небезопасно, так как в первые утренние часы 22 июня вражеские бомбардировщики совершили налёт на Севастополь, расположенный всего лишь в сотне километров от «Артека». А для авиации того времени

лишняя сотня километров ничего не значила. И дети в 2-3 дня были отправлены из лагеря в свои родные места. Но не все. Около двухсот ребят, прибывших в лагерь из Эстонии, Литвы, Латвии, западных областей Белоруссии и Украины, а также из Молдавии, домой попасть уже не могли. В их родных местах бушевала война. В Москве было принято решение вывезти этих детей в Подмоскowie, в район Серебряных прудов, где в селении Середниково находился дом отдыха «Мцыри». Здесь и разместили прибывших из Крыма артековцев. Группу эту возглавил начальник Верхнего лагеря Гурий Григорьевич Ястребов, которому суждено было разделить с этими детьми все тяготы неоднократных переездов и оставаться с ними до конца войны.

Вместе с Гурием Григорьевичем с детьми работали его жена, врач А. В. Приказчикова, и артековские вожатые Тося Сидорова, Нина Храброва, Володя Дорохин и Анатолий Пампу.

С началом военных действий решением местных гражданских и военных властей в населённых пунктах Южного бережья было введено специальное круглосуточное дежурство патрулей, формируемых из числа не призванных в действующую армию мужчин. Патрули эти обязаны были вести наблюдение за воздушным пространством и морской акваторией. Дело в том, что в прибрежных районах Крыма поползли слухи о немецких и румынских подводных лодках, перископы которых неоднократно наблюдали недалеко от берега, а в ночное время, когда в небе пролетали вражеские самолёты, тайные немецкие лазутчики сигнализировали им с яйлы и из лесной чащи фонарями и ракетами. «Ракетчики» нагло сигнализировали и с крыш, и с чердаков жилых и общественных зданий населённых пунктов, а обнаружить их удавалось довольно редко. Безоружные патрули, численностью от 3-х до 5-и человек, брали с собой нехитрую снедь и уходили на неделю в горы. Технических средств связи с побережьем у них не было.

В первых числах ноября патруль в составе артековских сотрудников С. Осташкова, А. Дремлюгина и Я. Победоносцева ушли на яйлу в район Роман-Коша и пробыли там чуть больше недели. Сверху они наблюдали движение военных частей и техники по южнобережному шоссе. Над ними на небольшой высоте проносились немецкие бомбардировщики и торпедоносцы, снизу доносилась частая пальба.

Смены патрульные так и не дождались, и решили спуститься вниз, домой, так как продукты кончились и на быструю смену они уже не надеялись.

И спустились, но теперь уже в оккупированный немецко-румынскими захватчиками «Артек». И угодили они и им подобные из числа жителей Гурзуфа, Кизилташа, Партенита и других населённых пунктов прямо в лапы жандармов из полевой жандармерии, обосновавшейся в помещении гурзуфской милиции, где после дотошных, изнурительных допросов и издевательств их вывезли в Симферополь, где заключили в лагерь военнопленных, устроенный

оккупантами в бывшем овощехранилище под названием Картофельный городок. Здесь провели они более двух лет, пока не были освобождены воинами 4-го Украинского фронта 13 апреля 1944 года.

Осенью 1941 года, когда немецко-фашистские войска рвались к Москве, артековцев на речном теплоходе «Правда» отправили в г.Горький, где перевели на теплоход «Урицкий», который доставил их в Казань, а затем и в Сталинград. В Сталинграде они прожили недолго и ребят автомашинами перевезли в станицу Нижне-Чирская на Дону.

Когда же немцы в 1942 году развернули широкомасштабное наступление на Сталинград и на Северный Кавказ, артековцев в который уже раз перевезли в Сталинград, оттуда в Фролово, затем в Камышин, а из Камышина снова в Казань, где пересадили на речной пароходик «Тукаев» и отправили в Уфу. Из Уфы автомашинами, а затем поездом привезли в Бийск на Алтае, откуда 11 сентября 1942 года, задёрганные до предела, ребята прибыли в курортный посёлок Белокуриху, где им предстояло жить, учиться и работать до середины 1944 года.

Осенью 1941 года развернулись тяжёлые бои на Перекопе, враг рвался в Крым. К началу ноября гитлеровцы прорвали оборону и ворвались на полуостров. Наши войска с тяжёлыми оборонительными боями отходили к Севастополю.

6 ноября 1941 года «Артек» был оккупирован немецко-румынскими войсками.

Завоеватели установили в Крыму жёсткий оккупационный режим. Среди многих замученных и расстрелянных жителей Южнобережья была семья артековского врача Николая Фёдоровича Гнеденко. Его, жену его – врача Любовь Ароновну Вербицкую, и их 11-летнего сына Владика гестаповцы расстреляли в Массандровском парке.

Своё вторжение в «Артек» оккупанты ознаменовали тем, что взорвали морские причалы, а затем полностью разобрали постройки Нижнего лагеря, разрушили трибуны костровой площади. Краеведческий музей разворовали и в его залах устроили конюшню. Домик Соловьёва превратили в хлев, где держали овец и коз. В конце декабря 1941 года во время пьяной оргии во дворце «Суук-Су» офицеры подожгли его, и пожар уничтожил прекрасное творение архитектора Краснова. Фарфоровые фигуры Аллеи национальностей были разбиты автоматными очередями. Мебель и другое имущество лагерей было разграблено, оставшихся на оккупированной территории сотрудников лагеря выгнали из квартир, которые тут же были заняты солдатами и офицерами немецкой и румынской армии.

С первых дней оккупации начались планомерные рубки деревьев в парках лагерей на дрова и на строительство дотов и дзотов вдоль береговой зоны.

В отличие от Нижнего лагеря, стёртого с лица земли, корпус Верхнего лагеря уцелел. Немецко-румынское командование решило использовать его в качестве санатория для довыздоровления после госпитального лечения раненых господ офицеров вермахта. Помещения же клуба, коммунальной столовой, детской технической станции, электростанции и другие были разграблены и разрушены. Такая же участь постигла и сооружения лагеря «Суук-Су».

С началом войны резко ухудшилось снабжение Южного берега продуктами питания и многие сотрудники лагеря, оказавшиеся на оккупированной территории, покинули свои жилища и перебрались к родственникам и хорошим знакомым в степные районы Крыма и юга Украины, где надеялись как-то выжить. «Артек» обезлюдел, лишь кое-где ещё теплилась жизнь, тревожная, настороженная, полная неожиданностей и опасностей.

22 февраля 1943 года на траверзе «Артека» в 3-4 км от берега появились два советских эсминца, которые сходу открыли артиллерийский огонь по Ялтинскому порту, где базировались вражеские суда. Береговая артиллерия немцев, которая располагалась западнее Гурзуфа, в урочище Гугуш, открыла огонь по кораблям. Вскоре сюда нагрянули немецкие самолеты-торпедоносцы, и началось ожесточённое сражение. Эсминцы, отстреливаясь, вынуждены были уйти в открытое море и, скрывшись в тумане, ушли к кавказским берегам.

А спустя сутки после этого сражения морские волны вынесли на артековский берег погибшего моряка-черноморца. Оккупанты тайно погребли его на «диком» пляже к востоку от Нижнего лагеря и вскоре штормовые волны нагромодили над могилой огромные обкатанные валуны.

По окончании войны могилу моряка обнаружить не удалось. В 1962 году на территории лагеря был установлен памятник Неизвестному матросу работы московского скульптора А. А. Емельянцева.

От немецко-румынских оккупантов «Артек» был освобождён в ходе боёв за Крым весной 1944 года. 15 апреля воинская часть Отдельной Приморской армии вступила на артековскую землю. То, что предстало их взору, потрясло издавших виды воинов.

В частях и подразделениях Отдельной Приморской армии, 51-й армии, освобождавшей Севастополь, и во всех полках, дивизиях и корпусах 4-го Украинского фронта прошли собрания и митинги, на которых воины-освободители Крымской земли единодушно высказались за то, чтобы, не дожидаясь полного окончания войны, немедленно приступить к восстановлению «Артека» и подарить советским детям их любимый лагерь.

Ещё на мысе Херсонес наши воины добивали остатки гитлеровского воинства, а в «Артеке» уже кипела работа. Командование фронта в лице генерала Ф. И. Толбухина направило

в «Артек» инженерно-строительный батальон во главе с инженер-подполковником И. П. Рыбоковым и инженер-капитанами А. К. Джинчарадзе и Н. Р. Токаревым.

В течение месяцы бойцы этого батальона разминировали территорию и многие объекты лагеря, произвели ремонт зданий и сооружений, дорог и мостов, построили временный причал в Нижнем лагере, передавали лагере 2 трофейные грузовые машины и лошадей с повозками, различные материалы и инструменты. Вместе с воинами самоотверженно трудились и немногочисленные работники лагеря.

Для руководства восстановительными работами из действующей армии был отозван довоенный начальник Верхнего лагеря Александр Фёдорович Кабанов, который и стал первым, после освобождения «Артека», его директором.

« И СНОВА СЧАСТЛИВЫХ РЕБЯТ ГОЛОСА В ЛЮБИМОМ «АРТЕКЕ» ЗВЕНЯТ »

К августу 1944 года совместными усилиями военных и многочисленных сотрудников лагерь был в основном подготовлен к приему ребят.

Первую группу детей лагерь принял 6 августа. Из городов и районов Крыма ребят везли грузовыми машинами, выделенными воинскими частями.

Нелегко было в условиях военного времени организовать и наладить деятельность «Артека». С помощью военных лагерь снабжался продуктами питания, управление госпиталями Крыма выделило необходимое количество постельного белья и наматрасников, которые набивали сеном и использовали в качестве матрацев. Душистым сеном набивали и наволочки, перовых подушек не было. С большим трудом приобреталась детская одежда, строительные материалы, медикаменты, отсутствовал транспорт, не было инвентаря для пищеблоков, лагерь, как и весь Крым, не получал электроэнергию.

Не хватало и сотрудников, штаты были укомплектованы наполовину штатного расписания. И всё же лагерь жил и успешно решил свои бесчисленные проблемы.

9 мая 1945 года сотрудники и дети «Артека» с величайшей радостью и торжеством встретили долгожданную весть об окончании войны, о безоговорочной капитуляции Германии.

С окончанием войны живее пошла работа по дальнейшему восстановлению лагеря. Возвращались из действующей армии демобилизованные сотрудники лагерей и с ходу включались в работу. Москва командировала в «Артек» лучших, опытных пионерских работников, врачей, медсестёр и других специалистов, улучшалось материальное снабжение.

Летом 1945 года начал функционировать Нижний лагерь. На фундаменте разрушенных оккупантами домиков установили сорокаместные брезентовые палатки, переданные лагерю от имени Международного Красного Креста супругой английского премьера Клементиной Черчилль зимой 1945 года, в дни работы Ялтинской конференции руководителей трёх держав антигитлеровской коалиции. Палатки эти точно совпали по размерам с уцелевшими фундаментами и лагерь возродился к жизни, но снова, как и в 20-е годы, - палаточным. Таким он и просуществовал целых 15 лет, до 1961 года.

До 1954 года артековские лагеря делились на девичьи и мальчиковые. Мальчиков принимали Верхний и Нижний, а девочек – «Суук-Су» и «Колхозная молодёжь». Этот дом отдыха, расположенный под сенью Генуэзской крепости на восточной окраине Гурзуфа, был передан «Артеку» в 1945 году и принял первых детей в июле 1945 года.

Трудности первых послевоенных лет воспринимались с пониманием и люди делали всё возможное, чтобы своим трудом их преодолевать, делать всё от них зависящее, создавать комфортные условия жизни в лагере для измученных войной детей.

В лагерях, как и во всём Крыму, отсутствовала электроэнергия, не хватало топлива, были перебои в снабжении питьевой водой. Нелегко было обеспечивать лагеря продуктами питания, отсутствовал свой транспорт и т.п. Впроголодь жили сотрудники и члены их семей, не хватало жилья, ютились в различных, плохо приспособленных для жилья, помещениях.

И всё же трудности эти преодолевались, и дети уезжали из лагеря поправившимися, окрепшими, здоровыми.

В конце 1945 года была восстановлена и стала выпекать хлеб собственная пекарня, что существенно улучшило снабжение свежеспеченным хлебом лагерные столовые и сотрудников.

В конце 1946 года в трофейных складах Министерства обороны СССР, расположенных в Подмоскowie, удалось достать десятков портативных переносных госпитальных электростанций английского производства. Их распределили по лагерям. Своими силами восстановили наружную проводку и вечерами в корпуса, на дачи, а несколько позднее и в квартиры сотрудников стали давать электроэнергию. Чадающие коптилки, изготовленные из консервных банок, заменили электролампочками.

В 1947 году в уцелевших помещениях довоенных электростанций установили передвижные, более мощные, генераторы с автомобильными двигателями, а в лагере «Суук-Су» сумели восстановить разукomплектованный оккупантами нефтяной дизель с динамо-машиной. Это позволило устойчиво, с 18.00 до 24.00 часов, снабжать электроэнергией лагерь и жилой

фонд. Проблема снабжения лагерей электроэнергией была окончательно решена в августе 1950 года, когда на полную мощность заработал «Крымэнергосбыт».

В 1952 году в лагере «Суук-Су» (№ 2) развернулось строительство здания нового пищеблока по проекту московского архитектора Е. Сорокиной. В довоенные годы столовая лагеря «Суук-Су» находилась в двух южных залах первого этажа дворца. Оккупанты сожгли дворец, и лагерь остался без пищеблока.

В первые послевоенные годы детей кормили рядом с развалинами дворца, в полуразрушенном помещении бывшей ресторанной кухни, построенной еще в 1903 году, а в летний период – под брезентовым тентом, пристроенном к этой кухне. Позднее в 3-й даче на хоздворе пристроили деревянный павильон столовой, который в первую же зиму после обильного снегопада рухнул под тяжестью снега.

Короче, необходимо было строить капитальное здание пищеблока, и оно было построено и вступило в строй действующих в 1954 году. В том же году архитекторы С. Каневский и Е. Сорокина завершили разработку проекта «Большого Артека», который так же, как и проект 1938 года профессора Гинзбурга, не был претворен в жизнь.

В 1955 году был построен новый пищеблок в Нижнем лагере (№ 4). Сооружённая ещё в 1926 году столовая находилась далеко и высоко над лагерем, что было сопряжено с большими неудобствами. При пятиразовом питании детей значительную часть дневного и вечернего времени занимало хождение по дорожке в столовую, которую ребята метко окрестили «Ай-долой-кило».

Новый пищеблок был построен за рекордно короткий срок – за 24 дня. Проект и рабочие чертежи этого блока питания были разработаны начальником этого лагеря В. Т. Свистовым, а построили его рабочие ремстройотдела «Артека». В 80-е годы вместо этого пищеблока был построен новый.

Значительным событием лета 1955 года стало посещение лагеря первым премьер-министром независимой Индии Джавахарлалом Неру и его дочерью Индирой Ганди.

В этом же году в лагере побывали: В. И. Молотов, Герой Советского Союза, знаменитый полярный лётчик М. В. Водопьянов, С. Я. Маршак и многие другие почётные гости.

1955 год для «Артека» был юбилейным. 16 июня лагерю исполнилось 30 лет. За три десятилетия в лагере побывали около 100 тысяч советских и зарубежных детей.

Конец 50-х годов ознаменовался в «Артеке» массовым увлечением профильными или, как ещё их называли, - отрядами по интересам. Отряды юных друзей Советской Армии, юных друзей пограничников, юных моряков, юных друзей пожарных, юных друзей милиции,

спортивные и туристические, юных техников и санпостовцев, друзей природы и искусств формировались в каждой лагерной смене.

В конце 50-х годов на повестку дня снова, в который уже раз, становится вопрос о значительном увеличении пропускной способности «Артека». В прошлом предпринимались попытки построить Большой Артек, но дальше архитектурно-планировочного проектирования дело не шло.

И вот теперь ЦК комсомола снова обратился к этой идее. Заручившись согласием правительственных инстанций поддержать комсомол в их инициативе, Секретариат ЦК ВЛКСМ поручил Управлению Делами ЦК и управлению «Артека» дать свои предложения по этому вопросу. Работа закипела и в феврале 1959 года Секретариат ЦК ВЛКСМ обсудил и одобрил проект плана перспективного строительства и развития «Артека» на 1959-1965 годы.

Этот план был одобрен и Советом Министров СССР, который поручил разработать проект реконструкции и нового строительства «Артека» Московскому проектному институту № 5 Госстроя РСФСР, где директором был доктор архитектуры А. Т. Полянский.

Институт с воодушевлением принялся за работу и в 1960 году проект, в основном, был готов и утверждён правительством.

Для осуществления строительных работ на базе треста «Ялтастрой» было создано строительное управление СУ-32 во главе с начальником А. И. Чуприной.

На северо-восточной окраине Гурзуфа, в так называемой Мёртвой долине, строители «Артека» построили жилой городок, мастерские, складские помещения, здание управления и т.д. Были приобретены необходимые механизмы, стройматериалы.

Первым объектом «Артека», который подвергся реконструкции, стал палаточный сезонный лагерь Нижний (№ 4).

В декабре 1960 года здесь развернулись строительные работы и за 6 месяцев строители возвели современные корпуса из бетона, стекла и алюминия, провели работы по благоустройству и к началу летнего сезона следующего 1961 года лагерь был готов. Ему присвоили название «Морской». Разноцветные здания удачно вписывались в природный ландшафт, строители не уничтожили ни одного дерева, ни одного куста. В июле этот лагерь принял первых артековцев, а строители переключились на урочище Камака, где в прошлом находилось имение купцов Строгановых. Здесь, на холмах, на которых доживали свой век старые, выродившиеся виноградники, предстояло возвести целый комплекс из 4-х сезонных лагерей на 1680 мест. Проект этого комплекса разработали архитекторы Д. Витухин, В. Белов и инженеры Ю. Рацкевич и Я. Рабинович. Возглавил этот проект А. Т. Полянский.

В декабре 1960 года государственная комиссия с оценкой «хорошо» приняла от строителей новый Дворец пионеров, который по проекту московского архитектора С. Каневского был возведён на старом фундаменте бывшего здания казино курорта «Суук-Су», построенного по проекту архитектора Н. П. Краснова в 1903 году и сожжённого оккупантами в 1941 году. Долго строился этот Дворец, но, в конце концов, он был построен и стал подлинным украшением «Артека». В отличие от прежнего, сгоревшего, в новом были построены новые обширные залы и большой кинозал. Своим внешним видом, интерьером комнат и залов, качеством отделки он оправдывает название Дворца.

В 1961 году в «Артеке» произошло немало важных для лагеря событий: во-первых, в лагере была открыта хорошо оснащённая и оборудованная детская киностудия с солидным названием «Артекфильм», которая за три десятилетия сделала немало документальных фильмов об «Артеке». Кроме того, в новом Дворце пионеров с помощью шефов – командования Краснознамённого Черноморского флота – была оборудована высоkokлассная любительская радиостанция с позывным, который вскоре узнали радиолюбители-коротковолновики почти всех стран мира, - «УБ-5-Артек».

Крупными и ответственными мероприятиями года стали Малые Олимпийские игры, Всесоюзный слёт юных организаторов работы во дворах и на улицах, на протяжении всего летнего периода группы артековцев участвовали в съёмках фильма «Здравствуйте, дети!», который снимал здесь выдающийся кинорежиссёр Марк Донской.

Но кульминацией года следует считать историческую встречу артековцев с первыми лётчиками-космонавтами СССР, космическими братьями Ю. А. Гагариным и Г. С. Титовым, которая состоялась 23 сентября 1961 года на территории обновлённого лагеря «Морской». Собравшиеся на костровой площади ребята встретили героев космоса ликующими криками «Ура!» и стихами артековского поэта Леонарда Кондрашенко:

Товарищ Гагарин! Товарищ Титов!
Мы рады вас видеть в «Артеке»,
Ведь каждый артековец также готов
Отчизну прославить навеки.

Готовы слетать мы к далёким мирам,
К Луне, к неизвестным планетам.
И смелости, может, хватило бы нам,
Да вот не хватает ракеты.

Поэтому просим: когда ещё раз
Вы в космос опять полетите,
Возьмите с собою кого-то из нас,
Кого – вы уж сами решите.

Стихотворный экспромт очень понравился космонавтам. Они стали почётными судьями соревнований по артековской игре с мячом «Снайпер», вручили победителям призы, медали и дипломы со своими автографами. Затем состоялся концерт пионерской художественной самодеятельности.

Тот памятный день положил начало большой и верной до конца, к великому сожалению, жизни Юрия Алексеевича Гагарина, связи с «Артеком». Почти все свои отпуска он проводил в лагере, проживал в корпусе «Аю-Даг» и безотказно участвовал в больших и малых артековских делах.

В первых числах июля 1962 года артековские лагеря принимали делегатов II Всесоюзного пионерского слёта. Более 800 делегатов поселись в новых артековских дружинах «Озёрная» и «Речная».

В июне 1963 года, как и было намечено, строители завершили работы и сдали в эксплуатацию ещё две дружины комплекса лагерей «Прибрежный» - «Лесную» и «Полевую». В июне начал функционировать медицинский корпус нового лагеря, а в июле – приёмно-административный.

С вводом в строй новых дружин комплекса лагерей «Прибрежный» и реконструкцией «Морского» почти вдвое против предыдущих лет увеличилась годовая пропускная способность «Артека». За весь 1963 год в лагере побывали 18023 пионера.

60-е и 70-е годы стали для «Артека» годами интенсивных преобразований на новой качественной основе.

Это, прежде всего, выразилось в осуществлении грандиозной правительственной программы реконструкции и нового строительства Большого Артека, принятой в 1959 году Советом Министров СССР.

Программа эта предусматривала и реконструкцию 4-х старых лагерей, базирующихся на старой, дореволюционной инфраструктуре, и строительство 9-ти новых лагерей с соответствующей или современной инфраструктурой. В случае осуществления намеченной программы пропускная способность «Артека» к концу 60-х годов должна была составлять 35-36 тысяч ребят за год, т.е. против 50-х годов увеличилась бы почти в 4 раза.

Кроме новых лагерей намечалось построить целую систему жизнеобеспечения детской республики, решить проблемы кадров, управления, финансирования, энергообеспечения, жилья для работников «Артека», транспорта, материально-технического и продовольственного снабжения, системы коммуникаций и т.п. Весь комплекс мероприятий осуществлялся в условиях непрерывно, круглогодично действующих лагерей, служб и отделов «старого» «Артека».

С 1961 по 1967 годы были построены новые лагеря комплекса «Прибрежного»: «Озёрный», «Речной», «Лесной» и «Полевой», и комплекса «Горного»: «Янтарный», «Хрустальный» и «Алмазный».

Параллельно со строительством новых лагерей велось строительство жилого микрорайона в Гурзуфе, строений хоззоны, Центрального стадиона, двух районных котельных на территории «Артека» и одной – в микрорайоне. Проводились внутрилагерные коммуникации, благоустраивалась пляжная зона, строились артековская школа и эвакуабаза в Симферополе, комбинат питания и прачечная-химчистка, автобаза, водовод питьевой воды из Ялты и пионерская турбаза «Дубрава» на территории Крымского государственного заповедника.

С введением в строй новых лагерей пропускная способность «Артека» достигла к концу 60-х годов 32 тысяч детей в год, а в 70-80-х годах, за счёт строительства новых павильонов в «Лазурном» и «Кипарисном» лагерях, – до 35 тысяч.

Кроме строительных работ в эти годы проводились большие организационные мероприятия по совершенствованию производственных и административных структур лагерей, отделов и служб.

С увеличением пропускной способности «Артека» возникла острая кадровая проблема и, прежде всего, с кадрами пионерских вожатых. Если до 60-х годов количество отрядных вожатых в целом по «Артеку» достигало в среднем около 100 человек, то теперь их потребовалось более 300. Предвидя проблему, было решено создать на базе «Артека» постоянно действующую Школу пионерских работников, сокращённо ШПР, где теоретически и практически готовить необходимое количество вожатых. ШПР начала работать в 1965 году и проблема на годы и десятилетия была успешно решена.

60-70-е годы стали для «Артека» этапными в деле осуществления воспитательных и оздоровительных задач. Именно эти десятилетия ознаменовались поисками и внедрением в практику работы новых интересных и эффективных форм и методов работы, многие из которых

стали достоянием пионерских организаций республик, краёв и областей страны. В эти годы лагерь стал общепризнанным лидером, лабораторией передового опыта пионерской работы.

Многое из опыта работы «Артека» становилось достоянием ряда зарубежных детских и юношеских организаций.

В эти годы лагерь стал методической и организационной базой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Здесь стали проводиться Всесоюзные пионерские слёты, Международные детские фестивали дружбы, Всесоюзные, Республиканские и Международные детские Олимпийские игры, Всесоюзные слёты и сборы юных техников, туристов, филателистов, шахматистов, юнкоров, тимуровцев, вожатых октябрят, юных друзей пограничников, армии, моряков, милиции и многие другие. Достаточно отметить, что из 10-ти Всесоюзных пионерских слётов 7 проведены в «Артеке». Гостями при проведении этих мероприятий были известные государственные и общественные деятели многих стран мира, в том числе: короли, императоры, президенты и премьеры, лидеры различных политических партий и движений, писатели и поэты, космонавты и известные военачальники, Герои Советского Союза и Социалистического Труда, лауреаты Ленинской и Государственной премий, видные учёные, художники, скульпторы, архитекторы, артисты и драматурги, композиторы и музыканты, заслуженные мастера спорта и их тренеры, известные борцы за мир и дружбу между народами.

В 1993 году «Артеку» присвоен статус Международного детского центра. На его базе проводятся интересные Международные детские кинофестивали с участием известных киноактёров и режиссёров, традиционными становятся Международные конкурсы и смотры юных талантов, мастеров искусств: юных художников, поэтов, прозаиков, музыкантов, мастеров классического танца, детских ансамблей и творческих коллективов. По-прежнему к детям приезжают в стране искусств, учёные, государственные и общественные деятели.

Международный детский центр «Артек» стал детским оздоровительным и воспитательным учреждением Украины. Его посещают президент Л. Д. Кучма, министры и другие государственные, партийные и общественные деятели.

16 июня 1995 года в МДЦ «Артек» торжественно отметил своё 70-летие. В юбилейной смене оказался миллионный артековец. Миллионной была Наташа Лазарь из средней школы № 212 украинского города Ивано-Франковск. В эту юбилейную смену она находилась в 16-м отряде «Речного» лагеря.

Накануне праздника в трёх залах Дворца «Суук-Су» была открыта новая экспозиция музея истории «Артека» и 4-й зал космической выставки с Луноходом в его экспозиции.

16 июня во Дворце «Суук-Су» президент Украины Л. Д. Кучма вручил Генеральному директору МДЦ «Артек» М. М. Сидоренко Почётной Президентский Знак, а сотрудникам «Артека» С. В. Ерохину, С. А. Васильевой, А. А. Полотняненко, В. Т. Свистову, Р. И. Ивановой и С. Е. Лазареву президент вручил удостоверения и нагрудные знаки Почётных званий работников Украины.

В это же день в «Морском» лагере была торжественно открыта «Площадь звёзд», где на мраморных плитах были запечатлены имена артековцев Махмуда Эсамбаева, Анатолия Карпова, Нади Рушевой, Лидии Парфиловой, Саманты Смит, Тамары Гвардцители и Олега Газманова.

На протяжении 28 лет, с 1965 года, проблему кадров вожатых решали в Школе пионерских работников, которую прошли тысячи молодых педагогов нашей страны.

В ноябре 1993 года на базе МДЦ взамен ШПР был открыт социально-педагогический колледж – отделение Московского открытого социально-педагогического университета с четырёхлетним сроком обучения.

В летнее каникулярное время учащиеся колледжа проходили педагогическую практику в артековских отрядах. 5 мая 1998 года состоялся первый выпуск педагогов, окончивших курс обучения в колледже. Выпускникам были вручены государственные дипломы. Последующие наборы слушателей производятся теперь уже не в колледж, а в социально-педагогический институт «Артек».

В новое XXI столетие Международный детский центр «Артек» вступил в совершенно новом качестве, обусловленном коренным изменением общественно-политических и социально-экономических условий, вызванных распадом Советского Союза и провозглашением независимых государств – бывших Союзных республик страны.

«Артек» стал Международным детским центром независимого государства Украины.

И сегодня, как и прежде, «Артек» занимает достойное место среди детских учреждений Украины, государств СНГ и на международной арене.

Былая слава и благотворная современная деятельность МДЦ «Артек» приумножает его популярность в современном мире.

ПАРКИ ГУРЗУФА И АРТЕКА

Воспоминаньями смущённый,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.

А. С. Пушкин

«... В России только один Крым, - писал в «Очерках Крыма» Евгений Марков, - а в Крыму только один Южный берег... Он восстаёт перед твоими очами, перед душою твоею, во всей своей изумительной нечаянности, как что-то неожиданное, нежданное, не похожее ни на что, тобою прежде виданное».

К «нежданному, нежданному, не похожему ни на что», кроме созданного самой матерью-природой, следует отнести и плоды творческого, вдохновенного труда многих поколений крымских ботаников, садоводов, архитекторов и художников – южнобережные парки. В округе гурзуфской таких парков десять: парки Гурзуфского военного санатория, дома отдыха «Пушкино», урочища «Хаста», парки артековских лагерей «Кипарисного», «Лазурного», «Прибрежного», «Морского», «Горного», Виннерский и Дружбы. В конце XIX века, с началом строительства гурзуфского климатического курорта, начались работы и по закладке будущего парка на земельном участке площадью 12 гектаров. Речка Авунда, или Сюнар-путан, направленная по новому руслу, разделила этот участок на две неравные части, связанные между собой мостиками. Вокруг новых, изящной архитектуры гостиниц, живописными группами и сплошными массивами были высажены свыше сотни видов декоративных форм деревьев и кустарников с преобладанием субтропических вечнозелёных и хвойных пород. Среди них кедры ливанские, гималайские и атласские, аукуба, земляничники крупно и мелкоплодные, лавр благородный, секвойя гигантская, различные виды кипариса, османтус душистый, лавровишня, магнолия крупноцветная, самшиты и многие другие растения. Садовники прошлого использовали разнообразие пород растений для композиций садово-паркового ландшафта с учётом рельефа местности и возведённых на территории гостиничных корпусов. В парке преобладают однородные композиционные группы из лиственных и хвойных пород,

перемежающихся с цветниками, клумбами и небольшими зелёными полянами. В приморской части парка была посажена масличная роща. Её зеленовато-сероватая листва отчётливо выделяется среди вечнозелёной парковой растительности. Деревья эти до сих пор, несмотря на преклонный возраст, продолжают плодоносить.

Создатели парков прошлого уделяли большое внимание так называемым малым архитектурным формам, без которых настоящий парк невозможно себе представить.

Бассейны, фонтаны, водные каскады, отдельные скульптуры и скульптурные композиции, беседки, скамейки, павильоны и т.п. тщательнейшим образом проектировались и изготовлялись мастерами самой высокой квалификации. Малые архитектурные формы являются неотъемлемой частью паркового строительства. Гурзуфский парк всегда славился своими фонтанами, скульптурами и другими сооружениями малых архитектурных форм. В одном из самых красивых уголков санаторного парка на площадке перед вторым лечебным корпусом находится широко известный, удивительно красивый и оригинальный фонтан «Ночь». Фонтан это – одна из копий с оригинала работы немецкого скульптора, профессора Бергера – был приобретён владельцем бывшего курорта П. И. Губониным ещё в 1888 году на Всемирной выставке в Вене.

В основу скульптурной композиции фонтана положен древнегреческий миф о богине ночи Никте. Богиня, с пылающим факелом в руке, как бы парит над шарообразным, усеянным звёздами небесным сводом. Шар этот по экватору украшен рельефными изображениями двенадцати зодиакальных созвездий – Овна, Тельца, Близнецов, Рака, Льва, Девы, Весов, Скорпиона, Стрельца, Козерога, Водолея и Рыб. Рядом с Никтой, держась за её руку, стоит юный бог Гипнос, а сзади, чуть выше Гипноса, парит бог любви Эрос со стрелой в руке.

Всю эту гармоничную композицию удерживают на себе две кариатиды и два атланта. Между ними на плоскостях основы размещены античные маски, а над кариатидами и атлантами – рыбы, из раскрытых пастей которых вверх бьют водяные струи как бы стремящиеся залить, погасить свет факела в руках богини. Из раскрытых ртов четырёх масок также изливаются в бассейн фонтана мощные струи.

Фонтан «Ночь» пользуется большой популярностью у местных жителей и у многочисленных гостей курорта. Здесь всегдалюдно, сюда приходят группы организованных экскурсантов, отряды артековцев, возле фонтана фотографируются, многие любят посидеть возле него на скамейках, полюбоваться красотой здешних мест. Но, к сожалению, на протяжении последних десятилетий фонтан молчит, рыбы молча смотрят на богиню, молчат и

маски. Изредка, по большим когда-то праздникам, оживал на короткое время фонтан, да и то не в полную силу. Хилые, слабые струйки воды не способны были «погасить» свет факела.

А в последнее время фонтан подвергается безжалостному, варварскому поруганию со стороны каких-то нелюдей. Сначала отпилили ногу одному из атлантов, а затем отломили руку кариатиде. Если так и дальше пойдёт, то фонтаном этим можно будет любоваться только на фотоснимках.

Есть в этом парке ещё один старинный фонтан, называется он «Рахиль». На четырёхугольном, вычурной архитектуры, основании в центре круглого бассейна возвышается античная колонна без капители, на торце которой установлено скульптурное изображение красивой стройной девушки с кувшином на плече, из которого в бассейн выливается струя воды. Девушку эту зовут Рахиль – дочь Лавана, персонажа из библейского сюжета о родословной Ноя.

На четырёх гранях основания укреплены античные маски, из развёрстых ртов которых изливаются мощные струи. И об этом фонтане можно сказать, что струи не изливаются, а изливались когда-то, фонтан давным-давно безмолвствует, и даже маски исчезли, вместо них из стенок основания сиротливо торчат ржавые трубки.

И вообще фонтаном этого чудесного парка хронически не везёт. В годы немецко-румынской оккупации из парка исчезли скульптурные композиции некогда известных фонтанов «Нимфа», «Муза» и «Первая любовь». Удивительно, но отступающие в панике в апреле 1944 года оккупанты не увезли и не уничтожили уникальный фонтан «Ночь», но в нескольких местах всё же прострелили фигуру богини Никты. В первые послевоенные годы в парке были установлены новые скульптуры: «Купальщица», «Мать, купающая детей», «Олени на водопое», «Медведица с медвежатами», «Футболисты» и бюсты писателей и поэтов прошлого. Надо сказать, что изготовленные из бетона эти стандартные, изготавливавшиеся в 50-е годы поточным методом, скульптуры и скульптурные композиции не представляли никакой художественной ценности и постепенно заменяются новыми, высокохудожественными произведениями современных мастеров.

В юго-восточной части гурзуфского парка расположен исторический уголок Гурзуфа, связанный с пребыванием здесь в 1820 году А. С. Пушкина. Владелец этого уголка, герцог де Ришелье, построил здесь в 1811 году дом и заложил сад, который носит ландшафтный характер, но южная, прибрежная его часть напоминает итальянский сад. Здесь выделяются живописные группы и рощи ливанского и атласского кедров, сосны итальянской и кипариса пирамидального,

среди которых почитатели Пушкина упорно разыскивают тот, к которому поэт проникся чувством, «похожим на дружество».

Из экзотов в парке произрастают кипарисовик Лавсона, магнолия крупноцветная, дуб каменный, кедр речной, плакучая форма кедра ливанского и могучие платаны. В садово-парковых композициях выразительный лавр благородный, лигуструм блестящий, буксус и многие другие. Возле дома сохранились мраморный фонтан-ваза, а на парапете, окаймляющей цветочный партер – красивые вазы старинной работы. Здесь же - новый обелиск в память пребывания здесь великого русского поэта.

В северной части Гурзуфа у троллейбусной трассы Симферополь – Ялта расположен небольшой и сильно запущенный парк бывшего имения Бидермана – «Хаста». Здесь когда-то стоял небольшой двухэтажный особняк, от которого остался фундамент да полуразрушенный кухонный ледник. Парк этот создавался по типу ландшафтного. Наряду с традиционными кипарисами, кедрами и соснами были посажены и некоторые экзотические вечнозелёные растения. Парковая территория была распланирована и благоустроена, о чём свидетельствуют жалкие остатки лестничных переходов, аллей, дорожек, цветочных клумб и партеров.

Второй гурзуфский парк – ныне территория артековского лагеря «Кипарисный» - расположен в восточной, окраинной части курортного посёлка. В дореволюционный период территория эта по частям принадлежала гурзуфскому мулле, врачам Наумову и Назирову, Сираковскому, княгине Кавкасидзевой, миллионеру Гучкову и другим. До Великой Отечественной войны здесь находился дом отдыха «Колхозная молодёжь».

Парк этот площадью около 9 гектаров был по частям заложен в начале нынешнего столетия и с годами превратился в сплошной, очень красивый вечнозелёный массив.

Характер архитектурной планировки парка определялся своеобразием рельефа местности – довольно крутым каменистым склоном в сторону моря, что вынудило прибегнуть к частичному его террасированию. Генуэзская скала с остатками средневековой крепости в западной части парка, величественная панорама местности к востоку от этого парка, замкнутая громадой Аю-Дага, скалы Адалары в море и уютная бухта – всё это придаёт парку экзотический облик.

В самой верхней его части с запада на восток пролежала основная парковая аллея – кипарисовая. От неё несколькими ответвлениями сбегает вниз, к морю, неширокие тропинки с многочисленными лестничными переходами и площадками. Тропинки эти и укрепляющие их подпорные стенки из камня-известняка обсажены кустами жасмина голоцветного, расцветающего ранней весной золотистыми соцветиями.

Всего в этом небольшом парке произрастает до 180 видов, разновидностей и декоративных форм деревьев и кустарников с преобладанием экзотических растений из субтропических районов мира. Среди них – кедры, кипарисы гвадалупский, лузитанский и пирамидальный, есть и небольшая рощицы кипариса горизонтального. Эффектно выглядят здесь сосны итальянская, Сабина и монтезумы, османтус американский и душистый, фейхоа, лавр благородный, дуб каменный и пробковый, олеандр и мирт обыкновенный, торрея, лигуструм блестящий золотистый, магнолия крупноцветная и многие другие.

Растения размещены рощами, отдельными видовыми группами и удачно, с большим художественным вкусом вписаны в местный ландшафт. Особой красотой отличается в этом парке его западная часть – небольшая ровная площадка, осенённая величественными утёсами Генуэзской скалы. Здесь выделяются наиболее ценные экзотические растения и среди них – секвойя гигантская, болотный кедр, сосна Монтезумы, гималайские кедры и средиземноморские пихты, османтус душистый, мушмула японская, буксус обыкновенный и многие другие. Совсем ещё недавно в зелёный наряд этой части парка эффектно вписывались колоннада-ротонда, памятник А. С. Пушкину и два фонтана.

В восточном направлении от этого парка в полукилометре от лагеря «Кипарисный» расположен прекрасный парк бывшего знаменитого российского курорта «Суук-Су» - ныне парк артековского лагеря «Лазурный».

Между двумя парками простирается холмистая местность, заросшая кустами ядовитого сумаха и колючего держи-дерева, багрянника, всюду кустики ядовитого молочая, низкорослые деревья опутаны плетями крымской лианы-ломоноса, целые участки заросли непроходимыми массивами колючих кустов шиповника и ежевики.

В средние века здесь образовался обширный могильник с христианским храмом в центре. В 1951 году были проведены разведочные археологические раскопки, давшие богатый материал. В юго-западной части этого массива сохранились три старинной постройки дома. До революции это были владения Гурова. Здесь еще жива рощица старых грецких орехов. В плане Большого Артека второй очереди на этом участке намечалось строительство хозяйственной зоны двух лагерей – «Лазурного» и «Кипарисного». А пока это – неосвоенная целина.

Парк имени «Суук-Су» занимает земельный участок площадью 22 гектара. Раскинулся он на склонах и скалах Лысого бугра в урочище Хазары. Местоположение и природные условия этого парка поражают своей неповторимой красотой и выразительностью. Тот же Аю-Даг на востоке, северная сторона – скалистые склоны Лысого бугра, а за ними просматриваются вершины полуторакилометрового горного массива Бабуган. На северо-западе и западе –

грандиозные обрывы г. Авинда, крутые склоны Никитской яйлы и мыс Мартьян, а с юга – море, удобная бухта и отличный пляж. В конце XIX новый владелец урочища Хазары действительный статский советник В. И. Березин приступил к строительству первоклассного российского курорта «Суук-Су». Строились гостиничные и хозяйственные здания, прокладывались дороги и хозяйственные коммуникации, а на месте старых виноградников и фруктовых садов прежних владельцев урочища закладывался ландшафтный с элементами регулярного парк.

Для руководства работами был приглашён известный в то время садовод Э. Ю. Либ, который зарекомендовал себя как специалиста работой в Партенитском и Карасанском имениях генерала М. Н. Раевского.

В основу парка Э. Ю. Либ положил так называемый ландшафтный стиль и только в районе дворца-казино, на небольшом участке – регулярный стиль: система подпорных стен, террас, балюстрад, лестничных переходов, мостиков, гротов и пр., что напоминает итальянские террасные сады. Сверху к морю можно пройти тремя основными пешеходными парковыми магистралями, от которых в разные стороны расходятся тропинки и дорожки. От дворца-казино через весь парк проложили экипажную дорогу, ведущую к северо-западным основным воротам имения.

На первой перед дворцом-казино террасе был устроен обширный цветочный партер. Береговая полоса была подкреплена подпорной стенкой из тёсаного камня-известняка с красиво оформленными лестничными спусками на пляж. В парковых насаждениях представлено более трёхсот видов и садовых форм деревьев и кустарников, и среди них такие экзоты как пихта средиземноморская, сосны, пробковый и каменный дуб, магнолия крупноцветная, кедры, кипарисы, лавр благородный, пальма веерная, рожи кипариса горизонтального, кедр ливанского, сосны алепской, имеются и очень редкие экземпляры экзотических растений. Кроме экзотов в парке произрастают деревья из семейства родной нам флоры: тополь, каштан конский, дуб скальный и пушистый, липа, акация, сирень и др. Многие поколения садоводов пестовали этот замечательный парк, преумножая его зелёные богатства.

К пятидесятилетию «Артека», весной 1940 года, приморская аллея парка была украшена фарфоровыми скульптурами пионеров – представителей одиннадцати союзных республик того времени. В лагере «Суук-Су» появилась «Аллея национальностей». Скульптуры эти были уничтожены немецко-румынскими захватчиками в первые же дни вражеской оккупации 1941 года. Устроители парка Суук-Су уделили должное внимание и малым архитектурным формам.

Подпорная стена вдоль всей экипажной дороги, проложенной в центральной части парка, имела лестничные входы, украшенные декоративными вазами. На основных аллеях парка были

расставлены красивые скамейки. В начале приморской аллеи была построена красивая оркестровая эстрада, сохранившаяся до наших дней. Особую ценность представляют собой кованые решётки мостов через речку Суук-Су и лестничные марши, ведущие от дворца-казино к пляжу. Кованые решетки и перила высокохудожественной кузнечной работы поражают изяществом и ажурностью.

Были здесь и скульптурные изображения двух сфинксов, а в нише – мраморная фигура богини лесных вод Наяды. Башенка над обрывом к морю в юго-восточной части парка называлась Султанской. В конце пляжной полосы возвышается башня, построенная из тёсаного камня-известняка. Стрельчатые окошки, балюстрада по периметру крыши заставляли думать о каком-то особенном предназначении этого сооружения. На самом же деле эта башня – ни что иное, как насосная, подававшая морскую воду в водолечебницу курорта. Другая подобная, ещё более красивая башня, построенная в верхней части парка, строилась как вместилище для огромного металлического бака, ёмкостью в 12 тысяч вёдер питьевой воды. Изящные светильники, беседки, киоски для продажи винограда и цветов – всё это радовало глаз и придавало парку неповторимую красоту. До сих пор ещё возвышается в центре пляжной полосы красивый каменный постамент, на котором была установлена трёхметровая беломраморная фигура ангела. По окончании гражданской войны эта фигура куда-то исчезла и только постамент напоминает о ней.

В прошлом в парк Суук-Су можно было пройти через главный вход в северо-западной части имения. Кроме того, был вход и экипажный спуск в центральной части северного участка имения в так называемую хозяйственную зону. Сейчас этот вход называют «пролом». И была ещё маленькая калитка в каменной стене напротив дворца. Построенный по проекту архитектора Краснова в 1903 году дворец-казино «Суук-Су» был сожжён оккупантами в 1941 году, а построен заново, теперь уже по проекту архитектора С. Каневского, в 1961 году. Это величественное белокаменное здание и сегодня является подлинным украшением территории лагеря «Лазурный». Возле здания установлен памятник Н. К. Крупской работы известного скульптора, профессора А. А. Емельянцева, на стене дворца – мемориальная доска в память о пребывании Н. К. Крупской в доме отдыха «Суук-Су» в 1932 году и другая – в память основателей курорта «Суук-Су» В. И. Березина и О. М. Соловьевой, установлена в 1997 году.

На Пушкинской площадке, возле смотровой башенки – Султанской, установлен беломраморный бюст А. С. Пушкина работы А. А. Емельянцева. В скале, на которой возвышается башенка и установлен бюст А. С. Пушкина, находится так называемый «Пушкинский грот», а рядом с ним «Изумрудный». Доступ в эти гроты возможен только со

стороны моря. Существует мнение, что известная картина И. К. Айвазовского и И. Е. Репина «Пушкин на берегу моря» или «Прощай, свободная стихия!» написана ими здесь, неподалёку от города Пушкина. Но прямых доказательств на сей счёт не существует. При восстановлении сожжённого оккупантами дворца «Суук-Су» был построен ещё один проезд ко дворцу – Восточный. Если через эти ворота направиться в сторону лагерей восточной зоны, то через пять-семь минут можно слева от шоссе увидеть молодой, небольшой, площадью всего в 2 гектара, парк Дружбы, заложенный в 1973 году представителями детских и юношеских организаций 47 стран. С той поры прошло три десятилетия. Маленькие саженцы кедров ливанского, гималайского и атласского, кипариса пирамидального и лузитанского отлично прижились, выросли и в содружестве с местными дикоросами представляют сегодня прекрасный зелёный массив.

Среди деревьев, посаженных зарубежными детьми, есть и деревья, посаженные тогда же, в 1973 году, и несколько позже летчиками-космонавтами СССР, известными писателями и поэтами, мастерами спорта, деятелями искусства.

К востоку от парка «Дружба», сразу же за горной речкой Камака, раскинулась обширная, в 32 гектара, территория комплекса артековских лагерей «Прибрежный», на которой в 1962-1963 годах были возведены корпуса дружин «Озёрная», «Речная», «Лесная» и «Полевая».

В начале XIX века здесь, в урочище Камака, находилось имение Ашера.

С годами имение меняло владельцев. Долгие годы оно принадлежало потомкам старинного купеческого рода Строгановых, тех самых, которые по поручению Ивана Грозного снаряжали дружину Ермака Тимофеевича на завоевание Западной Сибири. Последним перед революцией владельцем имения стал владелец имения «Артек» И. А. Первушин. Название же Строгановка – дошло до наших дней. До 1961 года здесь ещё сохранялся старинный двухэтажный дом, осеняемый старыми кипарисами. Дома уже нет, а кипарисы живы. Парковых насаждений здесь не было, вся территория имения представляла собой сплошной виноградник. Кое-где сохранились отдельные рощицы дикоросов, таких как дуб, ясень, клён, в прибрежной зоне тамариск, шиповник, ежевика и колючие кустарники держидерева. Сейчас на этой территории произрастает парковый массив, заложенный здесь в 1963 году. Парк этот устроен в ландшафтном стиле в удачном сочетании с регулярным, особенно в центральной части зелёного массива. Парковые рабочие «Артека» под руководством молодого в то же время агронома Н. П. Гаврикова проявили незаурядный художественный вкус, превращая голые, выжженные солнцем, холмы в зелёную сокровищницу. В соседстве с дикоросами здесь радуют взор такие интродуценты, как кипарис, миндаль, акация, кедр, цирцис, инжир, магнолия, туя, буксусы и

другие вечнозелёные растения. Хорошо прижились целые массивы сосны крымской, как в нижней, так и в верхней частях парка.

Из малых архитектурных форм этого парка обращает на себя внимание необычные скульптурные композиции модернистского направления. Кроме того, в парке широко использованы и такие декоративные элементы, как причудливой формы стволы старых деревьев, пни, украшенные вазонами, увитые зеленью обломки скал и т.п.

У этого парка пока ещё младенческий возраст, около сорока лет, но, как говорится, возраст не помеха. Парк это занимает достойное место среди известных парков южного побережья. Продолжая продвигаться дальше, в восточном направлении, переходим по мостику речку Артек и попадаем, как писал Е. Марков, в «царство Аю-Дага». Здесь на обширной территории урочища Артек, находится три из семи артековских парков, причём самые старые из них: Верхний, Нижний и Виннерский (Гартвиса). Общая площадь нынешних парков в урочище Артек составляет сегодня 39 гектаров, из них Верхний – 25 гектаров, Нижний – 7 гектаров и Виннерский – 7 гектаров. Необходимо отметить, что парки этой зоны не имеют чётко выраженных границ и незаметно переходят в лесопарковые и лесные массивы. Дикоросы здесь органично сливаются с экзотическими растениями, подавляющее большинство которых вечнозелёные. Начало парковому строительству в этом урочище положил в начале 20-х годов XIX столетия первый владелец имения в Артеке граф Густав Олизар. Вокруг его особняка были высажены лавр благородный, розы, буксус, кипарисы. Новые владельцы Артека, Потёмкины, продолжили эту работу на всей территории своих владений, как в верхней части урочища, так и в приморской, где посадили большую рощу оливковых деревьев, лавр благородный, кипарис, тую, буксусы, лавровишню и многие другие экзоты. И последний до революции владелец Артека И. А. Первушин внёс свою весомую лепту в строительство этих двух парков, связанных между собой тенистой аллеей, которую артековцы называли «Молотовской», а по сути представляющих единое целое.

В насаждениях этих парков представлено до двух тысяч видов и форм деревьев и кустарников, среди которых много редких экзотических растений. В основе насаждений много лесных местных пород, так называемых дикоросов, среди которых пушистый дуб и сосна крымская, грабинник и терпентинное дерево, клён и рябина крупноплодная, земляничник мелкоплодный и кизил, ясень и можжевельник высокий, пузырник киликийский и ладанья крымская, тополь и многие другие растения. Среди этого зелёного богатства выделяются своей красотой и разнообразием форм и цветов болотный кипарис, секвойя гигантская, пихта средиземноморская, земляничник крупноплодный, кедр атласский, гималайский и ливанский,

мушмула японская, лагерстремия (индийская сирень), фейхоа, фотиния пальчатая, сосны Культера, Жеффрея, итальянская, Сабинова и замечательная, секвойя тиссовидная, юкки, кипарисы различных видов и многое, многое другое.

Из малых архитектурных форм следует отметить прекрасный лестничный спуск от старого корпуса Верхнего лагеря в парк, фонтан в восточном стиле, построен в 1851 году, изумительной красоты беседка, увитая розами, построена была ещё при графе Олизаре (ныне не существует), круглый фонтан в центре Верхнего парка. В 20-30-е годы много труда в развитие этих двух парков вложил замечательный агроном-садовод дореволюционной выучки А. Раабе.

Парк Е. П. Виннера был заложен в северо-западной части урочища Артек во второй половине XIX столетия бывшим директором Императорского Никитского ботанического сада Николаем Алексеевичем фон Гартвисом, который приобрёл в урочище участок земли площадью до семи гектаров. Центральная часть парка заложена в регулярном стиле, вся остальная, большая – в ландшафтном. Низменная, западная часть расположена в довольно глубокой балке, по которой протекает горная речушка Артек, впадающая в море на территории артековского лагеря «Морской». В центральной части, возле двухэтажного старинного особняка, находится достопримечательность этого парка – огромный болотный кипарис, поражающий своими размерами. От него ведут в разные стороны живописные аллеи и аллейки с разнообразной, преимущественно вечнозелёной растительностью. Насаждения этого парка насчитывают около двухсот видов и форм деревьев и кустарников, среди них немало редких, уникальных, и среди них сосны Тунберга, Сабинова, Монтезумы, Культера, приморская, гималайская и кедровая – редкостный набор, которому позавидует любой ботанический сад. Редкими являются и дуб пробковый, амбровое дерево, тюльпанное и железное дерево, камфорный лавр, поатикария кавказская и многие другие экзоты. Множество садово-парковых композиций свидетельствуют об изысканных художественных вкусах и мастерстве многих поколений садовников, которые создавали эту уникальную зелёную сокровищницу.

МЕДВЕДЬ – СЕРАЯ ГОРА (КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА)

Давно, очень давно произошло это событие. Крымский полуостров был покрыт тогда сплошным лесом, в котором жили огромные, страшные серые медведи. Их вожак, которого звали Серая гора, был больше всех и страшнее всех.

Люди боялись этих свирепых зверей, не осмеливались строить свои селения в лесах, их хижины лепились у самого моря и северной части полуострова. Медведи же брали с людей обязательную дань хлебом и мёдом. Прокормить такую прожорливую медвежью ораву было очень трудно и люди сами часто голодали. Время от времени, доведённые до отчаяния жители Крыма вступали в битву с медведями, но осилить их не могли и хищники продолжали обирать людей.

Северные бурые медведи, до которых доходили сведения о непобедимости их крымских собратьев, решили проверить их непобедимость и однажды вторглись в пределы полуострова. Страшной была битва этих гигантов, и серые крымские медведи осилили бурых северных, которые с тех пор не осмеливались больше появляться в Крыму.

Однажды, во время очередного сбора дани, между медведями и людьми завязалась кровопролитная схватка. Силы были явно не равны, и медведи перебили население большой прибрежной деревни, забрали у них весь хлеб и мёд, а жилища разрушили до основания.

В разгар битвы в лапы Серой горы попала девушка, которую вожак медвежьего племени почему-то пощадил и приказал отнести её в места обитания медведей на южное побережье, поселить в хижине на самом берегу моря и беречь пуще глаза своего.

Долго не могла привыкнуть к страшным зверям несчастная пленница, плакала, тосковала по своим родным, погибшим в схватке с медведями, но, в конце концов, стала привыкать к медвежьему семейству, в котором её искренне полюбили и всячески оберегали. Девушка подружилась с птицами и лесными зверушками, подкармливала их, оберегала, и они платили ей преданностью и любовью.

Молва о необыкновенной дружбе, взаимной привязанности и любви между свирепыми гигантами-медведями и красивой кроткой девушкой со временем докатилась до кавказских горных селений. Храбрые и благородные горцы-воины сочли это содружество противоестественным и решили выручить её, отнять у медведей и вернуть к людям.

Горцы снарядили корабли и отправились в Крым. Медведи, увидев приближающуюся к берегу флотилию парусников, затаились в лесной чаще и, дождавшись, когда горцы сошли на берег, обрушились на них всей своей стаей. Хищники рвали людей зубами и когтями, давили своими огромными лапами, и вскоре всё было кончено. На берегу лежали груды растерзанных и раздавленных тел.

Медведи, справившись с незваными гостями, отправились в лесные трущобы отдыхать. Наступила ночь, взошла луна и осветила своим мертвенным светом поле недавней битвы. И вот из груды мёртвых тел, с трудом, сдерживая стон, выполз израненный, истекающий кровью воин,

тот самый, который предложил горцам идти в Крым и возглавил этот, трагически окончившийся, поход.

Превозмогая боль, он дополз до воды и стал обмывать свои раны.

Он понимал, что жить ему остаётся не долго, до утра. Утром его обнаружат медведи и убьют. Пощады от них ждать не приходится. И решил он напоследок, перед смертью, всё же найти девушку, ради спасения которой он и его товарищи пошли на верную гибель. С трудом передвигаясь, оступаясь и падая, юноша забрался в лесную чащу и набрёл на хижину, в окошках которой мерцал слабый свет. На стук в окошко отозвалась скрипом открываемая дверь и наружу вышла девушка. Увидев окровавленного человека, она слабо вскрикнула и сделала попытку захлопнуть перед ним дверь, но справилась с испугом, ввела воина в избушку и спрятала израненного юношу в подпол.

Она тайно ухаживала за ним, врачевала травами и настойками его раны, кормила и поила, и он стал быстро поправляться. Окрепнув, он часто беседовал со своей спасительницей, рассказывал ей о Кавказе, о людях, которые жили там, и уговаривал её покинуть Крым, медведей и отправиться с ним на Кавказ, к людям. Она, в конце концов, согласилась, но нужно было придумать, как покинуть крымскую землю незаметно для медведей.

Сошлись на том, что уходить нужно морем и тогда, когда все медведи отправятся в северные районы полуострова для сбора дани. С приходом первых весенних дней, когда медведи отправились в очередной длительный поход за данью, девушка созвала своих лесных друзей – птиц и зверей – и с их помощью соорудили небольшое парусное судёнышко, и в один прекрасный день собрались уйти на нём в море. Но в это время издали донёсся медвежий рёв, отягощённые обильной данью, они возвращались из похода.

Наскоро оснащённый парусом и такелажем кораблик вышел в море и направился к кавказским берегам. Крепкий ветер наполнил парус, и судно стало быстро удаляться от берега. Медведи, обнаружив беглецов, в ярости припали к воде и стали глотать её своими огромными пастьми в надежде выпить море и захватить беглецов.

К ужасу своему девушка и горец обнаружили, что море быстро мелеет и судно вот-вот сядет на мель и станет добычей разъяренных медведей, и тогда конец.

И в этот критический момент над парусником показался стремительно летящий чародей с длинной-предлинной бородой. Девушка, плача, воздела к нему руки и стала горячо просить его спасти её и горца от верной гибели.

- Спой-ка мне, милая девушка, песню, да так спой, как никогда и никому не пела, тогда спасу.

И девушка запела. Запела так, как никогда, нигде и никому не пела.

А чародей слушал, слушал и колдовал, колдовал...

Медведи на берегу, опившись морской воды, валились отяжелевшие и обессиленные на землю, и только вожак их, Серая гора, продолжал жадно втягивать воду в свою огромную, ненасытную утробу. И вдруг почувствовал он, что лапы его костенеют, тяжелеют, перестают повиноваться ему, голова помимо его воли погружается в воду, он начинает задыхаться, захлёбываться, огромная его туша судорожно вздрагивает и замирает, тело его превращается в камень, а густая, жёсткая шерсть – в деревья и кустарники. Серая гора окаменел, превратился в огромную гору, покрытую лесом. Вода в море стала прибывать и судёнышко, подгоняемое ветром, вскоре прибыло к кавказским берегам.

Девушка и горец стали супругами, прожили долгую и счастливую жизнь.

А медведи в Крыму с той поры перевелись, и только один из них, Серая гора, огромный, каменный, уткнувшийся мордой в морскую гладь, напоминает о событиях, разыгравшихся на этих берегах давным-давно, так давно, что и не упомянуть. А люди называют гору эту – Аю-Даг, Медведь-гора по-татарски.

ОСТРОВА-БЛИЗНЕЦЫ АДАЛАРЫ (КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА)

Давным-давно, когда не было еще ни Гурзуфа, ни Кизильташа, ни Ай-Даниля, вся местность эта была сплошь покрыта лесами, где водились олени и косули, волки и медведи, лисицы и зайцы, барсуки и куницы, множество разных птиц. И только на самой вершине Медведь-горы в мрачном неприступном замке жила княгиня Елена с сыновьями-близнецами Георгием и Петром. Мальчики увлекались охотой, а когда выросли и возмужали, стали участвовать в военных походах, научились владеть оружием и вскоре прославились своими воинскими подвигами. Опекуном у них был старый опытный воин, слуга по имени Нимфолис. Внешность этого человека была примечательной: суровые, как бы рубленные топором, мрачные и жестокие черты лица, длинная зеленоватая борода, густые, нависшие над глазами, брови, короткие, мощные ноги и длинные, очень длинные, могучие руки. В многочисленных сражениях с врагом он виртуозно действовал не мечом, а огромной, тяжёлой, окованной медью, палицей, нанося ею страшные, разящие удары, опустошавшие боевые порядки противника.

Он учил молодых братьев-воинов воинскому мастерству, передавал им свой жизненный опыт. Молодые князья любили и уважали своего наставника, прислушивались к его мудрым советам. С годами, опекаемые Нимфолисом, братья возмужали, набрались жизненного и воинского опыта, успешно, с малыми потерями воевали с многочисленными врагами, чем снискали себе уважение и любовь своего народа.

Как-то в полночь пришёл к ним в горницу их верный Нимофлис и сказал, что настала пора покинуть их навсегда, так как они не нуждаются в его опеке, в его нравоучениях, так как стали они настоящими зрелыми мужчинами, мудрыми правителями своего народа. Пора уже обзаводиться семьями и думать о продолжении своего рода. Братья наперебой уговаривали его не покидать их, но старик оставался непреклонным.

Прощаясь с ними, Нимфолис вручил каждому по серебряному ларцу, инкрустированному перламутром, и предупредил, чтобы они воспользовались содержимым этих ларцов только в самом крайнем случае и никогда, ни при каких обстоятельствах в корыстных целях. Сказал и растворился в воздух, исчез навсегда.

Братья, сгорая от нетерпения, открыли ларцы. В одном находился жезл из слоновой кости с выгравированными на нём словами: «Подними его и море расступится перед тобой, и увидишь всё, что хранится в пучине морской». В другом ларце лежали серебряные крылья с надписью: «Взмахни крыльями, и понесут они тебя куда пожелаешь, и узнаешь там всё, что тебя интересует».

Обрадовались братья таким подаркам. Изредка пользовались волшебными свойствами этих предметов. Георгий побывал на дне морском, дивился всему, что встречалось ему в царстве Нептуна.

Пётр же поднимался на крыльях высоко в небо, летал над неведомыми странами. Обо всём увиденном рассказывали своим друзьям.

Однажды дошла до братьев весть, что в далёком от них месте у морского пролива есть богатый город, где в родовом замке живут девушки-близнецы невиданной красоты.

И вспомнили братья наставление Нимфолиса о необходимости подумать о своей жизни, обзавестись семьями и продлить свой род. И решили братья отправиться в тот город и взять этих девушек, которых они никогда не видели, себе в жёны.

Снарядили они многочисленный отряд опытных воинов и отправились в поход. Неожиданно напали они на город, атаковали замок, перебили воинов, охранявших его, побили местных жителей города, пытавшихся защитить сестёр, и силой взяли беззащитных, слабых девушек. Попутно воины пограбили многих жителей города, сожгли многие жилища и

отягощённые обильной добычей, ликующие, возвратились в свои владения на неприступной Медведь-горе.

Братья рассчитывали завоевать любовь и доверие пленниц, сделать их своими жёнами, но просчитались. Гордые девушки возненавидели насильников и были непреклонными. Как ни добивались Георгий и Пётр их благосклонности и любви, ничего у них не выходило, ибо любовь и насилие несовместимы.

Девушки требовали немедленно дать им свободу и препроводить в родные места. Братья не соглашались на это и надеялись, что со временем девушки смирятся со своим положением, сменят гнев на милость и заживут счастливой жизнью. Но время шло, а изменений никаких не наблюдалось. Девушки оставались неприступными и непреклонными.

И решили братья раскрыть перед ними свою тайну, воспользоваться волшебной силой жезла и крыльев, чтобы привлечь сестёр на свою сторону, добиться таким путём своих целей. И они показали девушкам-близнецам подарки Нимфолиса.

И к удивлению братьев девушки проявили повышенный интерес к подаркам, и они захотели на деле убедиться в волшебных свойствах крыльев и жезла. Но братья засомневались, не нарушат ли они завет их мудрого Нимфолиса не пользоваться волшебными подарками в корыстных целях.

Поразмыслив и порассуждав, они пришли к мнению, что особого греха здесь нет, Нимфолис поймет их и не осудит. Ведь не корысти ради, а во имя будущего счастья – любви и согласия в грядущей совместной жизни – решились они сделать это. И Пётр решился первым продемонстрировать сёстрам волшебные свойства серебряных крыльев.

Тихим солнечным утром он прикрепил крылья к седлу своего любимого коня, и все четверо взгромоздились на него. Конь взмахнул крыльями и стремительно стал набирать высоту. Вскоре они прошли сквозь облака и стали приближаться к солнцу. Жар солнечных лучей становился нестерпимым, солнечный свет слепил глаза, и в это мгновение братья услышали знакомый голос Нимфолиса: «НЕ поднимайтесь выше, сторите, спускайтесь вниз, на землю, скорей, скорей!».

Испугались всадники, остановили коня, Пётр направил его вниз. От стремительного полёта к земле у сестёр занялся дух, и они потеряли сознание. На земле, придя в себя, девушки наперебой стали обвинять братьев в трусости, до солнца оставалось совсем недалеко, а братья испугались и возвратились раньше времени на землю. Недостойны трусы нашей любви и уважения.

Расстроились братья, приуныли. Не слышали девушки предостерегающего голоса Нимфолиса, скажи им об этом, – не поверят.

И решил Георгий отправиться с ними на дно морское, в царство Нептуна, убедить сестёр, что не трусы они, что готовы пойти на всё ради любви и доверия сестёр, которых они крепко полюбили. И в ближайшее утро запряг Георгий в колесницу лучших коней, и вчетвером отправились с Аю-Дага по гужевой дороге, крутой и извилистой, на берег моря. Здесь он извлёк из ларца волшебный жезл, поднял его над головой, и расступились хляби морские, образовав широкий с прозрачными стенами коридор, ведущий ко дну морскому, ко дворцу морского владыки Нептуна. В это мгновение перед внутренним взором братьев предстал Нимфолис и сказал: «И ты, Георгий, с нечистыми замыслами увлёк сестёр в пучину морскую, возвращайтесь на берег пока не поздно. Вы здесь незваные гости, гибель вас ожидает здесь».

Ослушался Георгий, направил коней ко дворцу владыки морского, и разгневался Нептун. Поднял свой грозный трезубец и убил братьев и сестёр. Всплыли их мёртвые тела на поверхность моря, соединились парами и окаменели на веки вечные. И возвышаются с тех пор над гладью моря скалы-близнецы Адалары в Гурзуфской бухте, напоминая людям о том, чем кончаются нечестные попытки овладеть кем-то или чем-то силой, коварством или лживыми посулами.

ПОТЁМКИНСКИЕ ДОМА В АРТЕКЕ

На сохранившейся до наших дней старинной гравюре известного русского художника Чернецова изображены строения урочища Артек, возведённые графом Густавом Олизаром в 20-е годы XIX столетия. Судя по гравюре, строения эти были лёгкими, дачными, мало приспособленными для проживания в холодную пору. Как известно, граф владел артековским имением до 1832 года, когда оно было продано князю А. М. Потёмкину за 80 тысяч рублей серебром. Последний раз граф побывал в своём имении в 1827 году, когда возвращался с Кавказа в свои владения на Украине.

Первое время новые владельцы проживали в одном из олизаровских домов, но затем их разобрали и на этом месте возвели два каменных дома, а во дворе – флигель.

Западнее основного господского дома в 30-е годы домашняя церковь Во Имя Рождества Пресвятой Богородицы.

После смерти А. М. Потёмкина владелицей имения оставалась его супруга Татьяна Борисовна Потёмкина, урождённая княгиня Голицына, фрейлина императрицы Марии Александровны – супруги Александра II.

Татьяна Борисовна была глубоко набожным человеком, частенько путешествовала по Крыму с миссионерскими целями, пытаясь обращать татар-мусульман в христианскую веру. Император Александр II подшучивал над ней и дал княгине прозвище «патриарх». У неё во флигеле постоянно проживали монашки, а в престольные праздники в домашней церкви отправлял службу священник из Космо-Дамиановского монастыря, расположенного за горной грядой Бабугана в центральной котловине Крымских гор.

Основной потёмкинский дом, расположенный напротив корпуса лагеря «Алмазный», не представляет собой ничего особенного, а для княжеского обиталища выглядит слишком уж скромным и непритязательным, таких домов много.

Но вот остатки бывшего великолепия внутреннего интерьера его пяти комнат сохранялись ещё и в первые годы после Великой Отечественной войны. Это широкие подоконники из белого мрамора, дверные и оконные наличники из красного дерева, оконные и дверные ручки из цветного хрусталя. Старожилы утверждали, что паркетный пол в комнатах этого дома был высокохудожественной работы и разобран был в 30-е годы XX века. Замечательным был и резной замок на входной двери. При повороте большим бронзовым ключом из замка доносился мелодичный музыкальный перезвон. Да и сами входные двери были изготовлены в виде витража из разноцветных стёклышек. С незастеклённой веранды открывался чудесный вид на море, на прибрежную зону до самого Суук-Су и дальше, до мыса Мартьян. С этой веранды красотой здешней природы любовались поэт В. А. Жуковский и его подопечный наследник-цесаревич, будущий император Александр II, а ещё раньше, с веранды олизаровского дома – А. С. Грибоедов и А. Мицкевич, Александр I.

В 1858 году Татьяна Борисовна построила в своём имении на самом берегу моря, напротив «Чёртова домика», ещё один одноэтажный дом – пяти-комнатный, с круговой верандой. По некоторым данным дом этот был сооружён для императрицы Марии Александровны, которая якобы страдала «грудной болезнью». Императрица дважды или трижды гостила в этом доме и здесь её навещал августейший её супруг император Александр II. До 1960 года в этом доме находилась экспозиция артековского краеведческого музея. При реконструкции Нижнего палаточного лагеря здание это было разобрано и на его месте возвели гостевой корпус «Морского» лагеря. О былых временах напоминают здесь очень старые кусты лавра благородного, которые когда-то окружали старый потёмкинский дом.

Основной же господский дом наверху заселён семьями работников лагеря. Живут люди и в бывших монашеских апартаментах, и в соседнем старинном доме. Веранды в конце 50-х – начале 60-х годов застеклили, к домам пристроили убогие сарайчики и тамбурочки и в результате исторические эти здания приобрели неказистый вид.

Церковь в 1935 году была перестроена в артековский клуб. В годы немецко-румынской оккупации клуб был разрушен до основания и на его месте после войны устроили летнюю киноплощадку. Сейчас здесь заросший сорняками пустырь.

АРТЕКОВСКИЙ ПОСЁЛОК ПЕРВУШИНО

У самого подножия Аю-Дага расположен небольшой, состоящий из четырёх, старинной постройки одно и двухэтажных домов, двух двухэтажных современной постройки и старинной же постройки винподвала с обширным винным складом. Здесь же в 1977 году была построена районная котельная, снабжающая горячей водой комплекс лагерей «Горный», «Морской» лагерь и жилой фонд восточной зоны Артека.

С давних времён посёлок этот носит название Первушино, по фамилии последнего до октябрьской владельца имения «Артек» московского купца первой гильдии Ивана Александровича Первушина.

Первые хозяйственные постройки на месте нынешнего посёлка были сооружены в 20-е годы XIX века первым владельцем имения «Ортек» польским графом Густавом Олизаром. Стрoения эти запечатлены на гравюре художника Н. Г. Чернецова «Ортек», хранящейся в фондах Воронцовского музея в Алушке.

В 1832 году имение графа Олизара приобрёл князь А. М. Потёмкин. После его смерти Артеком владела его супруга Т. Б. Потёмкина, урождённая кн. Голицына. Она скончалась в своём имении – в Артеке в 1872 году. Имение перешло по наследству её несовершеннолетнему брату князю А. Б. Голицыну, который за три года хозяйствования довёл его до плачевного состояния и вынужден был в 1875 году продать имение купцу И. А. Первушину.

Иван Александрович к этому времени уже владел обширными садами и виноградниками в Узбекистане, под Одессой, имел торговые склады в Москве и в других городах российской империи вплоть до Дальнего Востока.

Усилиями Первушина и его предприимчивых сыновей в Артеке значительно увеличились площади под виноградниками. В 1888 году Первушины купили обширный участок

превосходной земли соседнего имения наследников знаменитых купцов Строгановых (территория нынешнего артековского комплекса лагерей «Прибрежный»), на которых высадили тысячи саженцев превосходных сортов винограда, приобретённых во Франции, в Италии и Испании.

Вскоре в имении Артек было налажено промышленное производство столовых и десертных вин, завоевавших всеобщее признание, как в России, так и за рубежом.

«Торговый дом И. А. Первушин и сыновья» поставлял на российский, а затем и на европейский рынок столовые вина, среди которых большой популярностью у потребителей пользовалось столовое белое № 1. На Московской политехнической выставке и на международных дегустациях вино это было отмечено пятью большими золотыми медалями.

Высочайшего качества добивалась первушинские виноделы при изготовлении мускатных десертных вин, и совершенно не случайно И. А. Первушин был удостоен высочайшей привилегии поставлять вина артековского производства к царскому столу. Ему был присвоен официальный титул «Поставщик вин к столу Их Величеств».

Сыновья И. А. Первушина принимали самое непосредственное участие в работе по осуществлению всех замыслов своего предприимчивого родителя в области виноградарства, виноделия, садоводства и торговли. Много сил и средств было вложено в парковое хозяйство имения. Оригинальным образом увековечили Первушины память А. С. Пушкина в Артеке: в 1887 году к 50-летию со дня гибели поэта на дуэли, от посёлка Первушиных по направлению к мысу Аю-Дага была проложена Пушкинская тропа. По их мнению тропа эта должна была связать Артек с Партенитом – древним посёлком у восточных склонов Аю-Дага – «над зеленеющей влагой... вокруг утёсов Аю-Дага». Видимо последние строки пушкинского «Бахчисарайского фонтана» вдохновили Первушиных на это предприятие.

Пробить в отвесных диоритовых скалах, высоко над морем, тропу вокруг горного массива в Партенит – задача для того времени непосильная. И всё же турецкая артель рабочих взялась за это дело. От посёлка по направлению к морю была проложена дорога, которую сумели довести до крутых обрывов над морем и здесь приступили к самой сложной, самой трудоёмкой и опасной для жизни рабочих прокладке тропы на отвесных скалах Аю-Дага. И случилась беда, в обрыв упал рабочий и погиб. Артельщики единодушно отказались продолжать работы, расторгли контракт, и замысел Первушиных так и не был до конца осуществлён.

Но и тот участок тропы, который был проложен по направлению к мысу Аю-Дага, стал достопримечательностью здешних мест. Тропа проложена в живописной местности, конечный

её отрывок пролегает над археологическим памятником – остатками поселения VIII - XV веков, - поселением местных кораблестроителей, которое в 1475 году подверглось внезапному нападению турецких янычар, было разграблено и сожжено. Разгром довершил огромный оползень. Археологические раскопки 1963 года позволили выяснить немало интересных данных об этом поселении, просуществовавшем здесь более семисот лет, но не оставившем потомкам своего названия. До сих пор здесь от очень старых корней пробиваются и растут виноградные лозы и маслиновые деревья.

Местность эту время от времени сотрясают камнепады и обвалы скал. В послевоенные десятилетия это случилось дважды, в 1954 и 1961 годах. Посещая эти места, нужно постоянно помнить об этой опасности и долго не задерживаться на конечном участке тропы.

Весной здесь очень красиво, зацветают массивы так называемой дикой сирени – травянистого растения с душистыми соцветиями, напоминающими обычную сирень, много здесь и других травянистых, среди которых и очень редкие.

ПУШКИНСКИЕ ГРОТЫ

Удивительно своеобразна и красива приморская часть территории нынешнего артековского лагеря «Лазурный».

Особенно живописен огромный скалистый массив, возвышающийся над гладью моря. На вершине его находится Пушкинская площадка с видовой башенкой и Пушкинским сказочным городком. Неподальку от скалы, в море, островки Адалары. По направлению к Адаларам устремился обрывистый, Султанский или Шаляпинский мыс.

Достопримечательностью этих мест является Пушкинский грот, таящийся в недрах скалистого массива.

Проникнуть в него можно только с моря, на лодке или вплавь, что и проделывают отдельные хорошие пловцы. Их усилия вознаграждаются фантастическим зрелищем, которое предстает их взору в этом гроте. Образовалось это чудо природы в результате мощных ударов морских волн в штормовую погоду и незаметной, но упорной разрушительной деятельности просачивающейся сверху воды. Она, как известно, камень точит. Вот и выточила за минувшее тысячелетие в толще массива огромный сводчатый зал.

В «Крымской газете» от 12 и 19 декабря 1994 года была опубликована статья учителя артековской школы, краеведа, Александра Фролова под названием «Тайны Артековской

бухты». В этой статье на основании вдумчивого анализа гомеровской поэмы «Одиссея» автор сделал попытку доказать, что Адалары ни что иное, как Бродящие или Блуждающие утёсы Планкты или Симплегады, между которыми проскочили корабли Одиссея. А Пушкинский грот ни что иное, как жилище Скиллы:

...Камень скалы; и на самой её середине пещера,
Тёмным жерлом обращённая к мраку Эреба на запад;
Мимо неё ты пройдешь с кораблём, Одиссей
многославный.
(Гомер, «Одиссея»).

Автор статьи утверждает также, что существующие сегодня доказательства, так сказать материального свойства в виде фрагментов древнегреческой керамики – обломков пифосов и амфор, сплошь и рядом встречающихся на дне Артековской бухты, свидетельствуют о том, что в период греческой колонизации Северного Причерноморья и позднее, в средние века, здесь проходил оживлённый морской путь из Средиземного моря к берегам Боспорского царства и дальше, к берегам Кавказа, в Колхиду.

Почему бы не предположить, что и хитроумный Одиссей проследовал этим путём? Однако выводы эти оспариваются О. Новиковым из Партенита, который в полемической статье «Свежо предание» в той же «Крымской газете» от 15 декабря 1994 года пишет, что в «Одиссее» описание географических местностей – плод фантазии автора, и что речь идёт не о крымских, а о босфорских берегах, до которых от Олимпа гораздо ближе, нежели до крымских.

И всё же версия А. Фролова не лишена привлекательности.

Но вернёмся к Пушкинскому гроту.

Куполообразный зал приличной высоты, многочисленные расщелины, тёмные таинственные тупички и закоулки хранят какие-то тайны. На уступах и в трещинах свода гнездятся дикие голуби, хищные кобчики и звонкоголосые стрижи. Дно этого грота – зыбкий, расплавленный хрусталь, в глубине которого вспыхивают и гаснут таинственные огоньки, озаряющие причудливую мозаику донных нагромождений гладко откатанных камешков, морского песка вперемешку с раковинами мидий и обломками известняка. Разноцветные заросли морских водорослей со снующими между ними мелкими рыбёшками дополняют эту пленительную картину. И всё это сопровождается монотонным всхлипыванием водной хляби.

В штормовую погоду здесь всё кипит и грохочет. Огромные волны разбиваются о скалы, взметая ввысь каскады брызг и пены. Вход в грот то открывается, то полностью закрывается кипящими каскадами воды.

Совсем недавно Александром Фроловым в толще скалистого массива были обнаружены другие, более величественные пещеры, в которые он проник из Пушкинского грота с аквалангом, преодолев подводный сифон. Здесь царит вечный мрак и напряжённая тишина. Проникнуть сюда можно только с аквалангом, да и то при известной сноровке, мужестве и профессиональных навыках опытного спелеолога.

В этих гротах сохраняется первозданная чистота и, по-видимому, им суждено оставаться такими на века.

Что же касается Пушкинского грота, то до сих пор неизвестно, кто и когда назвал его именем великого нашего поэта.

В 1887 году художники И. Е. Репин и И. К. Айвазовский написать совместно широко известную картину «Прощание Пушкина с Чёрным морем» («Прощай, свободная стихия!»).

Бытует версия, что великие живописцы изобразили поэта стоящим на омываемом волнами камне неподалёку от входа в грот. Документального подтверждения этому не существует.

Пушкинский грот, Пушкинская площадка сверху над гротом, Пушкинская смотровая башенка, построенная в начале века, мраморный бюст поэта работы московского скульптора, профессора А. Емельянцева и городок Пушкинских сказок, сооружённый студентами нефтяного института из города Уфы (Башкирия) в 1988 году – всё это дань памяти великому поэту, почтившему своим вниманием эти благословенные места в 1820 году.

Есть в Гурзуфе, на восточной окраине посёлка ещё один Пушкинский грот. Находится он под самой Генуэзской скалой с её восточной стороны.

Среди старожилов Гурзуфа издавна ходит предание о том, что в 1820 году Пушкин любил вечерами бродить по кривым, узким улочкам татарской деревушки и поднимался на руины Генуэзской крепости. Полубовавшись панорамой Главного горного хребта, он спускался из крепости и направлялся в небольшой грот, где засиживался часами, любуясь морем с призрачно мерцающей лунной дорожкой, и вслушиваясь в мерные плески волн, доносившихся снизу.

Вот с той то поры и именуется этот грот Пушкинским.

С годами, когда Гурзуф стал губонинским курортом, когда по соседству появился ещё один курорт – «Суук-Су», когда в Гурзуф стали приезжать и неорганизованные курортники, Пушкинский грот стал местом паломничества почитателей пушкинского таланта.

В начале прошлого XX столетия владелец Генуэзской скалы и прилегающей к ней небольшой территории г-н Сираковский благоустроил этот грот. В него был сделан

облицованный тёсаным камнем вход с лестницей и металлической, художественной ковки, калиткой. Сверху, над гротом, была построена колоннада с красивой балюстрадой и фонтаном. Весь этот комплекс был увит вьющимися розами.

Как из грота, так и колоннады, открывается чудесный вид на море, на Аю-Даг и Адалары, а вокруг – великолепный парк.

Здесь, под сенью Генуэзской скалы, самое красивое место этого парка. Экзотическая растительность удивительно гармонично сочетается со скалистыми отрогами и представляет собой удивительную картину, созданную самой матерью-природой и трудом талантливых садоводов прошлого.

ШАЛЯПИНСКИЙ МЫС

От Пушкинской площадки, расположенной на скалистом массиве, в недрах которого находятся Пушкинский грот и другие карстовые образования, в направлении островков – Адалар – простирается массивный скалистый мыс Султанка или Султанский. Забраться на него можно лишь с одной стороны, с северной, по узенькому перешейку и по крутой тропе вверх.

Кто и когда назвал этот мыс Султанским – неизвестно, хотя можно предположить, что назван он был так в начале прошлого столетия, когда урочище Хазары и господское имение в этом урочище принадлежали представителю рода крымских ханов И. А. Султан-Крым-Гирею. В кругу гостеприимной семьи владельца имения в 1820 году неоднократно коротал время А. С. Пушкин, гостивший с семьёй Раевских в доме дюка Ришелье в Гурзуфе.

Известный российский курорт «Суук-Су, открывшийся здесь 1 августа 1903 года, стал местом притяжения известных деятелей культуры того времени. Ф. И. Шаляпин с семьёй неоднократно отдыхали на этом курорте, снимая комфортабельные номера в гостинице «Орлиное гнездо», сохранившейся до настоящего времени на территории артековского детского лагеря «Лазурный».

Фёдор Иванович с женой Иолой Игнатьевной и детьми любили совершать прогулки по живописным местам Артека, Суук-Су и Гурзуфа. До наших дней дошёл фотоснимок: Фёдор Иванович с дочерью, верхом на лошадях, на Пушкинской тропе в районе Аю-Дага, снимок 1916 года.

Очарованный красотой здешних мест, Фёдор Иванович Шаляпин задумал превратить курорт «Суук-Су» в своеобразную Мекку для деятелей литературы и искусства.

В своей книге «Маска и душа» он писал: «... Я самостоятельно задумал в России дело, которое я считал основным делом моей жизни. Я согрел мечту, которая была мне дороже всего. Я решил посвятить и мои материальные средства и мои духовные силы на создание в России интимного центра, не только театрального, но и вообще искусства... Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря... На ней я решил построить замок искусств. Именно замок. Я говорил себе: были замки у королей и рыцарей, отчего не быть замку у артистов?».

Для будущего замка Фёдор Иванович облюбовал Султанский мыс и не долго думая обратился к владелице курорта Ольге Михайловне Соловьёвой с просьбой продать ему этот мыс с прилегающим к нему небольшим земельным участком. И получил категорический отказ. Но Фёдор Иванович всё же стал владельцем этого мыса и даже приступил к строительству будущего замка.

По одной версии Ольга Михайловна подарила ему мыс после весёлого пикника, который организовал на берегу моря у подножия Аю-Дага сам Фёдор Иванович. Там он пел, и очарованная его бесподобным пением Соловьёва подарила ему мыс. Но есть и другая версия.

Известный писатель, академик С. Н. Сергеев-Ценский в своём стихотворении «Скала Шаляпина» повествует об этом следующим образом:

В семнадцатом году, в июне,
В ночном в двенадцатом часу
Шла из Гурзуфа в новолунье
По направлению в Суук-Су

Толпа людей. Их вёл Шаляпин
К своей на берегу скале.
В рубахе белой, в белой шляпе
Огромный, двигался во мгле...

... А на скале, как на эстраде,
Всё так же к морю обратясь,
Шаляпин пел не скуки ради,
А будто бы заре молясь...

И в конце стихотворения:

... Шаляпин пел всю ночь. На диво
Огромный голос не слабел.

Так вдохновенно и красиво

Он никогда нигде не пел.

Якобы после этой ночи у костра на вершине Султанского мыса, когда местные жители, затаив дыхание, слушали великого певца земли русской, владелица курорта согласилась продать Фёдору Ивановичу этот мыс с прилегающим к нему крохотным участком земли.

Купчая на землю была оформлена в Симферополе 29 июля 1917 года. Фёдор Иванович приобрёл участок мерою 1488 квадратных сажений. Купчая была заверена исполняющим обязанности старшего нотариуса (подпись неразборчива) и заверена гербовой печатью. Проект замка был заказан московскому архитектору Фомину, а строительными работами руководил близкий друг Шаляпина – Масалиди, который успел построить на узкой перемычке изящный переход к мысу. Это сооружение сохранилось. А вот сам замок построен не был. Шаляпин покинул родину, отбыл в эмиграцию.

Октябрьская революция и долгая гражданская война не способствовали осуществлению его благородной идеи.

Султанский же мыс переименовали в Шаляпинский, и напоминает он о великом российском артисте и его неосуществлённой мечте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассказом о Шаляпинском мысе заканчивается повествование о Гурзуфе и его окрестностях, очаровывающих всех, кто приезжает в Крым, на его Южный берег. В очерках впервые рассказано о человеке, которому Гурзуф обязан своим возрождением в совершенно новом его качестве – первого южнобережного курорта, человеку, поднявшим курортную крымскую целину – о Петре Ивановиче Губонине.

Прежде, в крымской краеведческой литературе, о нём писали буквально следующее: он де капиталист и в целях дальнейшей наживы создал гурзуфский курорт. И всё. И вся. Вся «исчерпывающая» информация. А по справедливости имя этого человека следовало бы давным-давно увековечить каким-то образом в Гурзуфе, ну, хотя бы мемориальной доской, как это было сделано в Артеке, где память основателей курорта «Суук-Су» В. И. Березина и О. М. Соловьёвой увековечили мемориальной плитой на стене здания Дворца «Суук-Су».

Давно пора уже отменить событие, связанное с пребыванием в Гурзуфе в 1472 году знаменитого российского путешественника «за три моря» в далёкую Индию, тверского купца

Афанасия Никитина. Отметить мемориальной доской, а может быть даже соответствующим памятником, на набережной посёлка. Он мог бы стать привлекательным объектом для туристов и многочисленных курортников, прибывающих на отдых в Гурзуф.

В своей более чем полуторатысячелетней истории Гурзуф переживал периоды развития и упадка, расцвета и увядания. Всё это было обусловлено объективными социально-экономическими и политическими процессами, которые переживал Крым в эллинскую эпоху, в средние века, в новый и новейший исторические периоды.

Нынешний Гурзуф занимает достойное место в курортной системе Крыма в целом и южного побережья в частности.

Посёлок городского типа с населением более шестнадцати тысяч человек с развитой современной инфраструктурой, в общем и целом соответствующей статусу курортного посёлка городского типа.

Из года в год, из десятилетия в десятилетие росла и продолжает расти популярность Гурзуфа как здравницы независимой Украины.

Судьба Гурзуфа, как широко известного климатического курорта, всегда волновала и продолжает волновать людей, которым не безразлично, что с ним станет в будущем, будет ли он обладать притягательной силой для тысяч и тысяч людей, которые без малейших сомнений были бы готовы идти на затраты, связанные с их пребыванием на любимейшем курорте. А проблем у Гурзуфа и сегодня предостаточно и некоторые из них отрицательно сказываются на настроении людей, прибывающих сюда на отдых и лечение. И, как ни странно, проблемы, на которые указывала в своём докладе О. М. Соловьёва в 1915 году на съезде по улучшению лечебных местностей, проходившем в Санкт-Петербурге, и проблемы, которые отметила специальная Комиссия Курортного Благоустройства деревни Гурзуф и его окрестностей в 1916 году в докладе Ялтинскому уездному земству и Ялтинскому Градоначальству, в значительной степени остаются актуальными и сегодня, хотя с тех пор прошло уже девяносто пять лет! А нынешние проблемы всё те же: это и благоустройство посёлка и его окрестностей, системы работы пассажирского автомобильного и прибрежного морского транспорта, водо и электроснабжения, отопления жилищ в холодное время года, санитарное состояние жилищ, дворов, пляжей и мест общего пользования, неэффективность, а то и полное отсутствие рекламы, дороговизна жизни в посёлке, ограничения, которые устанавливают руководители здравниц для неорганизованных курортников и жителей посёлка, связанных с посещением пляжей и курортных парков и т.д. и т.п. А отсутствие полноценного гостиничного хозяйства – всего одна небольшая гостиница «Чайка» – лишает неорганизованных курортников

возможности проживать в нормальных условиях. Кроме того, гостиничное хозяйство давало бы ощутимый вклад в бюджет посёлка, который можно было бы вкладывать в дальнейшее развитие курорта.

Сегодня же отдыхающие без путёвок вынуждены мириться с углами и лоджиями, сдаваемыми жителями за определённую плату, ютиться в сараях и под дворовыми навесами, нести немалые финансовые расходы за неустроенный «курортный» быт, и всё это ради того, чтобы прожить у моря энное количество дней, обрести здоровье и получить массу неизгладимых впечатлений от крымской природы и его уникальных достопримечательностей. И всё же, приезжайте в Гурзуф, не пожалеете!